

ПРЕЦЕДЕНТЫ

ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ТЕМА НОМЕРА:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В КОНТЕКСТЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 1 (3 7) Я Н В А Р Ь 2 0 1 7

**Электронное
периодическое издание**
«Прецеденты
Европейского Суда
по правам человека»
№ 1 (37) ЯНВАРЬ 2017

**Свидетельство
о регистрации СМИ**
ЭЛ № ФС77-58098
от 20 мая 2014 г.,
выдано Федеральной
службой по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

Учредители
ООО «Развитие
правовых систем»,
Ю.Ю. Берестнев,
Д.Ю. Давыдов

Редакция и издатель
ООО «Развитие
правовых систем»

Подписано в печать
30.01.2017 г.

Главный редактор
Д. Давыдов

Перевод текстов
Е. Кольцов,
Г. Николаев

Адрес редакции
127050 г. Москва,
ул. Суцеская, д. 12, стр. 1.
Тел.: +7 (499) 258-5601
E-mail: info@echr.today
www.echr.today

Объем выпуска 1.0 Мб

Свободная цена

Перепечатка материалов,
а равно иное использо-
вание в коммерческих
и некоммерческих целях
возможны только
с письменного
разрешения редакции.
Мнение редакции может
не совпадать с точкой
зрения авторов статей
и аналитических
материалов

© «Прецеденты
Европейского Суда
по правам человека», 2017
© ООО «Развитие
правовых систем», 2017

В оформлении дизайна
издания используется
символика Совета Европы
и Европейского Суда
по правам человека
© Совет Европы /
Архитектура: Партнерство
Ричарда Роджерса
(Richard Rogers
Partnership) (Европейский
Суд по правам человека)

**Минимальные системные
требования:** Windows
2000/XP; процессор
с частотой 2,0 ГГц;
512 Мб ОЗУ;
20 Мб свободного места
на жестком диске

От редакции

В новом, 2017 году мы приготовили для наших читателей много неожиданных материалов, выбрав темы, которые являются злободневными, но мало освещаются в журналах, рассчитанных на юристов широкого профиля. Вместе с тем прецедентная практика Европейского Суда по правам человека может существенно помочь практикующему юристу вести дела, которые озадачивают или даже ставят в тупик того, кто не специализируется на узкой проблематике. Безусловно, к таким категориям относятся дела по экстрадиции и депортации, по защите прав пожизненно заключенных, по отобранию детей органами опеки, по защите жертв домашнего насилия, по недобросовестной конкуренции и многие другие, с которыми мы познакомим своего читателя в ближайших номерах.

Первый номер наступившего года мы посвятили вопросам обеспечения прав человека в контексте трудовых отношений. Открывает его статья доцента Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Елены Сыченко, которая анализирует практику Европейского Суда по делам, связанным с увольнением, запретом принудительного труда, защитой права работника на уважение частной жизни и права работника на свободу выражения мнения. В деле «Ольга Назаренко (Olga Nazarenko) против Российской Федерации» заявительница обжаловала в национальном суде увольнение из средней школы в связи с предположительно примененным насилием в отношении ученика.

В деле «Хитос (Chitos) против Греции» заявитель – офицер-медик в вооруженных силах жаловался на то, что его обязали выплатить крупную денежную сумму, так как он решил досрочно прекратить службу в армии.

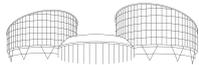
Заявитель в деле «Сыро (Söro) против Эстонии» жаловался на люстрацию и раскрытие персональной информации о его работе водителем в КГБ в советское время. В деле «Аурелиан Опря (Aurelian Oprea) против Румынии» заявитель – преподаватель университета стал жертвой обвинений в клевете за ряд публикаций в СМИ о коррупции в университете и плагиате. В этом деле Европейский Суд установил нарушение статьи 10 Конвенции (право на свободу выражения мнения), с которым не согласился судья Андраш Шайо. Советуем читателю обратить внимание на его особое мнение по данному делу.

В последнем деле, «Саньи (Szanyi) против Венгрии», заявитель, являвшийся депутатом парламента, жаловался на применение к нему дисциплинарных санкций за использованную им форму выражения своего мнения. В этом деле, безусловно, представляет интерес особое мнение судьи Эгидиуса Куриса, который частично согласился, а частично нет с принятым большинством судей решением.

С некоторыми другими решениями по данной тематике вы сможете познакомиться в наших журналах «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» и «Российская хроника Европейского Суда». Во всех наших изданиях предусмотрен единый формат переводов и справочных данных – отсылок к источнику опубликования.

Ближайшие номера нашего журнала будут посвящены вопросам депортации, домашнего насилия, недобросовестной конкуренции.

Следите за нашими оперативными публикациями на сайте www.echr.today и на Facebook, а также подписывайтесь и читайте наши журналы «Прецеденты Европейского Суда по правам человека», «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» и «Российская хроника Европейского Суда»!

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 2

*Елена Сыченко. Практика Европейского Суда по правам человека
в области защиты трудовых прав* 4

Постановления (решения), вынесенные по жалобам против Российской Федерации)

Ольга Назаренко против Российской Федерации 14
[Olga Nazarenko v. Russia] (жалоба № 3189/07)

Заявительница жаловалась на то, что судебные слушания по ее иску о восстановлении на работе в должности учительницы состоялись в ее отсутствие, которое произошло по независящим от нее причинам. Она утверждала, что ее отсутствие на судебном заседании стало следствием того, что между островами Шикотан и Кунашир в это время не курсировал общественный транспорт.

Постановления (решения), вынесенные по жалобам против государств – участников Конвенции (кроме Российской Федерации)

Хитос против Греции 22
[Chitos v. Greece] (жалоба № 51637/12)

Заявитель жаловался на то, что возложенная на него законодательством Греции обязанность отслужить в вооруженных силах весьма длительный, по его мнению, срок или выплатить государству избыточную сумму за прекращение его службы составляла принудительный или обязательный труд, поскольку она возлагала на него непропорциональное бремя и являлась ограничением его свободы трудоустройства.

Сыро против Эстонии 32
[Sõro v. Estonia] (жалоба № 22588/08)

Заявитель жаловался на то, что раскрытие информации о его работе в советский период водителем в КГБ имело для него негативные последствия после того, как в Интернете было опубликовано объявление, в котором его назвали человеком, оккупировавшим Эстонию. Заявитель утверждал, что это привело к нарушению его права на уважение личной и семейной жизни.

Аурелиан Опря против Румынии 70
[Aurelian Oprea v. Romania] (жалоба № 12138/08)

Заявитель, являвшийся преподавателем в университете, жаловался на то, что его привлечение к гражданской ответственности с возложением обязанности выплаты морального вреда нарушило его право на свободу выражения мнения. Заявитель утверждал, что он был привлечен к ответственности за высказанные мнения о плагиате и коррупции в университете, которые представляли интерес для всего общества.

Саньи против Венгрии 85
[Szanyi v. Hungary] (жалоба № 35493/13)

Заявитель, депутат парламента, жаловался на применение к нему дисциплинарных санкций в виде штрафа за выражение своего мнения во время заседания парламента. Он утверждал, что оспариваемые меры не преследовали какой-либо правомерной цели, являлись несоразмерными и оказывали сдерживающий эффект на депутатов, которые выражали свое политическое мнение по вопросам, представляющим общественный интерес, иными словами, они представляли собой цензуру.

Практика Европейского Суда по правам человека в области защиты трудовых прав

ЕЛЕНА СЫЧЕНКО¹

Аннотация. Прецедентное право Европейского Суда по правам человека в последние 10 лет демонстрирует растущее значение прав человека в сфере трудовых отношений. За этот период Европейский Суд расширил толкование принципа запрещения принудительного труда и дискриминации, понятия «личная жизнь работника» и внес значительный вклад в защиту права работника на объединение, на свободу вероисповедания и выражения мнений. В настоящей статье анализируются наиболее интересные дела, рассмотренные Европейским Судом, имеющие отношение к запрету принудительного труда, к защите права работника на уважение частной жизни и права на свободу выражения мнения.

Ключевые слова. Европейский Суд по правам человека, принудительный труд, уважение частной жизни, свобода выражения мнения, права работника.

Abstract. The case law of the European Court of Human Rights over the past 10 years demonstrates the growing importance of human rights at work. During this period the European Court expanded the interpretation of the principle of the prohibition of forced labour, of the prohibition of discrimination and of the «employee's privacy». It contributed to the protection of the right to association, to the freedom of religion and expression. This article provides the research of the most interesting cases, considered recently by the European Court, which have relevance to the prohibition of forced labour, to protection of the employee's right to respect for private life and the right to freedom of expression.

Keywords. The European Court of Human Rights, forced labour, privacy at work, freedom of expression, human rights.

В последние годы все более активной становится дискуссия о взаимосвязи трудовых прав и прав человека². Прецедентное право Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд) в последние 10 лет демонстрирует растущее значение прав человека в сфере трудовых отношений. Европейский Суд в течение этого времени расширил толкование принципа запрещения принудительного труда и дискриминации, понятия «личная жизнь работника» и внес значительный вклад в защиту права работника на объединение, на свободу вероисповедания и выражения мнений.

В настоящей статье будут проанализированы наиболее интересные решения, имеющие отношение к трудовому праву, рассмотренные в 2015 году и первом полугодии 2016 года. За этот период Европейский Суд вынес 16 решений и постановлений, в которых зафиксированы правовые позиции, имеющие значение для защиты прав работника. Статья посвящена анализу только тех дел, которые были рассмотрены в свете следующих статей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция): 4 (запрещение принудительного труда), 8 (право на уважение частной жизни), 10 (право на свободу выражения мнения).

¹ Елена Вячеславовна Сыченко – кандидат наук, доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

² Mundlak G. Human Rights and Labor Rights: Why Don't the Two Tracks Meet // Comp. Lab. L. and Pol'y J. 2012. V. 34. P. 217; Kolben K. Labor rights as human rights // Va. J. Int'l L. 2009. V. 50. P. 449.

1. Расширенное понимание «принудительного труда»

Конвенция не содержит определения понятия «принудительный или обязательный труд». Европейский Суд интерпретирует данное понятие, опираясь на положения Конвенции Международной организации труда № 29 «О принудительном или обязательном труде». Ссылки на нормы этой конвенции содержатся во всех решениях, рассмотренных на основании пункта 2 статьи 4 Конвенции. Необходимо отметить, что Европейский Суд традиционно подходит к толкованию данного понятия ограничительно и не склонен расширять его. Например, в делах «Внучко (*Vnuchko*) против Украины» и «Акерл и другие (*Ackerl and Others*) против Австрии» Европейский Суд отказался признать неоплачиваемую работу в качестве принудительного труда¹, а в деле «Штуммер (*Stummer*) против Австрии» не посчитал принудительным трудом работу заключенных без права на получение пенсии по старости².

Однако в 2015 году Европейский Суд расширил толкование понятия «принудительный или обязательный труд». В деле «Хитос (*Chitos*) против Греции»³ заявитель, являвшийся офицером вооруженных сил, утверждал, что обязанность выплатить пошлину государству, чтобы уйти в отставку до конца срока службы, противоречила статье 4 Конвенции. В этом Постановлении Европейский Суд определил содержание исключений, предусмотренных в пункте 3 статьи 4 Конвенции, которая определяет те виды деятельности, которые не признаются принудительным трудом. Согласно указанному пункту Конвенции термин «принудительный или обязательный труд» не включает военную службу или в случае реализации права на альтернативную гражданскую службу гражданскую службу лица, осуществляемую вместо обязательной военной службы.

В этом деле Европейский Суд уточнил, что данное положение следует рассматривать как охватывающее только обязательную военную службу. Такое толкование и позволило рассмотреть в свете статьи 4 Конвенции дело Хитоса, военного врача, желающего расторгнуть контракт о работе в вооруженных силах до истечения установленного срока. Заявитель утверждал, что установленная его работодателем обязанность выплатить сумму в размере 106 960 евро за возможность досрочного расторжения контракта, свидетельствовала о том, что властями Греции был нарушен принцип запрета принудительного труда⁴. Европейский Суд, рассматривая указанное дело, в первую очередь отметил, что стремление государства обеспечить возмещение затрат на подготовку офицеров вооруженных сил оправдано, в том числе в виде наложения обязанности оплатить расходы на обучение и содержание военнослужащего⁵. Вместе с тем Европейский Суд решил, что сумма, которую власти Греции потребовали заплатить от заявителя, была чрезмерной. Европейский Суд обратил внимание на тот факт, что заявителю не была предоставлена возможность выплатить эту сумму в рассрочку. Кроме того, важным фактором стало включение в подлежащую оплате сумму значительных сумм пени за несвоевременный платеж, несмотря на то, что внутригосударственными судами еще не было принято окончательного решения по указанному делу. Изложенные обстоятельства позволили Европейскому Суду прийти к выводу о том, что действия властей Греции нарушили запрет принудительного труда, закрепленный в пункте 2 статьи 4 Конвенции.

Таким образом, установленное нарушение статьи 4 Конвенции было обусловлено недостатками процедуры расторжения военного контракта до истечения срока его действия и порядка получения государством компенсации за неотработанные годы. Это постановление свидетельствует о том, что Европейский Суд интерпретирует исключение, предусмотренное подпунктом «б» пункта 3 статьи 4 Конвенции как не включающее в сферу применения контрактную военную службу, а также вводит принцип пропорциональности в отношениях между государством и кадровым офицером, который хочет уйти в отставку до истечения срока контракта.

¹ Постановление от 14 декабря 2006 г., жалоба № 1198/04, Постановление от 29 июня 1994 г., жалоба № 20781/92.

² Постановление от 7 июля 2011 г., жалоба № 37452/02.

³ Постановление от 4 июня 2015 г., жалоба № 51637/12.

⁴ См. Постановление Европейского Суда по делу «Хитос против Греции», § 53.

⁵ См.: там же, § 94.

2. Право работника на уважение частной жизни (статья 8 Конвенции)

Право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции в толковании Европейского Суда, предоставляет работникам широкий перечень прав в контексте трудовых отношений. В 2015 году Европейский Суд дополнил понятие права работника на уважение частной жизни. В деле «Сыро (Sõro) против Эстонии»¹ Европейский Суд рассмотрел заявление бывшего водителя в КГБ, который утверждал, что публичное раскрытие информации о его прошлой работе нарушило право на уважение его личной жизни. Это одно из многих дел против государств постсоветского пространства, в которых в 1990–2000 годы были разработаны разнообразные меры «для ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем»². Например, в Литве в отношении бывших сотрудников КГБ был установлен запрет на работу в государственном секторе, а также на работу по некоторым специальностям в частном секторе экономики³. В Словакии лицам, сотрудничавшим со спецслужбами, было запрещено осуществлять некоторые государственные функции в течение определенного периода времени⁴. Исследователи подхода Европейского Суда к люстрации отмечают, что им были разработаны специальные методы оценки соответствия нормам Конвенции политики государства в отношении лиц, работавших в течение советского периода в спецслужбах⁵.

Постановление по делу «Сыро против Эстонии» является еще одним вкладом в судебную практику о защите прав человека при проведении люстрации. Европейский Суд обратил внимание на тот факт, что необходимость публикации информации о работе в органах КГБ распространялась на всех бывших работников данной организации независимо от конкретной функции, которую они выполняли, и без проведения различий по степени участия в ее деятельности. Европейский Суд установил, что такая публикация является вмешательством в право заявителя на уважение его личной жизни, и пришел к выводу, что оно было несоразмерно преследуемым государством законным целям. Это первый случай среди аналогичных дел, касающихся люстрации в постсоветских государствах, где заявитель выиграл дело на основании статьи 8 Конвенции, доказав, что была затронута его репутация. В более ранних аналогичных делах Европейский Суд выносил решение в пользу заявителей в случае их увольнения с работы или отказа в трудоустройстве на основании прямого запрета, установленного государством⁶. В деле «Сыро против Эстонии» заявитель в обоснование нарушения его права на уважение частной жизни привел доводы о том, что он был вынужден сам уволиться с работы, поскольку после публикации данных о его работе в КГБ его отношения с коллегами сильно ухудшились. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Европейский Суд стал более широко интерпретировать норму статьи 8 Конвенции, обеспечив защиту репутации работника.

Еще одно интересное дело, касающееся частной жизни работника, дело «Бэрбулеску (Bărbulescu) против Румынии»⁷, в котором заявитель, сотрудник частной компании, был уволен за использование в личных целях служебного аккаунта Yahoo Messenger в рабочее время, что было запрещено правилами внутреннего распорядка компании-работодателя. Сообщения личного характера были обнаружены работодателем при проведении контроля использования корпоративного аккаунта Yahoo Messenger. Записи сообщений личного характера были предо-

¹ Постановление от 3 сентября 2015 г., жалоба № 22588/08. См. в настоящем номере на с. 32–69 (примеч. редактора).

² См. Постановление Европейского Суда по делу «Матыек (Matyjek) против Польши» от 30 мая 2006 г., жалоба № 38184/03, § 36.

³ См. Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джяутас (Sidabras and Džiautas) против Литвы» от 27 июля 2004 г., жалобы №№ 55480/00, 59330/00, Постановление Европейского Суда по делу «Райнис и Гаспаравичус (Rainys and Gasparavičius) против Литвы» от 7 апреля 2005 г., жалобы №№ 70665/01, 74345/01, Постановление Европейского Суда по делу «Сидибрас и другие (Sidabras and Others) против Литвы» от 23 июня 2015 г., жалобы №№ 50421/08, 56213/08.

⁴ См. Постановление Европейского Суда по делу «Тюрек (Turek) против Словакии» от 14 февраля 2006 г., жалоба № 57986/00.

⁵ James A. Sweeney. The European Court of Human Rights in the Post-Cold War Era: Universality in Transition Routledge, 2013. P. 143.

⁶ См. Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джяутас против Литвы».

⁷ См. Постановление Европейского Суда от 12 января 2016 г., жалоба № 61496/08.

ставлены работодателем в суд в качестве доказательства нарушения работником трудовых обязанностей и правил организации при разрешении спора об увольнении.

В подобных делах Европейский Суд традиционно значительное внимание уделяет исследованию обстоятельств, которые позволяют заключить, что заявитель обоснованно ожидал, что не будет допущено вмешательство в его частную жизнь («*reasonable expectation of privacy*»). Понятие «обоснованное ожидание неприкосновенности частной жизни» было разработано в США при рассмотрении дел о вмешательстве в частную жизнь в рамках Четвертой поправки в Конституцию США, которая гарантирует право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов. В 1967 году американский судья Джон Маршалл Харлан в своем мнении по делу «Кац против США» (*Katz v. United States*) предложил проводить тест «обоснованного ожидания неприкосновенности частной жизни». Он привел два стандарта для определения того, имеет ли человек обоснованное ожидание сохранения тайны. Во-первых, человек должен иметь реальное (субъективное) ожидание сохранения конфиденциальности частной жизни в той или иной ситуации. Во-вторых, общество готово признать это ожидание разумным (объективная часть теста)¹. Впоследствии данный тест стал использоваться в судебной практике других стран, в частности, во Франции, Канаде и Австралии². Он был принят Европейским Судом при рассмотрении дел о нарушении права на уважение частной жизни. Зарубежные исследователи отмечают, что установление Европейским Судом «обоснованного ожидания неприкосновенности частной жизни» в делах, касающихся работников, зависит от конкретных обстоятельств и контекста вмешательства в право³. Исходя из анализа аналогичных дел о защите права работника на уважение частной жизни на рабочем месте, можно сформулировать следующие факторы, которые свидетельствуют об обоснованности ожидания невмешательства в частную жизнь⁴:

- предварительное уведомление о возможности мониторинга использования работником технических средств, предоставленных для работы (телефон, Интернет);
- использование технических средств на рабочем месте, специально предназначенных для личного пользования (специальный телефон, по которому можно совершать личные звонки);
- отсутствие внутренней политики, регулирующей использование работниками специальных средств, предназначенных для служебных целей.

В деле «Бэрбулеску против Румынии» Европейский Суд указал, что факт наличия предупреждения работника о возможности мониторинга сообщений, пересылаемых через служебный аккаунт, остался спорным, так как на уведомлении, представленном властями государства-ответчика в качестве доказательства, не было подписи работника. Судья Паулу Пинту де Альбукерке, не согласившийся с решением большинства судей о том, что право заявителя на защиту частной жизни в данном деле не было нарушено, отметил, что отсутствие предупреждения должно иметь решающее значение в этом деле и является свидетельством того, что в отношении заявителя была нарушена статья 8 Конвенции. Однако большинство судей не придало значения отсутствию предварительного уведомления заявителя о возможности мониторинга. В обоснование решения о том, что право заявителя не было нарушено, Европейский Суд сослался на то, что внутригосударственными судами был установлен надлежащий баланс между правом заявителя на уважение частной жизни и интересами его работодателя⁵. Интересно отметить, что Европейский Суд не стал анализировать доводы заявителя о том, что информация личного характера, ставшая известной работодателю в результате мониторинга использования служеб-

¹ Sjaak Nouwt, Berend R. de Vries. Reasonable Expectations of Privacy? // Eleven Country Reports on Camera Surveillance and Workplace Privacy, edited by Sjaak Nouwt, Berend R. de Vries, Corien Prins. Cambridge University Press, 2005. P. 3.

² Toby Mendel. Etude mondiale sur le respect de la vie privée sur l'Internet et la liberté: d'expression. UNESCO, 2013. P. 123.

³ Hendrickx F., e van Bever A. Article 8 ECHR: judicial patterns of employment privacy protection. In: Filip Dorsssement, Klaus Lörcher, Isabelle Schömann (eds.). The European Convention on Human Rights and the Employment Relation. Oxford, Hart Publishing, 2013. P. 189.

⁴ См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Холфорд (*Halford*) против Соединенного Королевства» от 25 июня 1997 г., жалоба № 20605/92, Постановление Европейского Суда по делу «Копланд (*Copland*) против Соединенного Королевства» от 3 апреля 2007 г., жалоба № 62617/00, Постановление Европейского Суда по делу «Пеев (*Peev*) против Болгарии» от 26 июля 2007 г., жалоба № 64209/01.

⁵ См. Постановление Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 60.

ного аккаунта Yahoo Messenger, была сообщена его коллегам и обсуждалась на рабочем месте. Европейский Суд отметил, что данные доводы заявитель мог приводить в рамках дела о защите чести и достоинства, но не в рамках дела об обжаловании дисциплинарного взыскания в виде увольнения.

Кроме того, Европейский Суд подтвердил вывод внутригосударственных судов о том, что у работодателя не было другой возможности для проверки соответствия использования служебных аккаунтов внутренней политике организации, поскольку заявитель оспаривал использование Yahoo Messenger в личных целях. Европейским Судом было установлено, что все работники, в том числе и заявитель, были ознакомлены с запретом на использование служебных технических средств в личных целях. Исследовав все обстоятельства дела, Европейский Суд пришел к выводу, что работодатель действовал в пределах своих дисциплинарных полномочий, и отметил, что мониторинг сообщений работника был ограничен и обоснован.

Это дело, рассмотренное в совокупности с иными важными делами в области защиты права работника на уважение частной жизни, свидетельствует о том, что Европейский Суд на пути обеспечения права работника на частную жизнь сделал шаг назад. В более ранних делах, таких как «Холфорд (*Halford*) против Соединенного Королевства»¹ или «Копланд (*Copland*) против Соединенного Королевства»², Европейский Суд подчеркивал важность разработки правил или положений (на внутригосударственном уровне или на уровне организации-работодателя), которые бы ясно обозначили те условия, при которых работодатели могут контролировать использование сотрудниками служебных телефонов, электронной почты и Интернета. В деле «Бэрбулеску против Румынии» Европейский Суд решил, что общий запрет на личное использование технических средств работодателя является достаточным основанием для контроля личных сообщений работника в ходе дисциплинарного производства. Это свидетельствует о том, что подход Европейского Суда в отношении работодателей стал менее строгим при возникновении противоречий между их правом на контроль исполнения работником служебных обязанностей и правом работника на частную жизнь. В рассматриваемом контексте следует также упомянуть Решение Европейского Суда по делу «Карин Кёпке (*Karin Köpke*) против Германии», в котором необходимость видеонаблюдения за работником была обоснована работодателем ссылкой на гораздо более существенные обстоятельства³. В этом деле суд потребовал от работодателя гораздо более существенного обоснования видеонаблюдения за работником для целей дисциплинарного расследования. Постановление по делу «Бэрбулеску против Румынии»

¹ См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Холфорд против Соединенного Королевства». Заявительница обжаловала прослушивание ее рабочего телефона. Европейский Суд пришел к выводу о том, что заявительница обоснованно ожидала сохранения тайны этих переговоров, поскольку работодатель не предупредил ее о возможности записи переговоров по рабочему телефону. Обоснованное ожидание сохранения тайны в данном деле было подкреплено тем, что, являясь помощником начальника полиции, заявительница занимала отдельный офис, в котором были два телефона, один из которых был предназначен специально для личного использования.

² См. Постановление Европейского Суда по делу «Копланд против Соединенного Королевства». Заявительница просила признать нарушением Конвенции прослушивание ее рабочего телефона и просмотр ее электронной почты, отправляемой с рабочего компьютера. Власти государства-ответчика утверждали, что указанные действия были обоснованы необходимостью установить чрезмерное использование заявительницей технических средств колледжа в личных целях. Проверка состояла в анализе колледжем телефонных счетов, в которых были указаны телефонные номера, даты и время совершения всех звонков и их продолжительность, мониторинг посещенных веб-сайтов. Европейский Суд посчитал, что телефонные звонки, сделанные с рабочего телефона, а также электронные письма, отправленные с рабочего компьютера, включаются в понятие частной жизни по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции. Установление Европейским Судом нарушения данной статьи было обусловлено тем, что работник, не будучи предупрежден о возможности контроля за телефонными переговорами или электронной перепиской, обоснованно ожидал сохранения данной тайны.

³ См. Решение Европейского Суда по делу «Карин Кёпке (*Karin Köpke*) против Германии» от 5 октября 2010 г., жалоба № 420/07. Заявительница работала кассиром в супермаркете. После многократного обнаружения недостатка товара и денежных средств работодатель принял решение установить скрытую видеозапись работы кассиров. При просмотре полученной видеозаписи было установлено, что хищения совершались заявительницей, которая впоследствии была уволена. Европейским Судом было установлено, что видеозапись поведения заявительницы на рабочем месте была произведена без предварительного уведомления. Тем не менее жалоба заявительницы была признана неприемлемой для рассмотрения по существу, поскольку внутригосударственные власти соблюли баланс между правом заявительницы на уважение ее личной жизни и интересом работодателя в защите его имущественных прав (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 7 (примеч. редактора)).

может быть прочитано работодателями как допускающее практически неограниченный доступ к личным сообщениям работника, отправленным с использованием технических средств работодателя, если такое использование запрещено внутренними правилами.

3. Свобода выражения мнения

Европейский Суд во многих делах признавал, что работник имеет право публично критиковать работодателя, если эта критика способствует развитию демократического общества и выражается в надлежащей форме¹. При рассмотрении данной категории дел Европейский Суд исследует следующие основные вопросы: кто критикует (должность или сфера деятельности), кого критикуют, почему и в какой форме?

Эти вопросы были проанализированы Европейским Судом в деле «Лангнер (*Langner*) против Германии»². Заявитель, муниципальный служащий, был уволен за публичное обвинение заместителя мэра во вмешательстве в правосудие. Европейский Суд прежде всего исследовал мотивы высказанных заявителем обвинений и согласился с выводами внутригосударственного суда о том, что спорные утверждения были вызваны личными неприязненными отношениями с заместителем мэра. На основании данного вывода Европейский Суд решил, что это дело отличается от дел об информировании о фактах нарушения (*whistleblowing*), в рамках которых заявители пользуются особой защитой. Далее Европейский Суд отметил, что утверждение о «вмешательстве в правосудие» являлось серьезным обвинением в совершении уголовно наказуемого деяния и что заявитель должен был знать о правовом значении этого понятия³. Европейский Суд также подчеркнул, что суд по трудовым спорам установил, что обвинения заявителя были необоснованными. Рассматривая форму выражения заявителем обвинения в отношении заместителя мэра, Европейский Суд указал, что устное заявление, сделанное заявителем на встрече в муниципалитете, было впоследствии выражено в письменной форме. Следовательно, у заявителя было время, чтобы подумать о последствиях своего высказывания и изучить возможные юридические последствия своих утверждений. Европейский Суд исследовал пропорциональность увольнения в качестве дисциплинарного наказания и пришел к выводу, что вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было пропорционально допущенному нарушению и не нарушило статью 10 Конвенции.

Другие три дела, рассмотренные в контексте статьи 10 Конвенции в 2015 году, а также первой половине 2016 года, были связаны со свободой выражения мнения преподавательским составом университетов. Два дела, «Аурелиан Опря (*Aurelian Oprea*) против Румынии»⁴ и «Харламов (*Kharlamov*) против Российской Федерации»⁵, касались подачи гражданских исков против университетских преподавателей, которые публично раскрыли информацию о недостатках в работе их университетов. В третьем «академическом», деле «Рубинс (*Rubins*) против Латвии»⁶, Европейский Суд рассмотрел вопрос о правомерности увольнения заявителя, которое, по мнению Европейского Суда, было вызвано публичной критикой руководства университета.

В деле «Аурелиан Опря против Румынии» заявитель, доцент Университета агрономических наук и ветеринарной медицины, выступил на пресс-конференции по поводу коррупции в уни-

¹ См., например: Решение Европейского Суда по делу «Предота (*Predota*) против Австрии» от 18 января 2000 г., жалоба № 28962/95, Постановление Европейского Суда по делу «Ди Джованни (*Di Giovanni*) против Италии» от 9 июля 2013 г., жалоба № 51160/06, Постановление Европейского Суда по делу «Войтас-Калета (*Wojtas-Kaletka*) против Польши» от 16 июля 2009 г., жалоба № 20436/02, Постановление Европейского Суда по делу «Фуэнтес Бобо (*Fuentes Bobo*) против Испании» от 29 февраля 2000 г., жалоба № 39293/98, Постановление Европейского Суда по делу «Матуз (*Matuz*) против Венгрии» от 21 октября 2014 г., жалоба № 73571/10, Постановление Европейского Суда по делу «Ненкова-Лалова (*Nenkova-Lalova*) против Болгарии» от 11 декабря 2012 г., жалоба № 35745/05, § 59, а также Решение Европейского Суда по делу «Баленович (*Balenović*) против Хорватии» от 30 сентября 2010 г., жалоба № 28369/07.

² См. Постановление Европейского Суда от 17 сентября 2015 г., жалоба № 14464/11.

³ См. там же, § 50.

⁴ Постановление Европейского Суда от 19 января 2016 г., жалоба № 12138/08. См. в настоящем номере на с. 70–84 (*примеч. редактора*).

⁵ Постановление Европейского Суда от 8 октября 2015 г., жалоба № 27447/07. См.: Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 2 (*примеч. редактора*).

⁶ Постановление Европейского Суда от 13 января 2015 г., жалоба № 79040/12.

верситетах Румынии, обвиняя проректора своего университета в поощрении плагиата, критикуя его управление программой финансирования государством научных исследований, а также за совмещение слишком многих управленческих должностей. Эти обвинения были позже повторены в статье, опубликованной в еженедельной газете. В гражданском судопроизводстве заявитель был привлечен к ответственности за то, что информация о критике в отношении проректора и обвинения в его адрес были переданы журналистам.

Рассматривая данное дело, Европейский Суд указал, что заявитель пытался доказать, что его высказывания были достаточно обоснованы, представив обширные документальные доказательства в рамках внутригосударственных судебных разбирательств. Кроме того, в процессе рассмотрения дела судами Румынии было установлено, что заявитель действовал без цели причинения вреда проректору. В деле «Аурелиан Опря против Румынии» также отмечалось, что заявитель первоначально сообщил информацию о недостатках в работе проректора ректору университета и в Министерство образования, но это не привело к изменению ситуации в управлении университетом, что и послужило причиной передачи информации прессе.

Наиболее интересный вывод в деле «Аурелиан Опря против Румынии» был сделан в отношении заместителя ректора, позиция которого, по мнению Европейского Суда, подразумевает более высокую степень общественного контроля, чем в отношении частного лица, даже в тех случаях, когда контроль может оказать негативное влияние на его честь и репутацию¹. Все эти обстоятельства в совокупности привели Европейский Суд к выводу, что принятое внутригосударственным судом решение об обязательстве заявителя выплатить компенсацию проректору в сумме 7 470 евро нарушило право заявителя на свободу выражения мнения, поскольку такое вмешательство не было «необходимо в демократическом обществе».

В упоминавшемся выше деле «Харламов против Российской Федерации» заявителю, профессору физики, был предъявлен иск о клевете после того, как он подверг критике процедуру выборов органа правления университета. Европейский Суд подчеркнул, что мера, запрещающая заявления с критикой в отношении избранных лиц, может быть оправдана защитой прав или репутации других только в исключительных обстоятельствах. Европейский Суд уделил внимание академическому контексту дела, подчеркнув важность права университетских преподавателей на выражение мнения об организации управления образовательным учреждением. Проблема, поднятая заявителем, вызвала всеобщий интерес. Согласно прецедентной практике Европейского Суда для ограничения таких высказываний требуются очень веские причины. Европейский Суд при рассмотрении данного дела сосредоточился главным образом на недостатках рассмотрения дел заявителя в рамках национальных гражданских процессов. Он, в частности, отметил, что российские суды не смогли установить баланс между необходимостью защитить репутацию университета и правом заявителя предать огласке информацию о представляющих общий интерес проблемах. Европейский Суд, в отличие от внутригосударственных судов, решил, что утверждения заявителя о незаконных выборах являлись оценочными суждениями, а не фактическим обвинением, и, следовательно, им не были нарушены пределы допустимой критики. Эти факторы позволили Европейскому Суду сделать вывод о том, что вмешательство в право заявителя нельзя признать необходимым в демократическом обществе и что оно нарушало статью 10 Конвенции.

Дело «Харламов против Российской Федерации» является важным вкладом в защиту «академической» свободы выражения мнения. Европейский Суд подчеркнул, что в отношении преподавателей высших учебных заведений границы свободы выражения мнения о недостатках организации и управления университетами должны быть расширены, если разглашенная информация представляет общественный интерес. Кроме того, Европейский Суд еще раз подчеркнул необходимость обеспечения баланса между правом работодателя (или представителей органов управления университета) на репутацию и правом работника на выражение своего мнения. Важно отметить, что утверждения заявителя были признаны обоснованными внутригосударственным судом, однако Европейский Суд посчитал, что обвинения заявителя имели некоторое фактическое основание и были высказаны в общественных интересах.

¹ См. Постановление Европейского Суда по делу «Аурелиан Опря против Румынии», § 74.

Другое «академическое» дело, «Рубинс против Латвии», представляет особый интерес для установления границ рассмотрения Европейским Судом споров, имеющих трудовую характер. Заявитель являлся профессором и заведующим одной из кафедр государственного университета в Латвии. Его должность заведующего была упразднена в результате объединения двух кафедр. После этого решения заявитель отправил электронное письмо ректору университета и нескольким другим получателям, критикуя отсутствие демократии и недостатки в управлении и при принятии решений в университете. Оценивая работу некоторых лиц, занимавших управленческие должности в университете, он использовал некорректные и оскорбительные выражения. Позже он послал ректору университета письмо, в котором предложил отозвать все свои обвинения, если будет отменено решение об объединении двух кафедр и, следовательно, не будет упразднена его должность заведующего кафедрой или если университет заплатит ему компенсацию в размере 123 000 евро.

Ректор отказался от выполнения условий, содержащихся в письме, и на следующий день обвинения заявителя были опубликованы в местной газете. По решению ректора была создана комиссия для расследования соответствия поведения заявителя этическим нормам, касающимся согласно условиям трудового договора всех преподавателей. В результате расследования комиссия установила, что направленное в адрес ректора письмо свидетельствовало о нарушении заявителем норм этики, и было принято решение о наложении на него дисциплинарного взыскания в виде увольнения. Апелляционный суд признал, что увольнение заявителя было законным.

Однако Европейский Суд решил, что увольнение нарушило право заявителя на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции. Основной акцент в исследовании Европейским Судом обстоятельств дела был сделан на важности информации, которую заявитель собирался обнародовать и впоследствии опубликовал. При этом Европейский Суд практически оставил без внимания довод властей Латвии о том, что адресованное ректору письмо было шантажом, направленным на то, чтобы сохранить за Рубинсом место заведующего кафедрой или на получение значительной суммы компенсации. Согласно прецедентной практике Европейского Суда в случае, если разглашение информации было обусловлено корыстными целями, то лицу не предоставляется защита на основании статьи 10 Конвенции¹. С решением большинства судей по настоящему делу не согласились судьи Махони и Войтычек, которые в своем особом мнении указали на то, что Европейский Суд пришел к ошибочному выводу, поскольку неправильно определил природу спора. Интересно отметить, что в своем мнении судьи указывали на риск превращения Европейского Суда в высшую инстанцию по рассмотрению трудовых споров по существу².

«Бака (*Baka*) против Венгрии» – еще одно дело, в котором Европейский Суд подошел чрезвычайно широко, возможно, даже слишком смело к вопросу защиты права работника на свободу выражения мнения. Заявитель, бывший судья Европейского Суда, в 2009 году был назначен председателем Верховного суда Венгрии на шестилетний срок. В качестве председателя этого суда и председателя Национального совета юстиции заявитель неоднократно публично высказывал свое критическое мнение о законодательных реформах, проводимых в Венгрии, особенно в отношении снижения предельного возраста судей. В 2011 году в Венгрии были приняты изменения к Конституции, согласно которым высшим судебным органом стала Курия (*Kúria*). Согласно переходным положениям новой Конституции Курия должна была стать правопреемницей Верховного суда, а мандат председателя Верховного суда должен был закончиться после вступления в силу новой редакции Конституции. В октябре 2011 года были приняты нормы, устанавливающие обязательные требования к должности председателя Курии, в список требований была включена необходимость наличия пятилетнего стажа работы в должности судьи в Венгрии. Поскольку заявитель не удовлетворял новым требованиям (заявитель не проработал

¹ См. Постановление Европейского Суда по делу «Де Диего Нафрия (*De Diego Nafria*) против Испании» от 14 марта 2002 г., жалоба № 46833/99, § 35, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Предота против Австрии», Постановление Европейского Суда по делу «Стэнсилеску (*Stănculescu*) против Румынии» от 22 ноября 2011 г., жалоба № 14621/06, §§ 31–32.

² См. § 16 особого мнения судей Махони и Войтычека.

достаточно времени судьей в Венгрии, а был судьей Европейского Суда), он не мог быть назначен на пост президента нового высшего судебного органа, но был назначен его судьей.

Заявитель утверждал, что в результате досрочного прекращения его статуса в качестве председателя Верховного суда Венгрии были нарушены статья 6 Конвенции, поскольку он был лишен какой-либо возможности обжаловать увольнение, и статья 10 Конвенции, так как увольнение стало ответом на его критику предлагаемой реформы судебной системы. В 2014 году Европейский Суд, рассмотрев это дело Палатой, принял единогласное решение о том, что власти Венгрии допустили нарушения положений статей 6 и 10 Конвенции. В результате рассмотрения дела Большой Палатой в 2016 году решение Палаты было поддержано 15 судьями из 17.

В Постановлениях по делу «Бака против Венгрии» и Палата, и Большая Палата Европейского Суда признали, что преждевременное прекращение статуса заявителя на самом деле было вызвано реакцией со стороны властей на выражение заявителем критики в отношении реформы судебной системы. Интересно отметить, что, несмотря на отсутствие каких-либо прямых доказательств¹ в поддержку доводов заявителя, Европейский Суд счел достаточно убедительными аргументы о том, что предложения о реформировании Верховного суда, а также дополнительное требование к лицам, претендующим на назначение на должность председателя Курии, были представлены в парламенте после того, как заявитель публично высказал свою точку зрения относительно законодательных реформ, и они были приняты парламентом в течение очень короткого периода времени².

При рассмотрении дела в Большой Палате судьи, изучая вопрос о представленных заявителем доказательствах, отметили, что «доказательство может следовать из сосуществования достаточно сильных, ясных и согласующихся выводов или аналогичных неопровержимых презумпций факта»³. Рассмотрев «последовательность событий во всей их полноте», а также документы, представленные заявителем, такие как статьи, опубликованные в венгерской и зарубежной прессе, и документы, принятые Советом институтов Европы, Европейский Суд пришел к выводу, что имело место *prima facie*⁴ доказательство в пользу доводов заявителя, и переложил бремя доказывания на власти государства-ответчика⁵.

Данная позиция была подвергнута критике со стороны судьи, не согласившегося с мнением большинства судей. Судья Войтычек выразил мнение о том, что подобный подход к процессу доказывания не соответствует процессуальным нормам⁶.

Следует отметить, что, оценивая доказательства, представленные властями государства-ответчика, Европейский Суд не посчитал убедительными аргументы о том, что оспариваемая мера являлась необходимым следствием фундаментальных структурных изменений в высшей судебной инстанции Венгрии. Европейский Суд также не убедило решение Конституционного суда Венгрии, который отклонил жалобу вице-президента Верховного суда о досрочном прекращении его работы в результате судебных реформ, установив, что преждевременное прекращение срока полномочий заявителя не нарушало Основной закон, поскольку оно было достаточно оправдано реорганизацией судебной системы Венгрии, расширением задачи и сферы компетенции председателя Курии⁷. Европейский Суд, чья миссия состоит в том, чтобы контролировать соблюдение прав человека, а не подменять собой внутригосударственные органы власти, не оценил необходимость включения требования пятилетнего стажа работы в судах Венгрии, установленного для председателя Курии. Кроме того, не было учтено, что заявитель Бака по настоящему моменту занимает должность судьи Курии, а также остался без внимания тот факт, что

¹ См., например, дело «Вилле против Лихтенштейна», в котором неназначение заявителя на должность президента Административного суда по политическим причинам было доказано письмом, написанным принцем Люксембурга, в котором он выразил свое намерение не назначать заявителя на новый срок (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вилле (*Wille*) против Лихтенштейна» от 28 октября 1999 г., жалоба № 28396/95, § 50).

² См. Постановление Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии», § 94.

³ См. там же. § 143.

⁴ *Prima facie* (лат.) – на первый взгляд, по первому впечатлению (*примеч. редактора*).

⁵ См. Постановление Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии», § 148.

⁶ См. § 10 особого мнения судьи Войтычека.

⁷ См. там же, § 46.

выступления заявителя против судебных реформ состояли в основном в критике изменений, касающихся пенсионного возраста судей.

В рассматриваемом Постановлении Большой Палаты независимость судебной системы упоминается более чем 200 раз. По мнению автора, при этом судьи Европейского Суда как будто забывают о независимости государства и возможности самостоятельного определения критериев, необходимых для занятия ведущих государственных должностей. Судьи Паулу Пинту де Альбукерке и Дмитрий Дедов отметили следующее: «Европейский Суд, по-видимому, считает само собой разумеющимся свою юрисдикцию для оценки совместимости конституционных положений с Конвенцией, не объясняя основания и широту его полномочий»¹. Судья Пейхал, не согласившийся с мнением большинства судей, подчеркнул, что ни один суд (в том числе международный) не может рассматривать в рамках демократического правового государства причины голосования за предложения изменить основной закон, поданные членами парламента на свободных выборах. Такое прочтение ограничения полномочий международного суда, на наш взгляд, гораздо больше отвечает международному праву, чем решение большинства судей по данному делу.

Заключение

Самым важным аспектом рассмотренных в рамках настоящей статьи решений Европейского Суда является акцент на необходимость обеспечения национальными судами баланса прав работников и интересов работодателей или/и государства. Европейский Суд настоятельно призывает внутригосударственные суды устанавливать этот баланс при рассмотрении трудовых споров.

Еще одним важным моментом является постепенное расширение толкования Конвенции в области обеспечения прав человека в контексте трудовых отношений. Данный довод был проиллюстрирован на примере решения по делу «Хитос против Греции», в котором Европейский Суд расширил толкование принудительного труда.

Трудовое законодательство в 47 государствах – членах Совета Европы, безусловно, различается. Тем не менее все эти страны в равной степени обязаны соблюдать позитивные обязательства, разработанные в судебной практике Европейского Суда. Следовательно, государства должны обеспечить защиту права работника на уважение частной жизни и право на свободу выражение мнения с тем, чтобы вмешательство в осуществление этих прав (мониторинг телефонных звонков, электронной почты, использования Интернета, увольнение или наложение взысканий за высказывание критических замечаний в отношении работодателя) было ограничено законом. В случае необходимости такого вмешательства оно должно быть соразмерно преследуемой работодателем законной цели, и внутригосударственные суды обязаны обеспечить надлежащий баланс между данными правами работников и интересами работодателя и/или государства.

¹ Однако эти судьи голосовали вместе с большинством и их отдельное мнение было направлено на устранение пробелов судебного решения путем создания правовой основы для рассмотрения конституционных положений в свете Конвенции.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
(Третья Секция)

Дело «Ольга Назаренко (Olga Nazarenko)
против Российской Федерации»¹

(Жалоба № 3189/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 31 мая 2016 г.

По делу «Ольга Назаренко против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Луиса Лопеса Герры, *Председателя Палаты,*
Хелен Келлер,
Дмитрия Дедова,
Бранко Лубарды,
Пере Пастора Вилановы,
Алёны Полачковой,
Георгиоса А. Сергидеса, *судей,*
а также при участии Стивена Филлипса, *Секретаря Секции Суда,*
заседая за закрытыми дверями 10 мая 2016 г.,
вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 3189/07, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Российской Федерации Ольгой Григорьевной Назаренко (далее – заявительница) 20 ноября 2006 г.

2. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека Г.О. Матюшкиным.

3. Заявительница жаловалась, в частности, на нарушение ее права на справедливое судебное разбирательство.

4. 18 февраля 2013 г. жалоба заявительницы была коммуницирована властям Российской Федерации.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница родилась в 1954 году и проживает в г. Орехово-Зуево Московской области.

¹ Перевод с французского языка Е.Г. Кольцова.

² Настоящее Постановление вступило в силу 31 августа 2016 г. в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

А. Увольнение заявительницы и судебное разбирательство

1. Описание географического положения

6. Сахалинская область является приграничным регионом, который располагается на Курильских островах¹ и омывается водами Тихого океана. В состав Сахалинской области входят Курильские острова, к югу от которых проходит граница между Российской Федерацией и Японией.

7. Цепь Курильских островов включает несколько островов, на одном из которых, острове Шикотан, проживала заявительница (село Малокурильское), а на другом, острове Кунашир, расположен Южно-Курильский районный суд Сахалинской области (далее – районный суд). Эти два острова отделены друг от друга проливом шириной около 50 морских миль. Сообщение между двумя островами обеспечивается морским гражданским транспортом, в частности, паромом, а также военным транспортом (пограничных войск).

2. Гражданское судопроизводство по трудовому спору, связанному с увольнением заявительницы

8. 13 марта 2006 г. заявительница была уволена из средней общеобразовательной школы, в которой она работала учителем, за дисциплинарный проступок, ей ставили в вину применение насилия в отношении ученика. Заявительница предъявила к бывшему работодателю иск о восстановлении на работе в должности учителя.

9. 14 апреля 2006 г. секретарь районного суда передал заявительнице промежуточное решение, датированное 6 апреля 2006 г., о назначении предварительного слушания по делу на 13 апреля 2006 г., и проинформировал заявительницу о том, что судебное заседание будет проведено районным судом на острове Шикотан. Это решение не было представлено в Европейский Суд, так как, по информации властей Российской Федерации, все документы, касающиеся настоящего дела, были уничтожены районным судом 4 октября 2012 г.

10. 20 апреля 2006 г. заявительница получила телеграмму, в которой суд уведомил ее об отложении судебного заседания до 6 мая 2006 г., не уточнив при этом, в каком месте состоится заседание.

11. 4 мая 2006 г., не получив от ответчика отзыв, заявительница позвонила в суд и попросила отправить ей данный отзыв, а также уточнила, где будет проведено судебное заседание. Секретарь суда устно сообщил ей, что судебное заседание будет проведено на острове Кунашир и что документы будут отправлены ей в кратчайшие сроки.

12. В тот же день заявительница, узнав, что в ближайшие дни между двумя островами не будет ходить паром, отправила в суд телеграмму с ходатайством об отложении судебного заседания в связи с отсутствием транспортного сообщения.

13. 6 мая 2006 г. районный суд провел слушание по делу в присутствии представителя ответчика S. и в отсутствие заявительницы. Прежде всего районный суд отклонил ходатайство заявительницы об отложении судебного заседания, поскольку, по его мнению, тот факт, что S. прибыла в зал судебных заседаний, опровергал утверждение заявительницы о том, что между двумя островами не курсировал общественный транспорт.

14. Далее районный суд вынес решение по существу дела. Предварительно он заслушал показания представителя ответчика и прокурора, который указал на явную необоснованность требований заявительницы.

15. Районный суд также изучил материалы служебного расследования, проведенного в школе после инцидента. Материалы служебного расследования включали жалобу родителей ученика, который подвергся жестокому обращению, показания других учеников, присутствовавших в классе в момент инцидента, а также объяснение заявительницы, которая не соглашалась с предъявленными ей обвинениями.

16. По итогам рассмотрения дела районный суд вынес решение об оставлении исковых требований заявительницы без удовлетворения. По мнению районного суда, исследованные им

¹ Так в тексте. Сахалинская область расположена на острове Сахалин и Курильских островах (*примеч. переводчика*).

письменные доказательства были достаточно ясными, последовательными и соответствовали показаниям учеников и сотрудников школы. Кроме того, районный суд отметил, что заявительница не оспаривала содержание этих документов.

17. 17 мая 2006 г. суд почтой отправил отзыв ответчика заявительнице, которая получила его 30 мая 2006 г.

18. Тем временем, 13 мая 2006 г., заявительница подала кассационную жалобу, ссылаясь на нарушение принципа состязательности и равноправия сторон. По мнению заявительницы, ее отсутствие на судебном заседании стало следствием того, что между островами не курсировал общественный транспорт. Кроме того, она отметила, что отзыв ответчика не был предоставлен ей до судебного заседания.

19. 20 июня 2006 г., рассмотрев дело в отсутствие заявительницы, Сахалинский областной суд (далее – областной суд) оставил обжалуемое решение без изменения. Что касается отсутствия заявительницы на заседании, проведенном районным судом, областной суд отметил, что заявительница не предоставила доказательств, подтверждающих, что между островами действительно не курсировал общественный транспорт. По мнению областного суда, данный довод опровергался фактом прибытия S., которая проживала там же, где и заявительница, на судебное заседание к назначенному времени. Областной суд не установил иных оснований для отмены обжалуемого решения суда первой инстанции.

3. Жалобы заявительницы на организацию работы районного суда

20. Заявительница подала в Южно-Курильский районный суд Сахалинской области и в Сахалинский областной суд жалобу на недостатки в организации работы районного суда.

21. Письмами от 14 августа 2006 г. и 10 января 2007 г. председатель областного суда проинформировала заявительницу о том, что районный суд находился в поселке городского типа Южно-Курильске и что этот суд организовывал выездные судебные заседания на острове Шикотан для обеспечения доступа участников процесса к правосудию. По утверждениям председателя областного суда, такие судебные заседания проводились каждый месяц начиная с апреля 2006 года. Кроме того, в письме от 17 августа 2007 г. председатель областного суда указала следующее:

«...принимая во внимание климатические условия, отсутствие регулярного транспортного сообщения с островом Шикотан и иные обстоятельства, не всегда имеется эффективная возможность организовать выездные судебные заседания. Кроме того, положения действующего законодательства не предусматривают [обязанности] проведения выездных судебных заседаний для рассмотрения дел, когда [участвующие в них лица] проживают в удаленных областях».

В. Иные судебные разбирательства

22. Заявительница участвовала в рассмотрении ряда гражданских споров, касавшихся взыскания сумм, хранившихся на депозите в частном банке, и задолженности по заработной плате, а также возмещения убытков и процентов. Заявительница не присутствовала на судебных заседаниях по различным причинам.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАКТИКА

23. Соответствующие положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), касающиеся явки в суды, изложены в Постановлении Европейского Суда по делу «Евдокимов и другие против Российской Федерации» (Yevdokimov and Others v. Russia) от 16 февраля 2016 г., жалоба № 27236/05 и еще 10 жалоб¹, § 9).

24. В соответствии с частью третьей статьи 71 ГПК РФ копии письменных доказательств, представленных в суд лицом, участвующим в деле, направляются другим лицам, участвующим в деле.

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 3 (примеч. редактора).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

25. Заявительница утверждала, что ее право на справедливое судебное разбирательство было нарушено, поскольку поданный ею гражданский иск был рассмотрен в ее отсутствие и в присутствии ответчика. Она обвиняла судебные органы Российской Федерации в том, что они лишили ее возможности изложить свои доводы в равных с ответчиком условиях: она не имела возможности ни быть представленной, ни изложить свою позицию лично. Заявительница ссылаясь в этом отношении на пункт 1 статьи 6 Конвенции, который в соответствующей части предусматривает:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...».

A. Доводы сторон

26. Власти Российской Федерации оспорили данный довод. Прежде всего они отметили, что заявительница была ознакомлена с материалами служебного расследования, по итогам которого она была уволена, еще в ходе проведения этого расследования. Власти Российской Федерации указали, что доказательства, содержащиеся в материалах служебного расследования, были затем положены в основу решения районного суда, которое также было доведено до сведения заявительницы.

27. Кроме того, ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Мумладзе против Грузии» ((Moumladze v. Georgia) от 8 января 2008 г., жалоба № 30097/03, § 62), власти Российской Федерации утверждали, что заявительница имела возможность ознакомиться с материалами дела, представленными в районный суд ответчиком, задолго до судебного заседания, проведенного 6 мая 2006 г., но она не воспользовалась этой возможностью. Власти Российской Федерации также указали, что свидетели не были допрошены, так как не было подано ходатайств о вызове в суд каких-либо свидетелей. Кроме того, ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Кукконен против Финляндии» ((Kukkonen v. Finland) от 7 июня 2007 г., жалоба № 57793/00, §§ 22–26), власти Российской Федерации утверждали, что лишь невозможность ознакомиться с ключевыми материалами дела составляет нарушение статьи 6 Конвенции.

28. Что касается возможности воспользоваться услугами представителей, власти Российской Федерации отметили, что в рассматриваемое время в местной адвокатуре было шесть адвокатов. Таким образом, по мнению властей Российской Федерации, заявительница могла свободно нанять адвоката для представления ее интересов в суде.

29. Власти Российской Федерации указали далее, что в настоящем деле не проводилось предварительного слушания, и отметили, что проведение такого слушания не является для районного суда обязательным, так как назначение предварительного слушания является правом, а не обязанностью судов.

30. Наконец, по поводу отсутствия заявительницы на судебном заседании 6 мая 2006 г. власти Российской Федерации утверждали, что общественный транспорт (паром) курсировал по установленному расписанию. По их мнению, присутствие в зале судебных заседаний представителя ответчика опровергало довод заявительницы. В этой связи власти Российской Федерации представили в Европейский Суд расписание общественного транспорта, согласно которому паром должен был прибыть на остров Кунашир в 18.00 и отбыть с острова в 22.00, а также бортовой журнал судна, в котором было указано, что паром 6 мая 2006 г. выполнял рейс между селом Малокурильским (остров Шикотан) и поселком городского типа Южно-Курильском (остров Кунашир). Власти Российской Федерации сделали вывод, что принцип состязательности и равноправия сторон не был нарушен.

31. Заявительница утверждала, что принцип состязательности и равноправия был нарушен в отношении нее, так как она не имела возможности изложить свою позицию на равных с ответчиком условиях. Заявительница отметила, во-первых, что она не смогла до судебного заседания

ознакомиться с отзывом другой стороны из-за нарушения части третьей статьи 71 ГПК РФ, согласно которой копии письменных доказательств, представленных в суд лицом, участвующим в деле, направляются другим лицам, участвующим в деле. По словам заявительницы, данное требование законодательства не было выполнено, и это помешало ей сформулировать свои замечания по документам, представленным ответчиком. Кроме того, заявительница была лишена возможности вызвать в суд свидетелей и допросить их.

32. Во-вторых, заявительница утверждала, что она не могла воспользоваться помощью адвокатов вследствие слишком высокой, на ее взгляд, стоимости их услуг. Так, она сообщила, что стоимость услуг представителя в соответствии с официальными тарифами была в пять раз выше ее ежемесячной заработной платы.

33. По поводу возможности лично представить свою позицию заявительница отметила, что общественный транспорт был недоступен. Она утверждала также, что в день судебного заседания паром не выполнял рейса. В подтверждение своих слов она представила в Европейский Суд справку, подписанную бухгалтером морской транспортной компании.

34. Заявительница отмечала, что рейс парома, единственного доступного транспортного средства, был отменен в день судебного заседания по метеорологическим условиям, препятствовавшим навигации. Она сообщила, что S. воспользовалась личным транспортным средством (рыбацкой лодкой). Она добавила, что военнослужащие и рыбаки систематически отказываются брать на борт гражданских лиц в качестве пассажиров и поэтому она сама не могла воспользоваться подобным транспортным средством.

35. В поддержку своего довода заявительница сослалась на письмо председателя областного суда, датированное 17 августа 2007 г. (см. § 21 настоящего Постановления), согласно которому не всегда имеется эффективная возможность организовать выездные судебные заседания, которые проводились на острове Шикотан каждый месяц начиная с апреля 2006 года, ввиду, среди прочего, суровых климатических условий и отсутствия регулярного транспортного сообщения с островом Шикотан.

В. Мнение Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы

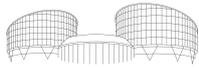
36. Европейский Суд отметил, что настоящая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что не установлено каких-либо иных оснований для признания жалобы неприемлемой. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

2. Существо жалобы

37. Европейский Суд напоминает, что статья 6 Конвенции не гарантирует права на личную явку на судебное заседание при рассмотрении гражданского спора, а также что она закрепляет более общее право на равенство состязательных возможностей для всех сторон. Этот принцип – составной элемент более емкого понятия справедливого судебного разбирательства – требует, чтобы каждой из сторон была предоставлена разумная возможность представить свое дело в таких условиях, которые не ставят ее в существенно менее благоприятное положение по сравнению с оппонентом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» (*De Haes and Gijssels v. Belgium*) от 24 февраля 1997 г., § 53, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-I¹, и Постановление Европейского Суда по делу «Крчмарж и другие против Чешской Республики» (*Krčmář and Others v. Czech Republic*) от 3 марта 2000 г., жалоба № 35376/97, § 39).

38. Кроме того, право на состязательное судебное разбирательство предполагает возможность лиц, участвующих в деле, ознакомиться с каждым доказательством или замечанием, представленным на рассмотрение суда любым лицом, даже независимым судьей, с целью повлиять на решение суда и оспорить его (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Ван Оршовен против Бельгии» (*Van Orshoven v. Belgium*) от 25 июня 1997 г., *Reports* 1997-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4 (*примеч. редактора*).

III, Постановление Европейского Суда по делу «J.J. против Нидерландов» (J.J. v. Netherlands) от 27 марта 1998 г., § 24, *Reports* 1998-II, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Крчмарж и другие против Чешской Республики», § 40).

39. Пункт 1 статьи 6 Конвенции оставляет за государствами свободу выбора средств, используемых для обеспечения сторонам разбирательства вышеуказанных прав (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хужин и другие против Российской Федерации (Khuzhin and Others v. Russia) от 23 октября 2008 г., жалоба № 13470/02¹, § 104, и Постановление Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» (Steel and Morris v. United Kingdom), жалоба № 68416/01, §§ 59–60, *ECHR* 2005-II). Следовательно, задачей Европейского Суда является анализ различных форм участия стороны в гражданском судопроизводстве (в том числе путем личной явки на судебное заседание, обмена письменными доказательствами и обращения за правовой помощью) с точки зрения понятия справедливого судебного разбирательства, гарантированного пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ларин против Российской Федерации» (Larin v. Russia) от 20 мая 2010 г., жалоба № 15034/02², § 36).

40. В настоящем деле Европейский Суд сразу отмечает, что заявительница предпочла самостоятельно защищать свою позицию.

41. Европейский Суд подчеркивает, что до судебного заседания, проведенного 6 мая 2006 г., заявительница не получила отзыва с письменными замечаниями ответчика (см. § 17 настоящего Постановления), хотя прямо об этом просила (см. § 11 настоящего Постановления).

42. Европейский Суд отмечает также, что заявительница не имела возможности ознакомиться с отзывом ответчика во время предварительного слушания, проведенного 13 апреля 2006 г., так как она получила повестку с вызовом на это слушание лишь на следующий день после его проведения (см. § 9 настоящего Постановления).

43. Кроме того, Европейский Суд не согласен с доводом властей Российской Федерации о том, что позиция стороны-ответчика была известна заявительнице до судебного заседания (см. § 26 настоящего Постановления). Европейский Суд исходит из того, что обмен замечаниями как раз преследует цель предоставить каждой стороне возможность ознакомиться со всеми доказательствами и замечаниями в том виде, в котором они представлены на рассмотрение суда другой стороной. Обычного предположения о том, что содержание материалов, переданных одной стороной, известно другой стороне, недостаточно.

44. Европейский Суд не может также согласиться с мнением властей Российской Федерации о том, что именно заявительнице надо было поставить в укор ее бездеятельность при ознакомлении с материалами дела (см. § 27 настоящего Постановления). По мнению Европейского Суда, настоящее дело следует отличать от упоминавшегося выше дела «Мумладзе против Грузии», на которое ссылались власти Российской Федерации. Действительно, в указанном деле речь шла об обмене дополнительными замечаниями на стадии рассмотрения дела в Верховном суде Грузии, когда каждая сторона уже была знакома с аргументами другой стороны (*ibidem*³, § 61). В то же время в настоящем деле заявительница, которая совершенно ничего не знала о позиции другой стороны до того, как было проведено судебное заседание, обратилась в компетентный суд с ходатайством о направлении ей замечаний этой стороны (см. § 11 настоящего Постановления). Она получила их *a posteriori*⁴, а именно 30 мая 2006 г. (см. § 17 настоящего Постановления).

45. Европейский Суд обращает внимание также на то обстоятельство, что на судебном заседании в районном суде присутствовали представитель ответчика и прокурор (см. § 14 настоящего Постановления), в то время как заявительница, которая оспаривала фактическую основу служебного расследования (см. § 15 настоящего Постановления) и хотела поставить ее под сомнение в судебном заседании (см. § 31 настоящего Постановления), отсутствовала.

46. Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не предоставили информации о предусмотренных внутригосударственным законодательством средствах, помимо

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 3 (*примеч. редактора*).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 12 (*примеч. редактора*).

³ *Ibidem* (лат.) – там же (*примеч. переводчика*).

⁴ *A posteriori* (лат.) – на основании уже имеющихся данных (*примеч. переводчика*).

проведения открытого судебного заседания, обеспечивающих соблюдение принципа состязательности и равноправия (подобно тому, как его обеспечивает обмен меморандумами и замечаниями). Соответственно, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела, личная явка заявительницы на судебное заседание являлась необходимой для того, чтобы она могла ознакомиться с доводами другой стороны и ответить на них.

47. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что за два дня до судебного заседания, 4 мая 2006 г., заявительница ходатайствовала об отложении этого заседания по причине того, что между островами не курсировал общественный транспорт (см. § 12 настоящего Постановления).

48. В этом отношении Европейский Суд напоминает, что обязанности по толкованию и применению законодательства страны возложены прежде всего на внутригосударственные органы, в особенности на суды.

49. Тем не менее задачей Европейского Суда является поиск ответа на вопрос о том, имело ли судопроизводство, если рассматривать его комплексно, характер справедливого разбирательства, соответствующего требованиям пункта 1 статьи 6 (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ван Кюк против Германии» (*Van Kück v. Germany*), жалоба № 35968/97, §§ 46, 47, *ECHR* 2003-VII).

50. В настоящем деле, принимая во внимание важность личного присутствия заявительницы на судебном заседании (см. § 46 настоящего Постановления), неясность относительно места судебного заседания (см. §§ 9–11 настоящего Постановления), очень специфическую географию места нахождения районного суда (см. § 7 настоящего Постановления), выявленные трудности в сообщении между двумя островами (см. § 21 настоящего Постановления), а также отсутствие у заявительницы возможности принять участие в предварительном слушании (см. §§ 9, 29, 42 настоящего Постановления), Европейский Суд считает, что отложение судебного заседания, проведенного 6 мая 2006 г. являлось необходимым для обеспечения справедливого судебного разбирательства.

51. Европейский Суд замечает также, что власти Российской Федерации не привели веских оснований, оправдывающих отклонение ходатайства об отложении судебного заседания, и это при том, что заявительница подавала такое ходатайство лишь один раз.

52. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд считает, что заявительница была лишена возможности ознакомиться с доводами другой стороны и представить свои ответные замечания, что нарушило ее право на справедливое судебное разбирательство.

53. Следовательно, Европейский Суд находит, что в настоящем деле имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

II. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

54. Будучи участницей ряда гражданских споров, касавшихся, в частности, взыскания сумм, хранившихся на депозите в частном банке, и возмещения убытков и процентов, заявительница жаловалась на то, что она не присутствовала на судебных заседаниях, а также на то, каким образом суды провели оценку фактов и применили положения законодательства.

55. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении материалы дела, Европейский Суд считает, что настоящая жалоба не свидетельствует о нарушении прав, гарантированных в Конвенции и Протоколах к ней. Соответственно, данная часть жалобы является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции, в связи с чем она должна быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу.

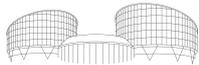
III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

56. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

57. Заявительница требовала 20 000 евро в качестве компенсации причиненного ей морального вреда.

58. Власти Российской Федерации считали требования заявительницы чрезмерными и противоречащими прецедентной практике Европейского Суда. По мнению властей Российской Федерации, сумма в размере 1 000 евро, присужденная Европейским Судом заявителю по делу «Яковлев против Российской Федерации» (*Yakovlev v. Russia*) от 15 марта 2005 г., жалоба № 72701/01¹, § 27) в качестве компенсации за нарушение права на справедливое судебное разбирательство, могла служить ориентиром при определении размера компенсации в настоящем деле.

59. Европейский Суд полагает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом установления нарушения. Однако Европейский Суд находит сумму требования чрезмерной. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы, Европейский Суд присуждает заявителю 4 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. Судебные расходы и издержки

60. Заявительница также требовала 125 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в рамках разбирательства в Европейском Суде.

61. Власти Российской Федерации считали данные требования разумными.

62. Принимая во внимание представленные документы, подтверждающие судебные расходы, и соответствующую прецедентную практику, Европейский Суд присуждает заявителю сумму в размере 125 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в рамках разбирательства в Европейском Суде.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

63. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании вышеизложенного Суд единогласно:

1) *объявил* жалобу на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся судебного разбирательства по делу об увольнении заявительницы, приемлемой для рассмотрения по существу, а остальные жалобы – неприемлемыми;

2) *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;

3) *постановил*, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты:

(i) 4 000 евро (четыре тысячи евро), а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 125 евро (сто двадцать пять евро), а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

4) *отклонил* оставшуюся часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на французском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 31 мая 2016 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стивен ФИЛЛИПС
Секретарь Секции Суда

Луис Лопес ГЕРРА
Председатель Палаты Суда

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 10 (*примеч. редактора*).

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА (Первая Секция)

Дело «Хитос (Chitos) против Греции»¹ (Жалоба № 51637/12)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

(Извлечения)

г. Страсбург, 4 июня 2015 г.

По делу «Хитос против Греции» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Изабель Берро, *Председателя Палаты,*

Ханлара Гаджиева,

Мирьяны Лазаровой Трайковской,

Юлии Лаффранк,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Линос-Александра Сисильяноса,

Эрика Мёсе, *судей,*

а также при участии Сёрена Нильсена, *Секретаря Секции Суда,*

заседая за закрытыми дверями 12 мая 2015 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 51637/12, поданной против Греческой Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Греции Георгиосом Хитосом (далее – заявитель) 31 июля 2012 г.

2. Интересы заявителя представлял К. Гяннакопулос (*K. Giannakopoulos*), адвокат, практикующий в г. Афинах. Власти Греции были представлены делегатами их агента, Ф. Дедуси (*F. Dedousi*) и К. Насопулу (*K. Nasopoulou*), советниками Государственного правового совета, и В. Струбули (*V. Stroubouli*), правовым помощником Государственного правового совета.

3. Заявитель ссылаясь на нарушение пункта 2 статьи 4 Конвенции как такового и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции.

4. 27 сентября 2013 г. Европейский Суд коммуницировал жалобу властям Греции.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1968 году и проживает в г. Фессалоники.

6. 15 сентября 1986 г. он был принят в Военную академию офицерского корпуса (медицинская секция). Ему выплачивалась заработная плата и предоставлялись социальные льготы.

¹ Перевод с английского языка Г.А. Николаева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 19 октября 2015 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 28 Конвенции (*примеч. редактора*).

Он бесплатно обучался на медицинском факультете Фессалоникского университета, проходя шестилетний курс медицинских профессионалов в национальной системе здравоохранения.

7. 3 июня 1993 г., по окончании обучения, он был назначен вторым лейтенантом армейского медицинского корпуса.

8. В соответствии с пунктом 1 статьи 64 Законодательного декрета № 1400/1973 о статусе военнослужащих вооруженных сил (далее – Декрет № 1400/1973), применимого в период, относящийся к обстоятельствам дела, заявитель обязался прослужить в вооруженных силах период, соответствующий троекратной продолжительности его обучения в военной академии, то есть 18 лет. Соответствующее положение было впоследствии изменено статьей 1 Закона № 3257/2004, и данный период был сокращен до двойной продолжительности его обучения, то есть до 12 лет.

9. 18 января 1996 г. генеральный штаб армии организовал конкурсный экзамен для привлечения медицинских специалистов. Офицеры медицинского корпуса, такие как заявитель, были приглашены участвовать для получения квалификации специалиста. Заявитель был приписан к 424-му общему военному госпиталю в г. Фессалониках, где он работал интерном с 26 июля 1996 г. по 30 июля 1997 г. Впоследствии, с 30 июля 1997 г. по 27 июля 2001 г., он занимал оплачиваемую внештатную должность (в силу статьи 8 Закона № 123/1975) в общем региональном госпитале Папаниколау в г. Фессалоники в качестве младшего врача, специализирующегося на анестезиологии.

10. Окончив подготовку специалиста, которая продолжалась примерно пять лет, в течение которых он получал денежное содержание как военнослужащий, заявитель принял обязательство в соответствии с пунктом 7 статьи 64 Декрета № 1400/1973 отслужить в армии в течение еще пяти лет. Он подал заявление, удостоверенное собственноручной подписью, как того требует пункт 10 статьи 67 указанного декрета.

11. Заявитель проходил службу в вооруженных силах до 22 января 2006 г., когда подал в отставку в возрасте 37 лет в качестве анестезиолога в звании полковника.

12. Письмом от 12 сентября 2006 г. генеральный штаб армии уведомил заявителя, что согласно статье 64 Декрета № 1400/1973 он должен был прослужить в вооруженных силах еще девять лет, четыре месяца и 12 дней или выплатить государству сумму, рассчитанную на основе периода, который оставалось отслужить.

13. Решением от 26 мая 2007 г. финансовый департамент генерального штаба армии оценил размер выплаты в 106 960 евро. В решении указывалось, что заявитель мог обратиться в Финансовый суд за судебной проверкой, но это обращение не имело бы приостанавливающего действия, поскольку дело касалось платежной процедуры.

14. 25 июня 2007 г. заявитель обратился в пятое отделение Финансового суда за судебной проверкой уведомления от 12 сентября 2006 г. Он утверждал, что статья 64 Декрета № 1400/1973 противоречила части 4 статьи 22 Конституции (запрет всех форм принудительного труда) и пункту 2 статьи 4 Конвенции как таковому и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции. 27 июня 2007 г. заявитель также обратился за приостановлением исполнения решения от 26 мая 2007 г.

15. 5 июля 2007 г. председатель отделения Финансового суда вынес предварительное распоряжение о приостановлении исполнения решения от 26 мая 2007 года. 29 октября 2007 г. пятое отделение Финансового суда подтвердило приостановление исполнения, о котором ходатайствовал заявитель.

16. Решением № 175/2009 от 13 февраля 2009 г. пятое отделение Финансового суда отклонило требование заявителя о судебной проверке как необоснованное. Оно, в частности, указало, что сумма, подлежащая уплате заявителем, не составляла угрозу санкции, не нарушала принцип пропорциональности, была рассчитана объективно и направлена на обеспечение того, чтобы государству возмещались расходы, понесенные при подготовке кадровых военнослужащих, которые также получали денежное содержание во время базовой и специальной подготовки.

17. 3 марта 2009 г. заявитель подал кассационную жалобу в пленум Финансового суда. 4 марта 2009 г. он обратился в тот же суд с ходатайством о приостановлении исполнения решения от 26 мая 2007 г.

18. 17 марта 2009 г. председатель пленума Финансового суда вынес предварительное распоряжение о приостановлении исполнения данного решения. 18 марта и 9 апреля 2009 г., когда разбирательство еще продолжалось, налоговый орган г. Фессалоники обязал заявителя выплатить сумму в размере 106 960 евро, а также 2 139 евро 20 центов гербового сбора и 427 евро 84 цента в фонд сельскохозяйственного страхования.

19. 21 октября 2009 г. пленум Финансового суда подтвердил приостановление исполнения, о котором ходатайствовал заявитель.

20. 10 мая 2010 г. налоговое управление Министерства финансов уведомило заявителя о том, что, поскольку сумма, указанная в решении от 26 мая 2007 г., не была уплачена до конца предыдущего года, за просрочку платежа начислена пеня в размере 13 143 евро 24 цента. Оно также уведомило его, что, если он уплатит задолженность до 31 мая 2010 г., то будет иметь право на 80-процентную скидку на уплату пени.

21. 26 мая 2010 г. заявитель депонировал сумму в 112 155 евро 69 центов в налоговом органе г. Фессалоники.

22. Решением от 7 декабря 2011 г. № 3230/2011 (вручено заявителю 10 февраля 2012 г.) пленум Финансового суда частично удовлетворил кассационную жалобу.

23. Он решил, что невключение пятилетнего периода, необходимого для окончания специальной подготовки заявителя, в общий срок его службы нарушало принцип пропорциональности, воплощенный в статье 25 Конституции.

24. Он указал, что период, в течение которого военный медик работал над получением квалификации специалиста, составлял часть действительной военной службы офицера. Соответственно, он отменил решение пятого отделения в отношении вывода о том, что период специальной подготовки заявителя составлял годы обучения, которые не могут быть включены в подсчет общего периода обязательной службы.

25. Он отклонил как необоснованные доводы жалобы о нарушении Конвенции, указав следующее:

«Пункт 7 статьи 64 декрета... не противоречит положениям Конституции, Социальной хартии и Конвенции с учетом того факта, что в течение пятилетнего периода, когда медицинский офицер служит в вооруженных силах, которые подготовили его и достигли преследуемой цели, а именно обеспечили руководящий состав для вооруженных сил в отсутствие требования о работе офицера. Что касается исчисления выплаты в соответствии с пунктом 16 той же статьи, это средство возмещения расходов, понесенных государством при подготовке офицеров, и ни в коем случае не составляет санкцию».

26. Пленум Финансового суда передал дело в другой состав пятого отделения. Единственный рассматриваемый вопрос заключался в переоценке выплаты путем зачета пятилетней специальной подготовки заявителя в качестве части общей продолжительности службы.

27. Решением от 12 декабря 2013 г. № 4909/2013 (вручено заявителю 10 января 2014 г.) пятое отделение Финансового суда изменило решение от 26 мая 2007 г., вынесенное финансовым департаментом генерального штаба армии, путем уменьшения суммы, вменяемой заявителю, до 49 978 евро 33 центов.

28. В частности, Финансовый суд указал, что решение от 26 мая 2007 г. было законным, поскольку заявитель уволился из армии до окончания 18-летнего срока обязательной службы. Однако он решил, что длительность оставшегося периода обязательной службы составляла не девять лет, четыре месяца и 12 дней, как рассчитал генеральный штаб армии, а четыре года, четыре месяца и 10 дней. Финансовый суд подчеркнул, что срок, который уже отслужил заявитель, должен был включать специальную подготовку, которая началась 26 июля 1996 г. и окончилась 27 июля 2001 г., поскольку, как разъяснено в решении № 3230/2011, период специальной подготовки должен был засчитываться в срок действительной военной службы.

29. 13 марта 2014 г. государство возместило заявителю 59 749 евро 61 цент, что соответствовало разнице между выплатой, которую он уже произвел, и суммой, определенной в решении № 4909/2013.

30. Согласно информации, представленной властями Греции, заявитель в настоящее время работает в большой частной больнице в г. Фессалоники.

<...>

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 4 КОНВЕНЦИИ

53. Заявитель утверждал, что возложенная на него внутригосударственным законодательством обязанность отслужить в вооруженных силах весьма длительный, по его мнению, срок или выплатить избыточную сумму государству за прекращение его службы составляла принудительный или обязательный труд, поскольку она возлагала непропорциональное бремя и необязательное ограничение его свободы трудоустройства. Он ссылаясь на пункт 2 статьи 4 Конвенции, который предусматривает:

«Никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду».

54. Европейский Суд полагает целесообразным сослаться в настоящем деле дополнительно на соответствующие части пункта 3 статьи 4 Конвенции:

«3. Для целей настоящей статьи термин “принудительный или обязательный труд” не включает в себя:

...b) всякую службу военного характера, а в тех странах, в которых правомерным признается отказ от военной службы на основании убеждений, службу, назначенную вместо обязательной военной службы...».

<...>

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) *Власти Греции*

68. Власти Греции утверждали, что ситуация, обжалуемая в настоящем деле, не составляет принудительный труд в значении пункта 2 статьи 4 Конвенции. Они отмечали, что после обучения заявителя в военной академии, его назначения вторым лейтенантом и специальной подготовки он свободно обязался отслужить в вооруженных силах страны 12-летний период и дополнительно пять лет. Он знал об этой обязанности, которая прямо предусматривалась законом, поскольку соответствующие законодательные положения составляли часть правовой базы, регулирующей прохождение службы военного врача, и он даже извлекал выгоду из процедур и привилегий, предусмотренных этой базой.

69. Власти Греции также указывали, что утверждение заявителя о том, что от него требовалось приобрести квалификацию специалиста, является необоснованным. Отсутствовала обязанность прохождения специальной подготовки, которая являлась вопросом исключительно собственной карьеры заявителя. Он по собственному желанию принял участие в конкурентном экзамене, организованном армией для привлечения медицинских специалистов, пользовался преференциальным обращением, поскольку военным медикам предлагалось сверхштатное положение в качестве специалистов, пользовался возможностями продвижения, доступными в связи с его квалификацией специалиста (был произведен в полковники). Заявитель также имел возможность, в силу пункта 4 статьи 63 Декрета № 1400/1973, согласно доводам властей Греции, заниматься медицинской практикой на частной основе.

70. Кроме того, власти Греции подчеркивали, что заявителю была предложена сверхштатная должность для получения квалификации специалиста, тогда как гражданскому медицинскому персоналу пришлось бы ожидать вакансий до получения места, с учетом заслуг или по жребию, после появления новых должностей. Таким образом, заявитель получил квалификацию специалиста в отсутствие необходимости ожидания, исполнения административных формальностей или несения каких-либо издержек. Более того, во время его подготовки в качестве специалиста он получал денежное содержание в качестве военного медика.

71. Власти Греции также отмечали, что заявитель не жаловался на нарушение принципа пропорциональности в его деле и что поэтому Европейский Суд не имел юрисдикции для рассмотрения данного вопроса. Он не утверждал, даже в качестве альтернативы, что продолжитель-

ность его обязательного срока службы должна быть короче или что он должен был произвести меньшую выплату, но просто указывал, что он должен был иметь возможность уволиться со службы без ограничений и самостоятельно избирать время для демобилизации из армии.

72. Что касается цели и пропорциональности ограничений, примененных к военным медикам статьей 64 Декрета № 1400/1973, власти Греции сослались на мотивировку решений Финансового суда №№ 2763/2013 и 3822/2013...

73. Наконец, власти Греции подчеркнули, что заявитель имел возможность избежать выплаты суммы непосредственно налоговому органу и ожидать решения пленума Финансового суда путем применения для приостановления исполнения в соответствии со статьей 94 Декрета № 721/1970 и статьей 51 Декрета № 1225/1981. Он также имел право в соответствии с внутрисударственным законодательством требовать от армии разрешения погашать задолженность в рассрочку. Власти Греции были убеждены, что армия, имея дискрецию в таких делах, приняла во внимание финансовые обстоятельства заявителя, сумму задолженности и практику в этой сфере.

(b) Заявитель

74. Со ссылкой на Постановление Европейского Суда по делу «Ван дер Мюсселе против Бельгии» (*Van der Musselle v. Belgium*) (от 23 ноября 1983 г., §§ 34–35, Series A, № 70) и Постановление Европейского Суда по делу «Михаль против Словакии» (*Mihal v. Slovakia*) (от 28 июня 2011 г., жалоба № 23360/08, §§ 44–47) заявитель утверждал, что в то время, как возложенное на него бремя не было уголовно-правовым по природе, оно составляло «угрозу санкции». В частности, оно имело значительные потенциальные последствия, которые были достаточно устрашающими, чтобы вынудить его предлагать свои услуги против своей воли под «угрозой санкции». В этой связи власти Греции просто процитировали примеры подобных правил других государств и перечислили определенные преимущества, которые предположительно смягчили возложенное на него бремя.

75. Заявитель, отметив, что он ссылался на дело Ван дер Мюсселе (упоминавшееся выше), утверждал, что он никогда «добровольно не соглашался» на данную работу. Он признал, что согласился стать военным и поэтому должен был подчиняться всем требованиям, связанным с таким выбором. Однако он лишь принял общий статус, который, по его мнению, не мог считаться составляющим явное согласие на принятие обязательств, противоречащих правам, воплощенным в Конвенции. Кроме того, армейские власти не информировали его о предполагаемом обязательстве прослужить в армии пять дополнительных лет. Предложение от 18 января 1991 г. к офицерам, включая его самого, просто имело целью стимулирование к обращению о прохождении специальной подготовки и получению дополнительного опыта, который мог улучшить карьерные перспективы в армии.

76. Что касается вопроса о том, было ли разумным бремя, заявитель указал, что возможность публикации научных статей или медицинской практики на частной основе не была достаточной для уравнивания бремени, возложенного на него государством. Заявитель подчеркнул, что он являлся анестезиологом, а не врачом общей практики. Если цель данной выплаты была, как утверждают власти Греции, в возмещении издержек, понесенных государством при подготовке офицеров, следовало рассчитать ее на основе периода подготовки (а не всего периода обязательной службы) и суммы соответствующих расходов. Однако власти Греции не смогли определить количественно соответствующую сумму.

77. Заявитель также утверждал, что, несмотря на объяснения властей Греции, настоящее дело не относилось к сфере действия подпункта «b» пункта 3 статьи 4 Конвенции. Данный пункт касался службы по призыву и не применим к военнослужащим вооруженных сил на контрактной основе.

78. Наконец, заявитель указывал, что власти не только никогда не предоставляли ему возможность выплатить требуемую сумму в рассрочку, но требовали выплатить ее не позднее 31 мая 2010 г. во избежание взыскания пени в полном объеме.

2. Мнение Европейского Суда

(а) Пределы рассмотрения дела

79. Европейский Суд напоминает, что первое прилагательное во фразе «принудительный или обязательный труд» наводит на мысль о физическом или психическом принуждении. Что касается второго прилагательного, он не может сослаться на какую-либо форму правового принуждения или обязательства. Например, работа, которая должна быть выполнена на основании свободно заключенного договора, не может рассматриваться как относящаяся к сфере действия статьи 4 Конвенции на том лишь основании, что одна из сторон приняла обязательство перед другой о выполнении этой работы и подвергнется санкциям в случае неисполнения обещания. В данном случае имеет место работа, «требуемая... под угрозой санкций» и выполняемая против воли заинтересованного лица, то есть работа, которую оно «не предложило добровольно» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ван дер Мюсселе против Бельгии», § 34).

80. Как ранее указывал Европейский Суд, пункт 3 статьи 4 Конвенции имеет целью не ограничить осуществление права, гарантированного пунктом 2, но разделить само содержание этого права, поскольку оно составляет единое целое с пунктом 2 и указывает, что не считается принудительным или обязательным трудом (см. там же, § 38). В соответствии с пунктом 3 статьи 4 Конвенции из сферы «принудительного или обязательного труда» исключается «всякая служба военного характера, а в тех странах, в которых признается правомерным отказ от военной службы на основании убеждений, службу, назначенную вместо обязательной военной службы».

81. В своем Решении от 19 июля 1968 г. по делу «W, X, Y и Z против Соединенного Королевства» (W, X, Y and Z v. United Kingdom) (жалобы №№ 3435/67, 3436/67, 3437/67 и 3438/67, *Yearbook* 11, р. 594) Европейская комиссия по правам человека указала, что подпункт «b» пункта 3 статьи 4 Конвенции применяется не только к обязательной военной службе, но к военной службе вообще, даже если на нее военнослужащие поступают добровольно. Это расширительное толкование данного исключения в отношении военнослужащих, мобилизованных до достижения совершеннолетия, по-видимому, основано исключительно на первой части подпункта «b», которая упоминает «любую службу военного характера».

82. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле государство-ответчик не ссылалось на исключение в подпункте «b» пункта 3 статьи 4 Конвенции, вероятно, полагая, что данное положение неприменимо к делу заявителя, военнослужащего медицинского корпуса на контрактной основе.

83. В любом случае Европейский Суд полагает, что подпункт «b» пункта 3 статьи 4 Конвенции должен рассматриваться в целом. По двум причинам прочтение всего подпункта в этом контексте позволяет предположить, что он применяется к обязательной военной службе в государствах, где существует такая система: во-первых, из-за ссылки на отказников по мотивам убеждений, которые очевидно являются призывниками, а не военнослужащими по контракту, и, во-вторых, за счет прямой ссылки на обязательную военную службу в конце подпункта. Европейский Суд ссылается в данной связи на общий принцип о том, что исключения из правила должны толковаться строго. Это тем более верно, что запреты пунктов 1 и 2 статьи 4 Конвенции составляют часть ключевых конвенционных прав.

84. Европейский Суд также отмечает, что подпункт «a» пункта 2 статьи 2 Конвенции Международной организации труда (МОТ) № 29 предусматривает, что принудительный или обязательный труд по смыслу настоящей Конвенции не включает в себя «всякую работу или службу, требуемую в силу законов об обязательной военной службе и применяемую для работ чисто военного характера», что предполагает, что данное исключение применяется лишь к случаям службы по призыву.

85. Точно так же Европейский комитет по социальным правам Совета Европы при рассмотрении вопроса принудительного труда различал ситуацию кадровых военнослужащих и призывников. Выводы комитета относительно разных стран, включая Грецию, указывают, что он установил, что чрезмерная длительность срока, в течение которого кадровые военнослужащие

должны были оставаться на службе, являлась основанием для несоблюдения пункта 2 статьи 1 Европейской социальной хартии в части запрета принудительного труда...

86. Кроме того, Рекомендация CM/Rec(2010)4 Комитета министров государствам-членам о правах человека у военнослужащих указывает, что власти не должны предъявлять к военнослужащим требование о службе в течение срока, который был бы неразумным и составлял принудительный труд...

87. На основе всех этих факторов Европейский Суд полагает в соответствии с объектом и целью Конвенции, что подпункт «b» пункта 3 статьи 4 Конвенции не охватывает работу, исполняемую кадровыми военнослужащими. Следовательно, в настоящем деле Европейский Суд призван рассмотреть вопрос о соблюдении пункта 2 статьи 4 Конвенции.

(b) Соблюдение пункта 2 статьи 4 Конвенции

88. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд должен удостовериться в настоящем деле, «добровольно ли предложил свои услуги» заявитель для данной работы, имея предварительные сведения обо всех возможных последствиях, и могло ли его решение не оставаться на службе до конца срока, предусмотренного законом, быть затронутым «угрозой санкции».

89. Европейский Суд отмечает, что заявитель поступил в военную академию офицерского корпуса (медицинская секция) в 1986 году и на этой основе поступил на шестилетний курс медицинского факультета Фессалоникского университета. В данной период ему выплачивалось денежное содержание. 3 июня 1993 г., после окончания курса, ему было присвоено звание второго лейтенанта армии и в соответствии с пунктом 1 статьи 64 Декрета № 1400/1973 о статусе военнослужащих он обязался прослужить трехкратную продолжительность его обучения, то есть 18 лет.

90. Позднее по предложению армии заявитель решил специализироваться на анестезиологии и за счет армии получил назначение в качестве интерна 424-го общего военного госпиталя в г. Фессалоники с 26 июля 1996 г. по 30 июля 1997 г. Впоследствии ему была предложена оплачиваемая должность, вновь через армию, в общем региональном госпитале Папаниколау в г. Фессалоники в качестве младшего врача, специализирующегося на анестезиологии с 30 июля 1997 г. по 27 июля 2001 г. Окончив подготовку специалиста, заявитель принял обязательство в соответствии с пунктом 7 статьи 64 Декрета № 1400/1973 отслужить в армии в течение еще пяти лет.

91. Европейский Суд отмечает, что, пока заявитель проходил специальную подготовку, вступил в силу новый закон (№ 3257/2004), изменивший условия досрочного увольнения офицеров. Статья 1 закона сократила длительность периода обязательной службы офицеров до двойной продолжительности их обучения в военной академии, сохранив требование к офицерам, которые получили квалификацию специалиста, прослужить еще пять лет и предоставив им возможность прекратить контракт до истечения установленного срока службы путем выплаты государству суммы, соответствующей базовому денежному содержанию их ступени, умноженному на количество месяцев, которые осталось отслужить. Соответственно, рассмотрение Европейским Судом того, была ли требуемая от заявителя работа принудительным или обязательным по характеру трудом, будет учитывать законодательную базу, действовавшую 22 января 2006 г., в дату его решения об отставке в 37-летнем возрасте.

92. Европейский Суд прежде всего отмечает, что заявитель не может правомерно утверждать, что он не знал о причине и объеме обязательств, которые принял, выбрав карьеру офицера медицинского корпуса. Одно из главных преимуществ, вытекавших из службы в вооруженных силах, заключалось в возможности бесплатного обучения. Вооруженные силы оплачивали стоимость обучения данных офицеров, выплачивали им денежное содержание и предоставляли доступ к социальным льготам, предусмотренным для кадровых военнослужащих. В обмен они требовали от них прослужить определенное количество лет после получения соответствующей квалификации.

93. Европейский Суд учитывает, что требование первоначальной версии статьи 64 Декрета № 1400/1973 к офицерам прослужить период, соответствующий трехкратной продолжи-

тельности их обучения, при отсутствии возможности прекращения контракта Верховный административный суд признал не соответствующим пункту 2 статьи 1 Европейской социальной хартии. Это требование было смягчено вступлением в силу 29 июля 2004 г. Закона № 3257/2004, который составил основу расчета суммы, подлежащей выплате заявителем.

94. Европейский Суд полагает, что требование о продолжении службы армейскими офицерами в течение определенного периода после окончания ими подготовки является составной частью обязанностей, которые они приняли. Исчисление длительности срока службы офицеров, которые прошли подготовку за счет армии, и условия прекращения контракта являются вопросами, относящимися к пределам усмотрения государства. Интерес государств в возвращении средств, затраченных на подготовку офицеров армии и медицинского корпуса, и обеспечении того, чтобы вооруженные силы имели достаточно квалифицированный персонал в соответствующий период относительно их потребностей, оправдывает запрет отставки офицеров в течение определенного срока и зависимость досрочного увольнения от выплаты суммы, покрывающей расходы на содержание и издержки обучения, которые государство несло во время их подготовки, когда выплачивало им денежные средства и предоставляло социальные льготы.

95. В этой связи Европейский Суд считает целесообразным сослаться на мотивировку решений Финансового суда №№ 2763/2013 и 3822/2013 о том, что данные правила, в частности, имели целью предотвратить внезапные и досрочные массовые увольнения офицеров и угрозу подрыва обороноспособности страны.

96. Остается установить, было ли возложено на заявителя непропорциональное бремя, что является единственным фактором, который может вынудить Европейский Суд установить в настоящем деле нарушение пункта 2 статьи 4 Конвенции.

97. В Постановлении Европейского Суда по делу «Ван дер Мюсселе против Бельгии» (упоминавшемся выше, § 37) Европейский Суд установил, что, если служба, которая требовалась для получения доступа к профессии, возлагала бремя, которое было столь чрезмерным или непропорциональным выгодам, вытекающим из будущей практики по этой профессии, что такая служба не могла рассматриваться как добровольно принятая, то данная служба относится к сфере запрета обязательного труда. Чтобы определить, перевешивали ли обязанности, возложенные на заявителя, преимущества, связанные с избранной им профессией, Европейский Суд будет рассматривать ситуацию не во время, когда он был принят в военную академию и решил получить квалификацию специалиста, а в 2004 году, когда вступил в силу Декрет № 1400/1973, поскольку указанный декрет с изменениями составлял законодательство, действовавшее в тот момент, когда заявитель решил расторгнуть свой контракт и должен был исполнить связанные с этим требования.

98. Европейский Суд не может пренебречь тем фактом, что при содействии вооруженных сил заявитель получил медицинское образование и квалификацию специалиста в качестве анестезиолога, работая с 1996 по 2001 год вначале в 424-м общем военном госпитале в г. Фессалоники, а затем в общем региональном госпитале Папаниколау в г. Фессалоники. Он отмечает в этой связи, что статья 38(2) Закона № 1397/1983 запрещала врачам проходить специальную подготовку в госпиталях за пределами доступных мест, но предусматривала, что сверхштатные должности такого рода могли быть созданы для военных медиков, служащих по контракту в вооруженных силах, чем и воспользовался заявитель. Кроме того, законодательство Греции предоставляло таким офицерам, как заявитель, возможность выбора между службой в течение определенного срока в вооруженных силах и выходом в отставку до истечения срока контракта в обмен на выплату денежной суммы.

99. Европейский Суд также отмечает, что после вступления в силу вышеупомянутого Закона № 3257/2004 офицеры армейского медицинского корпуса, как заявитель, получили право заниматься медицинской практикой на частной основе во внеслужебное время.

100. Эти аспекты показывают, что во время обычной и специальной подготовки военные медики имеют право на привилегии, недоступные для гражданских студентов-медиков, такие как безопасность труда. Учитывая тот дополнительный факт, что военные медики получают денежное содержание за время их обучения, требование о выплате определенных сумм государству

в порядке возмещения расходов, понесенных при обучении лиц, желающих покинуть вооруженные силы до окончания срока их обязательной службы, выглядит оправданным. Исходя из этого Европейский Суд полагает, что действительный принцип выкупа оставшихся лет службы не вызывает вопросов с точки зрения принципа пропорциональности.

101. Однако Европейский Суд учитывает, что условия, регулирующие процедуру выкупа, в определенных случаях могут способствовать нарушению равновесия, которое должно быть установлено между защитой индивидуального права данного офицера и интересами общества.

102. В настоящем деле Европейский Суд, во-первых, учитывает, что, когда заявитель подал заявление об отставке, генеральный штаб армии уведомил его, что он должен будет прослужить еще девять лет, четыре месяца и 12 дней или выплатить государству 106 960 евро (решение от 26 мая 2007 г.). Во-вторых, он отмечает, что Финансовый суд в конце концов заключил 12 декабря 2013 г., что пять лет специальной подготовки заявителя должны засчитываться как часть общего периода 18-летней обязательной службы, и соответственно, уменьшил сумму, выплачиваемую государству до 49 978 евро 33 центов.

103. Европейский Суд учитывает, что ни заявитель, ни власти Греции не могли указать точную сумму денежного содержания и доплат, получаемых заявителем во время его обучения и специальной подготовки в качестве анестезиолога. Однако Европейский Суд отмечает, что согласно их собственным расчетам заявитель и власти Греции не оспаривали, что он должен был получить общую сумму между 86 976 и 91 476 евро в периоды с сентября 1986 года по июнь 1993 года и с августа 1996 года по июль 2001 года.

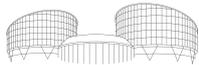
104. Европейский Суд отмечает, что сумма в 49 978 евро 33 цента, которую заявителю было в итоге предложено выплатить в соответствии с решением Финансового суда от 12 декабря 2013 г., представляла менее чем две трети общей суммы, которую он получил в соответствующий период (между 86 976 евро и 91 476 евро), и поэтому не могла считаться неразумной.

105. Европейский Суд также учитывает, что после ходатайства заявителя председатель пленума Финансового суда вынес предварительное распоряжение от 17 марта 2009 г. о приостановлении исполнения решения от 26 мая 2007 г. и что приостановление исполнения было подтверждено 21 октября 2009 г. пленумом Финансового суда.

106. Приостановление исполнения не помешало налоговому органу г. Фессалоники предложить заявителю 18 марта и 9 апреля 2009 г. выплатить сумму в размере 109 527 евро, включавшую вышеупомянутую сумму в 106 960 евро, а также 2 139 евро 20 центов гербовой пошлины и 427 евро 84 цента в фонд сельскохозяйственного страхования. 10 мая 2010 г. налоговое управление Министерства финансов уведомило заявителя о том, что, поскольку требуемая сумма не была выплачена до конца предыдущего года, за просрочку начислены пени в размере 13 143 евро 24 цента. Оно также уведомило его, что, если он выплатит задолженность до 31 мая 2010 г., он будет иметь право на 80-процентную скидку при уплате пени. 26 мая 2010 г. заявитель депонировал сумму в 112 155 евро 69 центов в налоговом органе г. Фессалоники.

107. Несмотря на приостановление исполнения по ходатайству заявителя вначале председателем пленума Финансового суда, а затем самим пленумом Финансового суда и на тот факт, что разбирательство на пленуме Финансового суда едва началось, вмешательство налогового управления Министерства финансов 10 мая 2010 г. означало, что заявитель должен был выплатить требуемую сумму, на которую уже была начислена пеня от 12 до 13%. Если он не соглашался выплатить эту сумму в полном объеме, она была бы увеличена даже с учетом времени, необходимого Финансовому суду для вынесения решения.

108. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что в то время как пункт 1 статьи 3 Кодекса сбора государственных налогов и статья 96 Законодательного декрета № 721/1970 в интерпретации Заключения № 120/2002 Государственного правового совета предусматривали, что задолженности офицеров вооруженных сил могут выплачиваться в рассрочку, этот вариант должен быть упомянут в решении о возложении выплаты. Однако данная информация в решение от 26 мая 2007 г. не включалась.

109. С учетом вышеизложенных обстоятельств Европейский Суд не сомневается, что заявитель был обязан действовать под принуждением (см. *mutatis mutandis*¹ Постановление Европейского Суда по делу «Девер против Бельгии» (*Deweer v. Belgium*) от 27 февраля 1980 г., § 51, Series A, № 35). Европейский Суд отмечает, что власти не учли два судебных решения, обязательных для них, и настояли на исполнении их первоначального решения от 26 мая 2007 г., в котором указывалось, что процесс выплаты не мог быть приостановлен в случае подачи жалобы заявителем (см. *mutatis mutandis* Постановление Европейского Суда по делу «Георгулис и другие против Греции» (*Georgoulis and Others v. Greece*) от 21 июня 2007 г., жалоба № 38752/04, § 25). Требуя немедленной выплаты суммы в 109 527 евро, увеличенной до 112 155 евро 69 центов за счет пени, налоговые органы возложили непропорциональное бремя на заявителя.

Соответственно, имело место нарушение пункта 2 статьи 4 Конвенции.

<...>

На основании изложенного Суд единогласно:

...2) постановил, что имело место нарушение пункта 2 статьи 4 Конвенции...

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 4 июня 2015 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен НИЛЬСЕН
Секретарь Секции Суда

Изабель БЕРРО
Председатель Палаты Суда

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (примеч. переводчика).

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
(Первая Секция)**Дело «Сыро (Sõro) против Эстонии»¹**
(Жалоба № 22588/08)**ПОСТАНОВЛЕНИЕ²***г. Страсбург, 3 сентября 2015 г.*

По делу «Сыро против Эстонии» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Элизабет Штайнер, *Председателя Палаты,*

Ханлара Гаджиева,

Мирьяны Лазаровой Трайковской,

Юлии Лаффранк,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Ксении Туркович,

Дмитрия Дедова, *судей,*

а также при участии Сёрена Нильсена, *Секретаря Секции Суда,*

заседая за закрытыми дверями 30 июня 2015 г.,

вынес в указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 22588/08, поданной против Эстонской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Эстонии Михаилом Сыро (далее – заявитель) 3 мая 2008 г.

2. Интересы заявителя представляла М. Валге (*M. Valge*), адвокат, практикующая в г. Тарту (*Tartu*). Власти Эстонии (далее также – власти государства-ответчика) были представлены Уполномоченным Эстонской Республики при Европейском Суде по правам человека М. Куурберг (*M. Kuurberg*), сотрудницей Министерства иностранных дел Эстонии.

3. Заявитель утверждал, в частности, что опубликование сведений о его службе в органах государственной безопасности нарушило его право на уважение личной жизни и статью 8 Конвенции.

4. 27 августа 2013 г. жалоба в части, касающейся опубликования сведений о прежнем месте работы заявителя, была коммуницирована властям Эстонии, а в остальной части жалоба была объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель, родившийся в 1948 году, проживает в г. Тарту.

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева (*примеч. редактора*).

² Настоящее Постановление вступило в силу 3 декабря 2015 г. в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

А. Исторический контекст дела

6. Эстония утратила свою независимость вследствие заключенного 23 августа 1939 г. между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик (далее – Советский Союз или СССР) Договора о ненападении, известного также как пакт Молотова–Риббентропа, и дополнительных секретных протоколов к нему. В 1939 году в ультимативной форме от властей Эстонии потребовали предоставить возможность размещения советских военных баз, а в июне 1940 года в страну вошла крупная группировка Вооруженных сил СССР. Законное правительство Эстонии было свергнуто, и в стране насильно была установлена советская власть. Не считая периода немецкой оккупации в 1941–1944 годах, Эстония была оккупирована Советским Союзом до восстановления своей независимости в 1991 году (см. Решение Европейского Суда по делу «Кольк и Кислый против Эстонии» (*Kolk and Kislyiy v. Estonia*), жалобы №№ 23052/04 и 24018/04, *ECHR* 2006-I, а также Решение Европейского Суда по делу «Пенарт против Эстонии» (*Penart v. Estonia*) от 24 января 2006 г., жалоба № 14685/04). Когда 20 августа 1991 г. независимость Эстонской Республики была восстановлена, советские войска остались на территории страны. После распада Советского Союза Вооруженные силы СССР перешли под юрисдикцию Российской Федерации. 26 июля 1994 г. Эстония и Российская Федерация заключили договор о выводе российских войск из Эстонии и об условиях, на которых они могут временно оставаться в Эстонии. По условиям этого договора Российская Федерация обязалась до 31 августа 1994 г. вывести из Эстонии весь личный состав своих вооруженных сил (см. Решение Европейского Суда по делу «Нагула против Эстонии» (*Nagula v. Estonia*), жалоба № 39203/02, *ECHR* 2005-XII (извлечения), Решение Европейского Суда по делу «Миколенко против Эстонии» (*Mikolenko v. Estonia*) от 5 января 2006 г., жалоба № 16944/03, и Решение Европейского Суда по делу «Дорошенко против Эстонии» (*Dorochenko v. Estonia*) от 5 января 2006 г., жалоба № 10507/03).

7. После того, как Эстония вновь обрела независимость, в стране были проведены комплексные законодательные реформы для обеспечения перехода от тоталитарного режима к демократической системе и устранения несправедливости. 28 июня 1992 г. на референдуме были приняты Конституция Эстонской Республики (*Eesti Vabariigi põhiseadus*) и Закон «О введении в действие Конституции Эстонской Республики» (*Eesti Vabariigi põhiseaduse rakendamise seadus*). Закон о введении в действие Конституции предусматривал, что до 31 декабря 2000 г. лица, выставляющие свои кандидатуры на выборах либо претендующие на определенные высшие должности, например, министров или судей, а также на любые другие выборные или номенклатурные должности в органах государственной власти или местного самоуправления, обязаны в письменной форме принести присягу (*süümevanne*) в том, что они не состояли на службе в органах безопасности, разведки или контрразведки государств, оккупировавших Эстонию, и не являлись агентами этих органов. 8 июля 1992 г. Рийгикогу (Парламент Эстонии) принял Закон «О порядке принесения присяги» (*Seadus süümevande andmise korra kohta*).

8. Для обеспечения национальной безопасности Эстонской Республики требовалось выявить лиц, состоявших на службе в органах безопасности, разведки или контрразведки государств, оккупировавших Эстонию, или сотрудничавших с этими органами. Под органами безопасности подразумевались в первую очередь Комитет государственной безопасности СССР и его территориальное подразделение – Комитет государственной безопасности Эстонской ССР (далее – КГБ). Однако самые важные материалы КГБ были вывезены из Эстонии, а созданной властями страны государственной комиссии по ликвидации КГБ удалось получить документы, представляющие главным образом историческую ценность.

9. 10 марта 1994 г. Рийгикогу принял Закон «О сборе, учете, хранении и использовании материалов органов безопасности и разведки других государств, которые действовали в Эстонии» (*Eestis tegutsenud teiste riikide julgeoleku- ja luureorganite materjalide kogumise, arvelevõtmise, säilitamise ja kasutamise korra seadus*). Этот Закон предусматривал обязанность передавать указанные материалы на хранение в Национальный архив Эстонии.

10. 1 июня 1994 г. Временный комитет Рийгикогу по расследованию деятельности органов безопасности и разведки СССР и других государств в Эстонии внес в Рийгикогу проект решения, которым правительству предлагалось не позднее 15 сентября 1994 г. внести законопроект «О порядке учета и обнародования сведений о лицах, состоявших на службе в органах безопас-

ности, разведки или контрразведки вооруженных сил государств, оккупировавших Эстонию, или сотрудничавших с этими органами». 28 июня 1994 г. Рийгикогу принял предложенное решение.

11. Поскольку в указанный комитетом срок правительство не представило проект этого закона, 5 декабря 1994 г. Временный комитет Рийгикогу решил сам внести соответствующий законопроект.

12. 6 февраля 1995 г. Рийгикогу принял Закон «О порядке учета и обнародования сведений о лицах, состоявших на службе в органах безопасности, разведки или контрразведки вооруженных сил государств, оккупировавших Эстонию, или сотрудничавших с этими органами» (*Eestit okupeeritud riikide julgeolekuorganite või relvajõudude luure- või vastuluureorganite teenistuses olnud või nendega koostööd teinud isikute arvelevõtmise ja avalikustamise korra seadus*) (далее – Закон об обнародовании сведений). Согласно Закону об обнародовании сведений указанные лица подлежали регистрации в полиции безопасности Эстонии (*Kaitsepolitseiamet*). Информация о службе таких лиц в органах безопасности, разведки или контрразведки или об их сотрудничестве с данными органами предавалась огласке, если только они сами не обратились в полицию безопасности Эстонии с заявлением о признании факта службы или сотрудничества с этими органами соответственно в течение одного года с момента вступления в силу Закона об обнародовании сведений. Закон об обнародовании сведений вступил в силу 28 марта 1995 г.

13. По информации, предоставленной властями государства-ответчика, до 1 апреля 1996 г. с заявлением о признании согласно Закону об обнародовании сведений обратились 1 153 человека. Впервые фамилии лиц, сведения о которых были обнародованы, появились в Приложении к Государственному вестнику Эстонии (*Riigi Teataja Lisa*) 30 января 1997 г. В 1997–2009 годах эти сведения публиковались в Приложении к Государственному вестнику 13 раз. В общей сложности были напечатаны фамилии 647 человек, в их числе оказались 42 водителя, из которых как минимум семерых человек повысили в должности за годы службы в КГБ.

14. 18 июня 2002 г. Рийгикогу сделал заявление о том, что коммунистический режим СССР, который во время оккупации, по его мнению, совершал преступления, в том числе геноцид, военные преступления и преступления против человечества, а также такие органы Советского Союза, как НКВД, НКГБ, КГБ и т.д., которые насильственно насаждали этот режим, и их деятельность объявляются преступными. В заявлении подчеркивалось, что это «не означает коллективной ответственности их членов и сотрудников. Ответственность каждого человека [определяется] его конкретной деятельностью, этическую оценку которой должен давать в первую очередь каждый человек самостоятельно». Кроме того, Рийгикогу отметил, что угроза повторения подобных преступлений не исчезла и что режимы, опирающиеся на экстремистскую идеологию, угрожают миру во всем мире и свободному развитию людей до тех пор, пока их преступный характер не раскрыт и не осужден в полном объеме.

15. 17 декабря 2003 г. Рийгикогу принял Закон «О лицах, репрессированных оккупационными режимами» (*Okupatsioonirežiimide poolt represseeritud isiku seadus*), направленный на смягчение несправедливости, причиненной лицам, которые были противоправно репрессированы государствами, оккупировавшими Эстонию, в период с 16 июня 1940 г. по 20 августа 1991 г. Для лиц, попадающих под действие указанного закона, были предусмотрены определенные пенсионные права и другие льготы.

В. Опубликование сведений о службе заявителя в КГБ

16. С 1980 по 1991 год заявитель работал водителем в КГБ.

17. 27 февраля 2004 г. заявителя пригласили в полицию безопасности Эстонии. Ему вручили извещение, в котором говорилось, что он зарегистрирован согласно Закону об обнародовании сведений. В извещении было указано, что соответствующее объявление будет напечатано в Приложении к Государственному вестнику Эстонии, и приводился текст объявления. Далее в нем упоминалось, что заинтересованное лицо имеет право в течение одного месяца с момента получения извещения ознакомиться с документами, доказывающими его связь с органами безопасности, разведки или контрразведки, и оспорить содержащиеся в извещении сведения, обратившись в полицию безопасности или суд. Заявитель расписался в получении извещения.

18. Как утверждал заявитель, его требование показать собранные на него материалы не было выполнено. Ему сказали, что в течение месяца он может обжаловать извещение в административный суд. По мнению властей государства-ответчика, довод заявителя о том, что он не смог изучить документы, на которых было основано извещение, является декларативным, недоказанным и неверным.

19. 16 июня 2004 г. объявление было опубликовано и в бумажной, и в электронной версиях Приложения к Государственному вестнику Эстонии в Интернете. В нем говорилось:

«ОБЪЯВЛЕНИЯ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЭСТОНИИ

о лицах, состоявших на службе в органах безопасности, разведки или контрразведки вооруженных сил государств, оккупировавших Эстонию, или сотрудничавших с этими органами

Настоящим полиция безопасности Эстонии сообщает, что согласно пункту 1 статьи 5 Закона «О порядке учета и обнародования сведений о лицах, состоявших на службе в органах безопасности, разведки или контрразведки вооруженных сил государств, оккупировавших Эстонию, или сотрудничавших с этими органами» полиция безопасности Эстонии зарегистрировала следующих лиц...

Объявление от 27 февраля 2004 г. № 695

Михаил Сыро (родился 12 декабря 1948 г., Эстония, Пыльвацкий район, Вярский сельсовет) – водитель автобуса «Тарбус».

1. Комитет государственной безопасности Эстонской ССР[,] Тартуское отделение – водитель[,] 12 августа 1980 г. – 1989 год.

2. Комитет государственной безопасности Эстонской ССР[,] Пыльваское отделение – водитель[,] 1989 год – 5 ноября 1991 г.».

20. В электронной версии, имеющей такую же юридическую силу, как и бумажная версия, объявления полиции безопасности Эстонии публиковались в Интернете под заголовком «Копии объявлений полиции безопасности Эстонии о лицах, состоявших на службе в органах разведки или контрразведки бывшего СССР, которые публикуются в Приложении к Государственному вестнику Эстонии».

21. Заявитель подал жалобу канцлеру юстиции Эстонии (*Õiguskantsler*)¹, который, рассмотрев вопрос и запросив дополнительную информацию у полиции безопасности Эстонии, направил в Рийгикогу доклад от 12 июля 2005 г., в котором он пришел к выводу, что Закон об обнародовании сведений является неконституционным, поскольку огласке предаются сведения обо всех сотрудниках органов безопасности и разведки, включая тех, кто выполнял чисто технические задачи, не связанные с основными функциями этих органов. Он также указал, что Закон об обнародовании сведений является неконституционным еще и потому, что сообщается о месте работы лица на момент опубликования объявления.

22. Комитет Рийгикогу по конституционному законодательству не согласился с оценкой канцлера юстиции Эстонии.

23. После того, как заявитель еще раз обратился к канцлеру юстиции Эстонии, тот в письме от 31 января 2006 г. ответил, что он не усматривает необходимости начинать процедуру проверки конституционности Закона об обнародовании сведений. Тем временем полиция безопасности Эстонии сообщила канцлеру юстиции о том, что сведения о лицах, выполнявших исключительно технические задачи, как правило, не разглашаются.

¹ Канцлер юстиции (эст. *Eesti Vabariigi õiguskantsler*) является независимым должностным лицом в Эстонской Республике, на которого возложена функция надзора за конституционностью и законностью нормативных правовых актов, издаваемых органами законодательной и исполнительной власти, а также местных самоуправлений. Параллельно с этим канцлер юстиции выполняет функции омбудсмена и следит за тем, чтобы основные права и свободы живущих в стране людей были защищены (*примеч. редактора*).

С. Рассмотрение жалобы заявителя судами Эстонии

24. 20 июня 2006 г. заявитель подал жалобу в Таллинский административный суд. Он просил суд признать незаконным текст объявления, опубликованного в Приложении к Государственному вестнику Эстонии, и обязать полицию безопасности Эстонии удалить слово «оккупант» (*okupant*) и добавить слово «бывший» (*endine*). Таким образом появлялась возможность опровергнуть информацию о том, что он являлся иностранным оккупантом, оккупировавшим Эстонию с 1980 по 1991 год. По его словам, его никогда не обвиняли в том, что он участвовал в насильственной оккупации территории Эстонии в составе вооруженных сил иностранного государства или осуществлял оккупационные полномочия, и так и не предоставили подтверждающих это доказательств. Он возражал против того, что его ассоциируют с преступлениями сотрудников органов безопасности нацистской Германии и сталинского режима, и утверждал, что человека можно привлекать только к личной ответственности за те действия, которые совершил он сам, однако в Законе обнародования сведений данный принцип игнорируется. Заявитель утверждал, что он работал в КГБ простым водителем и ничего не знал о собиравшейся информации. Из-за опубликования объявления заявитель потерял работу и стал жертвой необоснованных обвинений со стороны третьих лиц. Его стали называть оккупантом (*okupant*) и стукачом (*koputaja*) и говорили, что «он непорядочный человек», раз им занялась полиция безопасности.

25. На заседании Таллинского административного суда 15 января 2007 г. заявитель утверждал, *inter alia*¹, что он тем временем сменил работу, однако на момент проведения судебного заседания он вернулся в автобусную компанию, в которой он работал раньше.

26. Решением от 29 января 2007 г. Таллинский административный суд оставил жалобу заявителя без удовлетворения. Суд отметил, что заявитель не стал оспаривать извещение, которое ему вручила полиция безопасности Эстонии 27 февраля 2004 г. Соответственно, согласно Закону обнародования информации это извещение было опубликовано. Административный суд пришел к выводу, что опубликование объявления стало возможным из-за бездействия заявителя, поскольку он не стал оспаривать извещение и опровергать содержащуюся в нем информацию. Информация, содержащаяся в опубликованном объявлении, соответствовала сведениям, которые ранее были вручены заявителю.

27. Административный суд также установил, что в электронной версии Приложения к Государственному вестнику Эстонии в Интернете объявления полиции безопасности Эстонии публиковались под заголовком «Копии объявлений полиции безопасности Эстонии о лицах, состоявших на службе в органах разведки или контрразведки бывшего СССР, которые публикуются в Приложении к Государственному вестнику Эстонии», а значит, понятие «бывший» (*endine*) применяется и к объявлениям, касающимся заявителя. Кроме того, в отношении заявителя не использовалось слово «оккупант» (*okupant*). Административный суд не установил, что опубликование объявления было незаконным или нарушало права заявителя.

28. Административный суд пришел к выводу, что ходатайство заявителя о проверке конституционности Закона обнародования сведений было бы уместно, если бы заявитель оспорил извещение от 27 февраля 2004 г. Заявителю сообщили, что согласно Закону обнародования сведений он имел право в течение месяца ознакомиться с документами и оспорить содержащиеся в извещении сведения, обратившись в полицию безопасности Эстонии или суд. Таким образом, закон предоставлял ему возможность без промедления опровергнуть собранную информацию. Если бы после этого суд стал рассматривать вопрос о конституционности Закона обнародования сведений, полиция безопасности Эстонии была бы обязана в зависимости от результатов рассмотрения указанного вопроса опубликовать сведения о заявителе или воздержаться от их опубликования. Однако в данном случае объявление уже было опубликовано, а лежащее в его основе извещение от 27 февраля 2004 г. № 695 соответствовало требованиям закона.

29. Кроме того, Административный суд отметил, что заявитель не предоставил доказательств, опровергающих опубликованные сведения. Заявитель сам подтвердил, что он работал водителем в КГБ Эстонской ССР.

¹ *Inter alia* (лат.) – в числе прочего (*примеч. редактора*).

30. Заявитель обжаловал это решение, утверждая, что после того, как объявление было опубликовано, он подвергся необоснованным издевательствам и был вынужден уйти с работы. Ему был причинен значительный материальный ущерб и моральный вред. Он отметил, что извещение от 27 февраля 2004 г. не причинило ему какого-либо вреда в отличие от объявления, опубликованного в Приложении к Государственному вестнику Эстонии 16 июня 2004 г. Он утверждал, что в опубликованном объявлении он был изображен оккупантом Эстонии. Тем не менее остается неясным, какие именно действия он совершил против Эстонии, и в каком отношении эти действия являлись преступными. Его работа водителем в КГБ имела исключительно технический характер и на самом деле не была направлена против Эстонии.

31. Постановлением от 22 ноября 2007 г. Таллинский окружной суд оставил жалобу заявителя без удовлетворения. Окружной суд пришел к выводу, что, если человек не оспаривал первоначально полученное им извещение до его опубликования, это не лишает его права обжаловать опубликование объявления в Приложении к Государственному вестнику Эстонии. Кроме того, суд счел, что в некоторых обстоятельствах применение Закона об обнародовании сведений может повлечь за собой косвенное вмешательство в осуществление человеком основных прав из-за действий третьих лиц, так как в результате обнародования сведений об отношениях человека с органами безопасности СССР может пострадать его репутация. Однако в данном случае вмешательство соответствовало Конституции Эстонии.

32. Окружной суд постановил:

«...10. ...Рассмотрев дело, канцлер юстиции установил, что в соответствии с административной практикой ответчика сведения о лицах, выполнявших чисто технические функции, в порядке исключения огласке не предаются. Согласно оценке Окружного суда [заявитель] не может требовать, чтобы для него было сделано исключение. По мнению ответчика, водители органов безопасности и разведки имели отношение к выполнению основных задач этих органов... У суда отсутствуют основания занимать иную позицию по данному вопросу в отношении лиц, представляющих угрозу для безопасности страны. Власти Эстонии по прошествии нескольких десятков лет не могут абсолютно точно установить, выполнял ли тот или иной конкретный водитель чисто технические функции или еще и основные задачи соответствующих органов. Таким образом, следует исходить из того, что водители КГБ также могут представлять потенциальную угрозу для безопасности страны, а обнародование сведений о них может отвечать интересам общества. Таким образом, применение [Закона об обнародовании сведений] к лицам, которые работали в органах безопасности или разведки водителями, является соразмерным. При этом необходимо принимать во внимание, что опубликование объявления и косвенные последствия этого необязательно были предусмотрены законом, [заявитель] мог бы предотвратить наступление указанных последствий, обратившись с заявлением о признании согласно... [Закону об обнародовании сведений]...».

33. Относительно жалобы заявителя на формулировки, использованные в тексте объявления, Окружной суд отметил, что слово «оккупировать» относилось не к заявителю, а к государству (бывшему Советскому Союзу). К тому же заявителя назвали не лицом, сотрудничавшим с КГБ (доносчиком или стукачом), а штатным сотрудником этого органа. Кроме того, в объявлении было указано, в течение какого времени заявитель там работал. Ничто не указывает на то, что его обвинили в длительных контактах с органом разведки или безопасности иностранного государства. Ответчик не виновен в том, что третьи лица на основании объявления могли прийти к произвольным выводам. Наконец, Окружной суд решил, что обнародование текущего места работы заявителя являлось соразмерным, *inter alia*, во избежание путаницы в обществе, которая иначе могла бы возникнуть в отношении однофамильцев и лиц с похожими фамилиями.

34. 14 февраля 2008 г. Государственный суд Эстонии¹ отказался рассматривать поданную заявителем жалобу.

¹ Государственный суд Эстонии (*эст. Riigikohus*) – является высшей судебной инстанцией в Эстонии, пересматривающей судебные решения в кассационном порядке, одновременно исполняет также задачи в сфере конституционного надзора (*примеч. редактора*).

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЭСТОНИИ И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

35. 6 февраля 1995 г. был принят Закон «О порядке учета и обнародования сведений о лицах, состоявших на службе в органах безопасности, разведки или контрразведки вооруженных сил государств, оккупировавших Эстонию, или сотрудничавших с этими органами» (*Eestit okupeeritud riikide julgeolekuorganite või relvajõudude luure- või vastuluureorganite teenistuses olnud või nendega koostööd teinud isikute arvelevõtmise ja avalikustamise korra seadus*). Он вступил в силу 28 марта 1995 г.

36. Данный закон предусматривает регистрацию и обнародование сведений о лицах, которые с 17 июня 1940 г. по 31 декабря 1991 г. состояли на службе в определенных органах безопасности или разведки фашистской Германии и Советского Союза, перечисленных в Законе об обнародовании сведений, или сотрудничали с этими органами (статьи 1–3). В статье 4 Закона об обнародовании сведений указано, что он применяется к штатным сотрудникам органов безопасности или разведки, а также к лицам, которые сотрудничали с этими органами, и установлены критерии того, что следует считать сотрудничеством.

37. Статья 5 вышеуказанного закона предусматривает, что соответствующие лица подлежат регистрации на основании личного заявления о признании, поданного в полицию безопасности Эстонии в течение одного года с момента вступления в силу Закона об обнародовании сведений, или на основании других имеющихся доказательств.

38. В случае, если человек не обратился с личным заявлением о признании или сознательно предоставил ложные сведения, информация о его службе в органах безопасности или разведки или сотрудничестве с этими органами передается огласке (статьи 6–8). Напротив, информация о лицах, обратившихся с личным заявлением о признании в течение одного года с момента вступления в силу Закона об обнародовании сведений и не предоставивших ложных сведений, как правило, не публикуется (пункт 2 статьи 7 и пункт 1 статьи 8), а сведения о них считаются государственной тайной в течение 50 лет (статья 6 Закона «О государственной тайне» (*Riigisaladuse seadus*)).

39. Прежде, чем направлять извещение на опубликование, полиция безопасности Эстонии доводит его текст до сведения заинтересованного лица (пункт 2 статьи 8 Закона об обнародовании сведений). Оно имеет право в течение одного месяца с момента получения извещения ознакомиться с соответствующими документами в полиции безопасности Эстонии либо оспорить содержащиеся в извещении сведения, обратившись в полицию безопасности или в суд. Бремя доказывания того, что человек работал в органах безопасности или разведки или сотрудничал с этими органами, лежит на полиции безопасности Эстонии (пункт 4 статьи 8).

40. Решением от 31 января 2003 г. по делу № 3-257/2003 Таллинский административный суд удовлетворил жалобу на извещение, поступившее от полиции безопасности Эстонии. Он пришел к выводу, что работа истца в НКВД (Народном комиссариате внутренних дел, предшественнике КГБ) не была должным образом доказана. Суд обязал полицию безопасности Эстонии удалить из реестра данные об истце. Это решение было оставлено без изменения постановлением Таллинского окружного суда от 8 декабря 2003 г. по делу № 2-3/394/2003. Окружной суд отметил, что бремя доказывания по делам, подпадающим под действие Закона об обнародовании сведений, лежит на полиции безопасности Эстонии, и подчеркнул, что не допускаются регистрация лиц и обнародование сведений о них только на основании подозрений.

III. ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

41. 27 июня 1996 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы (далее – ПАСЕ) приняла Резолюцию № 1096(1996) «О мерах по ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем». В частях, имеющих отношение к настоящему делу, в резолюции указывается следующее:

«1. С наследием бывших коммунистических тоталитарных систем справиться нелегко. На институциональном уровне это наследие включает в себя (чрезмерную) централизацию, милитаризацию гражданских институтов, бюрократизацию, монополизацию и стремление регулировать абсолютно всё; на уровне общества оно простирается от коллективизма и конформизма до слепого повино-

вения и других образцов тоталитарного мышления. На этой основе трудно воссоздать цивилизованное, либеральное государство, основанное на принципе верховенства права, поэтому прежние структуры и мышление необходимо ликвидировать и преодолеть...

3. Срыв процесса перехода чреват многими угрозами. В лучшем случае вместо демократии воцарится олигархия, вместо верховенства права – коррупция, а вместо прав человека – организованная преступность. В худшем случае результатом может стать “бархатная реставрация” тоталитарного режима, а возможно, даже насильственное свержение неокрепшей демократии. В этом худшем случае новый антидемократический режим большой страны может в международном плане представлять угрозу для ее более слабых соседей. Ключевое значение для мирного сосуществования и успешного завершения процесса перехода имеет достижение неустойчивого равновесия, которое заключается в обеспечении справедливости без жажды мести.

4. Таким образом, при ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем демократическое государство, основанное на идее верховенства права, должно применять собственные процессуальные средства. Оно не может прибегать ни к каким иным средствам, поскольку тогда оно окажется ничуть не лучше тоталитарного режима, который необходимо демонтировать. Демократическое государство, основанное на идее верховенства права, имеет в своем распоряжении достаточно средств для достижения задач правосудия и наказания виновных, однако оно не может и не должно поддаваться жажде мести вместо того, чтобы обеспечивать справедливость. Напротив, оно должно соблюдать права человека и основные свободы, такие как право на надлежащее отправление правосудия и право быть услышанным, и распространять их даже на тех людей, которые, будучи у власти, сами их не соблюдали. Кроме того, государство, основанное на идее верховенства права, может защититься от возрождения коммунистической тоталитарной угрозы, поскольку оно обладает широким арсеналом средств, не противоречащих правам человека и идее верховенства права, в основе которых лежат как правосудие по уголовным делам, так и административные меры.

5. Ассамблея рекомендует государствам-участникам ликвидировать наследие бывших коммунистических тоталитарных режимов путем перестройки прежних правовых и институциональных систем. Необходимо, чтобы в основе этого процесса лежал(и) принцип(ы):

i) демилитаризации, которая призвана положить конец милитаризации гражданских по своей сути институтов, например, ситуации, когда тюрьмами управляют военные или когда у министерства внутренних дел есть свои войска, характерной для коммунистических тоталитарных систем;

ii) децентрализации, особенно на местном и региональном уровнях и в государственных учреждениях;

iii) демонополизации и приватизации, которые играют ключевую роль в построении рыночной экономики и плюралистического общества в том или ином виде;

iv) дебюрократизации, которая должна уменьшить стремление регулировать абсолютно всё характерное для коммунистического тоталитарного режима и обеспечить переход власти от бюрократов обратно к гражданам.

6. Данный процесс должен включать в себя изменение менталитета (изменения эмоционального и рационального мировосприятия), основной целью которого должно являться искоренение страха перед ответственностью, неуважения многообразия, радикальных форм национализма, нетерпимости, расизма и ксенофобии, которые являются частью наследия прежних режимов. На место всего этого должны прийти такие демократические ценности, как терпимость, уважение многообразия, субсидиарность и ответственность за свои действия.

7. Кроме того, Ассамблея рекомендует, чтобы преступные деяния, совершенные физическими лицами при коммунистическом тоталитарном режиме, преследовались и наказывались согласно стандартному уголовному кодексу. Если уголовный кодекс устанавливает по некоторым преступлениям срок давности, этот срок может продлеваться, так как это всего лишь процессуальный, а не материально-правовой вопрос. Однако при этом нельзя принимать и применять уголовно-правовые нормы, имеющие обратную силу. С другой стороны, допускается судебное преследование и наказание любого лица за действия или бездействие, которые на момент их совершения не являлись преступлениями согласно внутригосударственному законодательству, зато считались уголовно наказуемыми согласно общим принципам права, признанным цивилизованными нациями. Кроме того, если лицо явно действовало с нарушениями прав человека, его ссылка на то, что оно действовало по приказу, не исключает ни незаконности его действий, ни его личной вины.

8. Ассамблея рекомендует, чтобы уголовное преследование за отдельные преступления осуществлялось параллельно с реабилитацией лиц, осужденных за “преступления”, которые в цивилизованном обществе не считаются уголовно наказуемыми, а также несправедливо осужденных. Этим жертвам тоталитарного правосудия следует также присуждать материальную компенсацию,

которая не должна быть (намного) ниже, чем компенсация, полагающаяся лицам, несправедливо осужденным за преступления в соответствии с уголовным кодексом в действующей редакции.

9. Ассамблея приветствует предоставление общественности доступа к засекреченным материалам в некоторых бывших коммунистических тоталитарных странах. Она рекомендует всем соответствующим странам предоставлять заинтересованным лицам по их просьбе возможность ознакомиться с материалами, которые хранились на них бывшими спецслужбами...

11. Относительно обращения с лицами, не совершившими никаких преступлений, которые могут согласно пункту 7 подлежать преследованию, но занимали, тем не менее, высокие должности при прежних тоталитарных коммунистических режимах и поддерживали эти режимы, Ассамблея отмечает, что некоторые государства сочли необходимым принять административные меры, например, законы о люстрации или декоммунизации. Целью этих мер является отстранение таких лиц от осуществления государственной власти, если им нельзя доверять ее осуществление в соответствии с демократическими принципами, поскольку они не доказали свою приверженность демократическим принципам или веру в них в прошлом, не заинтересованы в том, чтобы перейти к ним сегодня, и не мотивированы к этому.

12. Ассамблея подчеркивает, что в целом данные меры могут быть совместимы с демократическим государством, основанным на идее верховенства права, при соблюдении нескольких условий. Во-первых, вина, имея личный, а не коллективный характер, должна быть доказана в каждом конкретном случае, это подчеркивает необходимость индивидуального, а не коллективного применения законов о люстрации. Во-вторых, необходимо обеспечить право на защиту, право человека считаться невиновным до тех пор, пока не доказана его виновность, и право на обжалование принятого по делу решения в суд. Целью этих мер ни в коем случае не может быть месть, и нельзя допускать злоупотреблений вытекающим из этого процессом люстрации в политическом или в социальном плане. Задачей люстрации является не наказание лиц, которые считаются виновными (этим должны заниматься прокуроры, руководствуясь нормами уголовного права), а защита недавно возникшей демократии.

13. Таким образом, Ассамблея предлагает обеспечить, чтобы законы о люстрации и аналогичные административные меры соответствовали требованиям государства, основанного на идее верховенства права, и были сосредоточены на угрозах основным правам человека и процессу демократизации...».

42. 25 января 2006 г. ПАСЕ приняла Резолюцию № 1481(2006) «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов». В частях, имеющих отношение к настоящему делу, эта резолюция предусматривает следующее:

«...2. Все без исключения тоталитарные коммунистические режимы, правившие в Центральной и Восточной Европе в прошлом веке и по-прежнему находящиеся у власти в нескольких странах мира, характеризуются массовыми нарушениями прав человека. Эти нарушения были различны в зависимости от культуры, страны и исторического периода и включают в себя индивидуальные и коллективные убийства и казни, смерти в концлагерях, голод, депортации, пытки, подневольный труд и другие формы массового физического террора, преследования на этнической и религиозной почве, нарушения свободы совести, мысли и выражения мнения, свободы печати, а также отсутствие политического плюрализма.

3. Данные преступления оправдывались теорией классовой борьбы и принципом диктатуры пролетариата. Интерпретация этих двух принципов придавала видимость законности “устранению” людей, которые, как считалось, препятствовали построению нового общества и, следовательно, были врагами тоталитарных коммунистических режимов. Во всех этих странах жертвами становились в основном их собственные граждане. Это касается в первую очередь народов бывшего СССР, где количество жертв намного превысило количество жертв, понесенных другими народами...»

5. Падение тоталитарных коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе не во всех случаях сопровождалось международным расследованием совершенных ими преступлений. Более того, виновники этих преступлений не были преданы суду международного сообщества, как в случае со страшными преступлениями, совершенными во имя национал-социализма (нацизма).

6. Как следствие, общественность очень плохо осведомлена о преступлениях, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами. Коммунистические партии являются законными и активно действуют в некоторых странах даже несмотря на то, что в отдельных случаях они не дистанцировались от преступлений, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами в прошлом.

7. Ассамблея убеждена в том, что знание истории – это одно из необходимых условий для предотвращения подобных преступлений в будущем. Более того, моральная оценка и осуждение совершенных преступлений играют важную роль в воспитании молодых поколений. Четкая позиция международного сообщества в отношении прошлого может стать ориентиром для их будущих действий.

8. Кроме того, Ассамблея считает, что жертвы преступлений, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами, которые по-прежнему живы, или их семьи заслуживают сочувствия, понимания и признания их страданий...

12. Таким образом, Ассамблея решительно осуждает массовые нарушения прав человека, совершенные тоталитарными коммунистическими режимами, и выражает сочувствие, понимание и признание жертвам этих преступлений.

13. Кроме того, Ассамблея призывает все коммунистические или посткоммунистические партии в государствах-членах пересмотреть историю коммунизма и свое собственное прошлое, четко дистанцироваться от преступлений, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами, и однозначно осудить их, если до сих пор это не было сделано.

14. Ассамблея полагает, что такая четкая позиция международного сообщества проложит путь к дальнейшему примирению. Кроме того, она может подвигнуть историков во всем мире к продолжению своих исследований с целью установления и объективной проверки того, что произошло...».

IV. ДОКУМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

43. 23 сентября 2008 г. Европейский парламент принял Декларацию об объявлении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. Эта декларация гласит:

«Европейский парламент...»

D. *Принимая во внимание*, что в Европе мало знают о том, какое влияние и значение имеют советский строй и оккупация для граждан посткоммунистических государств...

1) предлагает объявить 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма, чтобы сохранить память о жертвах массовой депортации и уничтожения, поощряя при этом более прочное укоренение демократии и поддержание мира и стабильности на нашем континенте...».

44. 2 апреля 2009 г. Европейский парламент принял Резолюцию «О европейском сознании и тоталитаризме». Эта резолюция предусматривает:

«Европейский парламент...»

– *принимая во внимание*, что во многих странах мира созданы комиссии по установлению истины и справедливости, которые помогли тем, кто жил при многочисленных прежних авторитарных и тоталитарных режимах, преодолеть свои разногласия и достичь примирения...

a) *учитывая*, что историки согласны с невозможностью полностью объективного толкования исторических фактов и составления объективной хроники исторических событий, *учитывая* тем не менее, что профессиональные историки изучают прошлое научными средствами и стараются быть максимально беспристрастными...

f) *учитывая*, что необходимо сохранить живые воспоминания о трагическом прошлом Европы для того, чтобы почтить память жертв, осудить виновных и заложить основы для примирения на основе истины и памяти о прошлых событиях,

g) *учитывая*, что в XX веке в Европе тоталитарными и авторитарными режимами были депортированы, посажены в тюрьмы, подвергнуты пыткам и убиты миллионы жертв, *учитывая* тем не менее необходимость признать, что Холокост не имел аналогов в истории,

h) *учитывая*, что преобладающий исторический опыт Западной Европы ассоциируется с нацизмом, в то время как Центральная и Восточная Европа столкнулись и с коммунизмом, и с нацизмом, *учитывая*, что необходимо способствовать пониманию двойного характера наследия диктатуры, которую перенесли эти страны,

i) *учитывая*, что с самого начала европейская интеграция была реакцией на страдания, причиненные двумя мировыми войнами и тиранией нацистов, которая привела к Холокосту, и на распространение тоталитарных и антидемократических коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе, а также способом преодолеть глубокие разногласия и враждебность в Европе посредством сотрудничества и интеграции, закончить войну и обеспечить демократию в Европе,

j) *учитывая*, что процесс европейской интеграции оказался успешным и что сейчас он привел к созданию Европейского союза, включающего в себя страны Центральной и Восточной Европы,

которые с конца Второй мировой войны до начала 1990-х годов жили при коммунистических режимах, и *учитывая*, что ранее состоявшееся присоединение Греции, Испании и Португалии, которые на протяжении многих лет страдали от нацистских режимов, помогло обеспечить демократию на юге Европы,

к) *учитывая*, что Европа не будет единой, если она не сможет выработать общий подход к своей истории, не признает нацизм, сталинизм, нацистские и коммунистические режимы общим наследием и не обеспечит честной и тщательной дискуссии по поводу преступлений, совершенных ими в прошлом веке...

3) подчеркивает важность сохранения живой памяти о прошлом, поскольку без правды и памяти не может быть примирения, подтверждает свою общую позицию о неприемлемости любого тоталитарного правления независимо от его идеологической основы;

4) напоминает о том, что недавние преступления против человечества и акты геноцида в Европе продолжаются до сих пор по состоянию на июль 1995 года и что необходимо неустанно проявлять бдительность для борьбы с антидемократическими, ксенофобскими, авторитарными и тоталитарными идеями и тенденциями;

5) подчеркивает, что в целях повышения уровня информированности жителей Европы о преступлениях, совершенных тоталитарными и антидемократическими режимами, следует поддерживать процесс сбора документов и свидетельств о тяжелом прошлом Европы, поскольку без памяти не может быть примирения;

б) выражает сожаление, что спустя 20 лет после крушения коммунистических диктатур в странах Центральной и Восточной Европы в некоторых государствах-участниках по-прежнему без необходимости ограничивается доступ к документам, касающимся отдельных лиц, или к документам, необходимым для проведения научных исследований, призывает принять реальные усилия во всех государствах-участниках, чтобы открыть архивы, в том числе архивы бывших внутригосударственных спецслужб, тайной полиции и разведки, хотя следует принять меры для предотвращения злоупотреблений этим процессом в политических целях...

9) призывает Комиссию и государства-участников приложить дополнительные усилия для усиления преподавания истории Европы и подчеркнуть историческое значение европейской интеграции и разительный контраст между трагическим прошлым и мирным и демократическим общественным строем в сегодняшнем Европейском союзе;

10) считает, что сохранение исторической памяти, всесторонняя переоценка европейской истории и общеевропейское признание всех исторических аспектов современной Европы укрепят европейскую интеграцию...

13) призывает к созданию платформы европейской памяти и совести, которая обеспечит поддержку совместной работы и сотрудничества национальных исследовательских институтов, специализирующихся на истории тоталитаризма, и к созданию общеевропейского центра документации/памяти о жертвах всех тоталитарных режимов...

15) призывает объявить 23 августа общеевропейским днем памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов, который следует отмечать достойно и беспристрастно;

16) убеждена, что конечной целью предания гласности и оценки преступлений, совершенных коммунистическими тоталитарными режимами, является примирение, которого можно достичь, если признать ответственность, просить о прощении и содействовать моральному обновлению...».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

45. Заявитель жаловался на то, что опубликование информации о его работе водителем в КГБ привело к нарушению его права на уважение личной и семейной жизни. Он ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, эко-

номического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

46. Власти Эстонии оспаривали этот довод.

А. Приемлемость жалобы

1. Доводы сторон

47. Власти Эстонии утверждали, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты. Он не стал оспаривать извещение полиции безопасности Эстонии от 27 февраля 2004 г. ни в полиции безопасности, ни в административном суде. Он мог предотвратить опубликование объявления и обнародование факта своей службы в КГБ, только оспорив это извещение. Вместе с тем власти Эстонии полагали, что определенную роль в оценке судами Эстонии соразмерности вмешательства властей в осуществление прав заявителя могло сыграть то, что к моменту начала судебного разбирательства объявление уже было опубликовано, а канцлер юстиции Эстонии к тому времени уже выразил свою позицию по этому поводу. Несмотря на то, что последующая жалоба заявителя в административные суды была объявлена приемлемой для рассмотрения по существу, она не могла привести к таким же последствиям, как оспаривание извещения от 27 февраля 2004 г., то есть не могла предотвратить обнародование сведений о заявителе.

48. Заявитель отмечал, что не хотел оспаривать извещение полиции безопасности Эстонии, так как факт его работы в КГБ был общеизвестен. Негативные последствия для него наступили через несколько месяцев, когда в Интернете было опубликовано объявление, в котором его назвали человеком, оккупировавшим Эстонию.

2. Мнение Европейского Суда

49. Что касается вопроса о том, необходимо ли было заявителю оспаривать извещение, которое ему вручила полиция безопасности Эстонии, чтобы выполнить требование об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, Европейский Суд принимает к сведению практику судов Эстонии, которая свидетельствует, что оспаривание этого извещения позволило бы избежать опубликования объявления в Приложении к Государственному вестнику Эстонии (см. § 40 настоящего Постановления). Однако Европейский Суд полагает, что настоящее дело отличается от дела, о котором говорилось выше, тем, что в настоящем деле заявитель не стал оспаривать факт своей службы в КГБ. По-видимому, вопрос о том, является ли опубликование объявления несоразмерным вмешательством в частную жизнь лица, подпадающего под действие Закона об обнародовании сведений, можно было поднять, оспорив либо первоначальное извещение полиции безопасности Эстонии, либо факт опубликования объявления в Приложении к Государственному вестнику Эстонии. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле заявитель не воспользовался возможностью оспорить извещение, но административные суды, тем не менее, рассмотрели его жалобу на опубликование объявления по существу. Следовательно, довод властей государства-ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты должен быть отклонен.

50. Европейский Суд считает, что дополнительные доводы государства-ответчика по поводу неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты (см. § 47 настоящего Постановления) не имеют отношения к делу. Во-первых, довод о важности того, что к моменту начала судебного разбирательства объявление уже было опубликовано, не подкрепляется аргументами Округного суда (см. § 31 настоящего Постановления). Во-вторых, если говорить о том, что судам Эстонии было известно мнение канцлера юстиции Эстонии о неконституционности Закона об обнародовании сведений (см. § 23 настоящего Постановления), в задачи Европейского Суда не входит строить предположения, вынесли бы суды Эстонии другое решение по делу заявителя, если бы они рассматривали его до того, как канцлер юстиции вынес свое заключение, или нет. В любом случае заключение канцлера юстиции не являлось обязательным для судов, которые были независимы при вынесении решения по делу. Таким образом, дополнительные

доводы властей государства-ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты также должны быть отклонены.

51. Европейский Суд отмечает, что эта часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд также отмечает, что она не является неприемлемой для рассмотрения по существу по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Заявитель

52. Заявитель считал, что в объявлении полиции безопасности Эстонии, опубликованном в Приложении к Государственному вестнику Эстонии в 2004 году, его назвали человеком, оккупировавшим Эстонию, тогда как в объявлениях, опубликованных позже, в 2005 году, соответствующих лиц называли не оккупировавшими Эстонию, а состоявшими на службе в органах разведки СССР. По мнению заявителя, неясно, на основании каких доказательств его сочли оккупантом и почему был сделан вывод, что он представляет угрозу. Он указывал, что слово «оккупант» (*okupant*) означает человека, совершившего тяжкое преступление, которое заключается в порабощении страны с использованием оружия и в ее оккупации. В то время, когда заявитель работал водителем в КГБ, деятельность этого органа контролировалась местным комитетом Коммунистической партии, ответственный пост в которой на момент представления замечаний по делу занимал премьер-министр Эстонской Республики.

53. Заявитель никогда не скрывал, что он работал в КГБ. Соответствующая запись имеется в его трудовой книжке, и ни у одного работодателя не возникало в связи с этим проблем. Однако после опубликования объявления в Интернете под заголовком со словом «оккупант» коллеги и знакомые стали считать его оккупантом, предателем и доносчиком. Он был вынужден уйти с работы и потерял источник дохода. По мнению заявителя, называть его оккупантом неправильно и оскорбительно.

(b) Власти Эстонии

54. Власти Эстонии подчеркивали: по делу не оспаривалось, что с 1980 по 1991 год заявитель работал водителем в КГБ. Далее, вмешательство в осуществление заявителем права на уважение его личной жизни было предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественного порядка и защиты прав и свобод других лиц. Власти Эстонии отмечали, что для перехода от тоталитарного режима к демократической системе Эстония приняла ряд мер, которые в совокупности должны были обеспечить развитие и безопасность этой демократической системы. Была введена уголовная ответственность за преступления против человечества и военные преступления, совершенные при тоталитарном режиме, а претендентов на высшие должности в стране обязали приносить присягу. В Законе об обнародовании сведений говорится о лицах, которые не совершали преступлений, но состояли на службе в органах разведки или контрразведки государств, оккупировавших Эстонию, или сотрудничали с этими органами. Был сделан вывод, что эти лица должны примириться со своим прошлым, а не пытаться забыть, скрыть или замолчать его. Кроме того, у общества есть существенный интерес в предании гласности сведений о прошлом, это должно гарантировать прозрачность и ясность, а также общий внутренний мир в обществе. Получение полной информации о сотрудниках и агентах органов безопасности и разведки, действовавших на территории Эстонии, важно еще и для защиты независимости и безопасности Эстонской Республики. В Эстонии нет соответствующей информации, поскольку данные сведения, в том числе списки бывших сотрудников КГБ, находятся в руках иностранных государств. Могли иметь место попытки завербовать бывших сотрудников органов безопасности и заставить их выполнять задачи в области безопасности или разведки либо шантажировать их. Такая ситуация опасна и вредна для Эстонии. Власти Эстонии ссылались на недавние случаи, когда

лица, которые ранее состояли на службе в КГБ или сотрудничали с ним, сообщали иностранному государству сведения, составляющие государственную тайну, и в связи с этим были признаны виновными в государственной измене.

55. Кроме того, власти Эстонии отмечали, что лица, подпадающие под действие Закона об обнародовании сведений, могут выразить свою преданность Эстонской Республике, подав заявление о признании, и в этом случае их данные не предаются огласке. Защита данных лиц также обеспечивается тем, что обнародование сведений о них подлежит предварительному судебному контролю. В отношении необходимости предавать огласке информацию о лицах, которые, как заявитель, работали водителями, власти Эстонии утверждали, что формальное название должности не имеет решающего значения, так как водители могли выполнять и другие задачи, особенно в сельских районах, где служил заявитель. Существовали даже отдельные должности, предполагавшие официальное совмещение задач водителя и других функций, например, «водитель-разведчик», занимавшийся негласным наблюдением, а для некоторых должность водителя была этапом для продвижения на следующую, «более важную» должность, например, оперативного сотрудника или разведчика. Кроме того, власти государства-ответчика отмечали, что в условиях ограниченности ресурсов полиция безопасности Эстонии сосредоточилась на более важных делах, которые могут представлять реальную опасность для Эстонской Республики.

2. Мнение Европейского Суда

56. Европейский Суд полагает, что опубликование информации о службе заявителя в КГБ касалось обстоятельств его личного прошлого, ставших общедоступными, а также затронуло его репутацию. Следовательно, оно представляло собой вмешательство в его личную жизнь (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Дзяутас против Литвы» (*Sidabras and Džiautas v. Lithuania*), жалобы №№ 55480/00 и 59330/00, §§ 42–50, *ECHR* 2004-VIII).

57. Европейский Суд обращает внимание на то, что стороны не оспаривали законность этого вмешательства. Европейский Суд отмечает, что оно основывалось на положениях Закона об обнародовании сведений, который был принят Рийгикогу и опубликован в установленном порядке. Кроме того, по делу не оспаривалось, что текст указанного закона был достаточно ясен, чтобы лица, которых он затрагивает, могли предвидеть последствия его действия. То, что данный закон был доступен и общество знало о нем, подтверждается и информацией, представленной властями Эстонии, согласно которой в течение одного года с момента вступления в силу Закона об обнародовании сведений в полицию безопасности Эстонии обратились с заявлениями о признании 1 153 человека с тем, чтобы сведения об их службе в органах безопасности и разведки или сотрудничестве с этими органами не были опубликованы. Таким образом, Европейский Суд приходит к убеждению, что оспариваемое по делу вмешательство было предусмотрено законом с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции.

58. Относительно цели вмешательства Европейский Суд отмечает, что регистрация лиц, которые ранее состояли на службе в органах безопасности и разведки установившихся в Эстонии режимов или сотрудничали с этими органами, а также обнародование сведений о них являлись частью мер по обеспечению прозрачности, четкости и внутреннего мира в обществе, а также средством избежать угроз для безопасности страны. Кроме того, Европейский Суд принимает к сведению случаи, на которые ссылались власти Эстонии, когда лица, которые ранее состояли на службе в КГБ или сотрудничали с ним, выдавали иностранному государству информацию, составляющую государственную тайну, и в связи с этим были признаны виновными в государственной измене (см. § 54 настоящего Постановления). Европейский Суд приходит к выводу, что вмешательство, о котором идет речь, преследовало правомерные цели по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции, а именно защиту национальной безопасности и общественного порядка, предотвращение беспорядков, а также защиту прав и свобод других лиц (см. для сравнения *mutatis mutandis*¹ упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Дзяутас против Литвы», §§ 54–55).

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (примеч. редактора).

59. Соответственно, Европейский Суд переходит к рассмотрению вопроса о том, была ли указанная мера «необходима в демократическом обществе». В связи с этим Европейский Суд отмечает, что в государствах-участниках отсутствует единый подход к мерам по ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем (см. Решение Европейского Суда по делу «Матыек против Польши» (*Matyjek v. Poland*), жалоба № 38184/03, § 36, *ECHR* 2006-VII). Практиковались различные меры, применение которых привело к тому, что в Европейский Суд стали поступать жалобы по самым разным вопросам, например, по поводу ограничения пассивного избирательного права (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» (*Ždanoka v. Latvia*), жалоба № 58278/00, *ECHR* 2006-IV, и Постановление Европейского Суда по делу «Адамсоны против Латвии» (*Ādamsons v. Latvia*) от 24 июня 2008 г., жалоба № 3669/03) или права занимать определенные должности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии» (*Vogt v. Germany*) от 26 сентября 1995 г., Series A, № 323, Решение Европейского Суда по делу «Фолькмер против Германии» (*Volkmer v. Germany*) от 22 ноября 2001 г., жалоба № 39799/98, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джяутас против Литвы», Постановление Европейского Суда по делу «Райнис и Гаспаравичус против Литвы» (*Rainys and Gasparavičius v. Lithuania*) от 7 апреля 2005 г., жалобы №№ 70665/01 и 74345/01, и Постановление Европейского Суда по делу «Жичкус против Литвы» (*Žičkus v. Lithuania*) от 7 апреля 2009 г., жалоба № 26652/02), а также по поводу отсутствия у человека возможности ознакомиться с информацией, на основании которой был установлен факт его сотрудничества с прежними спецслужбами (см. Постановление Европейского Суда по делу «Матыек против Польши» (*Matyjek v. Poland*) от 24 апреля 2007 г., жалоба № 38184/03), или по поводу уменьшения размера пенсии (см. Решение Европейского Суда по делу «Цихопек и другие против Польши» (*Cichopek and Others v. Poland*) от 14 мая 2013 г., жалоба № 15189/10 и другие). С учетом изложенного Европейский Суд переходит к рассмотрению вопроса о соразмерности оспариваемых мер в настоящем деле.

60. Европейский Суд напоминает, что в ряде предыдущих дел он выступал с критикой того, что оспариваемые меры недостаточно полно учитывали личные обстоятельства заявителей. Так, в деле «Адамсоны против Латвии» он пришел к выводу, что ограничения пассивного избирательного права группы лиц, бывших агентов КГБ, были сформулированы слишком широко и не учитывали срока службы этих лиц, конкретных задач, которые они выполняли, и их личных действий (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Адамсоны против Латвии», § 125). Аналогичным образом в деле «Жичкус против Литвы» Европейский Суд отметил, что законодательство Литвы проводит недостаточно различий между лицами, которые в прошлом были более или менее тесно связаны с КГБ (см. Постановление Европейского Суда по делу «Жичкус против Литвы», § 33). Помимо недостаточной дифференцированности законодательства разных стран в том, что касается условий применения ограничений, Европейский Суд также отмечал слишком общие формулировки ограничений, применяющихся к соответствующим лицам. Так, в деле «Сидабрас и Джяутас против Литвы» он отметил, что, за исключением упоминаний о «юристах» и «нотариусах», законодательство Литвы не содержало определения конкретных должностей в частном секторе, которые запрещалось занимать заявителям, а также функций или задач, которые они не могли выполнять (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джяутас против Литвы», § 59).

61. Европейский Суд полагает, что вышеизложенные соображения относятся и к настоящему делу. Он отмечает, что Закон об обнародовании сведений не проводит различий между лицами, которые в прошлом были более или менее тесно связаны с КГБ. Действительно, согласно установленному порядку заявителю заблаговременно сообщили текст объявления, которое впоследствии было опубликовано, и предоставили ему возможность оспорить содержащиеся в нем сведения о фактах. Тем не менее в Эстонии не предусмотрено процедур, позволяющих определить, какие конкретно задачи выполняли отдельные сотрудники прежних спецслужб для того, чтобы дифференцировать опасность, которую они могли представлять спустя несколько лет после окончания их службы в соответствующих органах. Европейский Суд не убежден в том, что существует разумно обоснованная связь между правомерными целями, которые преследовало принятие Закона об обнародовании сведений, и опубликованием информации обо всех

бывших сотрудниках прежних спецслужб, включая тех, кто, как заявитель, работал водителем, независимо от того, какие конкретно функции они выполняли в этих органах.

62. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что Закон об обнародовании сведений вступил в силу через три с половиной года после того, как Эстония объявила о своей независимости 20 августа 1991 г., но опубликование информации о бывших сотрудниках спецслужб растянулось на несколько лет. Так, если говорить о заявителе, соответствующие сведения были опубликованы лишь в 2004 году, почти через 13 лет после того, как Эстония вновь обрела независимость. Европейский Суд считает, что угроза, которую бывшие сотрудники КГБ могли изначально представлять для только что созданного демократического государства, по-видимому, существенно уменьшилась с течением времени. Европейский Суд отмечает: из материалов дела не следует, что была выполнена какая-либо оценка угрозы, которую заявитель мог представлять на момент опубликования сведений о нем (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Жичкус против Литвы»).

63. Наконец, Европейский Суд отмечает, что Закон об обнародовании сведений сам по себе не ограничивал права заявителя занимать какие-либо должности. Однако, по словам заявителя, его коллеги стали пренебрежительно отзываться о нем, и он был вынужден уйти с работы. Европейский Суд полагает, что, даже если такой результат и не был предусмотрен Законом об обнародовании сведений, он, тем не менее, указывает на серьезность вмешательства в осуществление заявителем права на уважение личной жизни.

64. Приведенных выше соображений достаточно, чтобы Европейский Суд мог прийти к выводу о том, что в настоящем деле имело место несоразмерное вмешательство в осуществление заявителем права на уважение личной жизни.

Соответственно, по делу имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

65. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

66. Заявитель требовал выплатить ему 2 556 евро, сумму, соответствующую не полученной им заработной плате за четыре месяца, в качестве возмещения материального ущерба и 6 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

67. Власти Эстонии считали недоказанным, что заявитель был вынужден уйти с работы или что он потерял источник дохода. Кроме того, власти Эстонии полагали, что, поскольку отсутствует нарушение Конвенции, нет оснований присуждать компенсацию морального вреда. В случае, если Европейский Суд установит нарушение Конвенции, данный вывод сам по себе будет являться достаточной справедливой компенсацией. Если Европейский Суд решит присудить денежную компенсацию, власти государства-ответчика оставляют определение справедливого размера компенсации морального на усмотрение Европейского Суда.

68. Европейский Суд отмечает, что заявитель не предоставил доказательств, позволяющих определить размер предположительно причиненного ему материального ущерба, и в связи с этим отклоняет соответствующее требование. С другой стороны, принимая во внимание все обстоятельства настоящего дела, Европейский Суд полагает, что заявителю был причинен моральный вред, который нельзя компенсировать одним лишь выводом о нарушении Конвенции. Принимая решение на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю 6 000 евро в качестве компенсации морального вреда плюс сумму любых налогов, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Судебные расходы и издержки

69. Кроме того, заявитель требовал выплаты 1 508 евро 65 центов в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных в связи с рассмотрением дела органами власти Эстонии и Страсбургским Судом.

70. Власти Эстонии считали, что часть судебных издержек, возмещения которых требует заявитель, совершенно не связана с настоящим делом, в отношении остальных предположительно понесенных судебных издержек не было предоставлено счетов и не было выплачено каких-либо денежных сумм. Власти Эстонии просили Европейский Суд отклонить требования заявителя о возмещении судебных расходов и издержек.

71. Согласно прецедентной практике Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек лишь постольку, поскольку было доказано, что они были фактически понесены, необходимы и не превышали разумных пределов. Европейский Суд отмечает, что отсутствие доказательств понесенных судебных расходов и издержек необязательно приводит к отклонению требования об их возмещении, если это требование само по себе является обоснованным (см. Постановление Европейского Суда по делу «S. против Эстонии» (S. v. Estonia) от 4 октября 2011 г., жалоба № 17779/08, § 55, и Постановление Европейского Суда по делу «Крейчирж против Чешской Республики» (Krejčíř v. Czech Republic) от 26 марта 2009 г., жалобы №№ 39298/04 и 8723/05, § 137). В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и указанные выше критерии, Европейский Суд считает целесообразным присудить заявителю сумму в размере 1 444 евро 74 центов, покрывающую все виды судебных издержек и расходов.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

72. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

- 1) *объявил* единогласно жалобу приемлемой для рассмотрения по существу;
- 2) *постановил* четырьмя голосами «за» и тремя – «против», что по делу было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
- 3) *постановил* четырьмя голосами «за» и тремя – «против», что:
  - (a) государство-ответчик в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции обязано выплатить заявителю следующие суммы:
    - (i) 6 000 евро (шесть тысяч) евро плюс сумму любых налогов, которые могут подлежать уплате с указанной суммы, в качестве компенсации морального вреда;
    - (ii) 1 444,74 евро (одну тысячу четыреста сорок четыре евро семьдесят четыре цента) плюс сумму любых налогов, которые, возможно, должен будет уплатить заявитель, в качестве возмещения судебных издержек и расходов;
  - (b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;
- 4) *отклонил* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 3 сентября 2015 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен НИЛЬСЕН
Секретарь Секции Суда

Элизабет ШТАЙНЕР
Председатель Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

- (a) совпадающее мнение судьи Паулу Пинту де Альбукерке;
- (b) особое мнение судей Ханлара Гаджиева, Юлии Лаффранк и Дмитрия Дедова.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАУЛУ ПИНТУ ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ

1. Я согласен с выводом большинства судей о нарушении статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Тем не менее я считаю недостаточными содержащиеся в настоящем Постановлении рассуждения как по вопросу о необходимости вмешательства в осуществление заявителем права, предусмотренного статьей 8 Конвенции, так и по вопросу о соразмерности этого вмешательства. Больше всего меня не устраивает тот факт, что Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) упустил возможность дать оценку действию Закона «О порядке учета и обнародования сведений о лицах, состоявших на службе в органах безопасности, разведки или контрразведки вооруженных сил государств, оккупировавших Эстонию, или сотрудничавших с этими органами» (далее – Закон об обнародовании сведений) во времени и по кругу лиц, а также предусмотренных им процессуальных и институциональных гарантий, принимая во внимание последние изменения в международном праве в области защиты прав человека, касающихся мер по люстрации. Европейский Суд должен был предпринять попытку пересмотреть и актуализировать свои собственные стандарты относительно мер по люстрации, особенно с учетом далеко идущих последствий действующего в Эстонии механизма обнародования сведений, который предусматривает опубликование предаваемых огласке сведений в бумажной и электронной версиях Государственного вестника Эстонии. Особое внимание следовало уделить главному новшеству настоящего дела, которое заключается именно в использовании Интернета в качестве средства люстрации¹. Наконец, с учетом системного характера воздействия настоящего Постановления на правопорядок Эстонии я считаю крайне важным прояснить конвенционные обязательства государства-ответчика при реализации этого Постановления.

Регистрация лиц, состоявших на службе в КГБ, и обнародование сведений о них как мера по люстрации в Эстонии

2. 6 февраля 1995 г. Рийгикогу принял Закон об обнародовании сведений, который вступил в силу 28 марта 1995 г. Данный закон предусматривает регистрацию всех лиц, кто состоял на службе в органах безопасности или разведки бывшего СССР или фашистской Германии или сотрудничал с этими органами. Статья 2 Закона об обнародовании сведений содержит конкретный перечень центральных немецких и советских органов безопасности и разведки, военной разведки и контрразведки, в том числе структур, подчиненных центральным органам. В этом перечне упоминается и Комитет государственной безопасности СССР, в состав которого входил подчинявшийся ему Комитет государственной безопасности Эстонской ССР (далее – КГБ). Согласно статье 4 Закона об обнародовании сведений служба в органе безопасности или разведки означает, что человек являлся штатным сотрудником соответствующего органа в период с 17 июня 1940 г. по 31 декабря 1991 г. Согласно пунктам 1 и 3 статьи 5 Закона обязанность устанавливать и доказывать, что человек состоял на службе в органе безопасности или разведки, в том числе обязанность устанавливать местное структурное подразделение соответствующего центрального органа, возложена на полицию безопасности Эстонии (далее – КАПО).

3. Сведения о лицах, добровольно зарегистрировавшихся согласно подпункту 1 пункта 2 статьи 5 и статье 6 Закона об обнародовании сведений в течение одного года с момента вступления этого закона в силу, то есть до 1 апреля 1996 г., путем подачи заявления о признании в установленном законом порядке, как правило, огласке не предаются. В соответствии с пунктом 1 статьи 8 Закона об обнародовании сведений сведения о лицах, подавших заявление о

¹ Понятие люстрации в настоящем мнении будет использоваться в том значении, которое ему придается в Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1096(1996) «О мерах по ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем». Европейский Суд, как будет показано ниже, использует это понятие в том же значении.

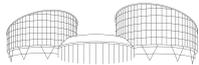
признании, предаются огласке только в том случае, если они не составляют государственную тайну (имеются в виду лица, которые нарушили действовавшее в то время законодательство либо совершили преступления против человечества или военные преступления, если это было установлено вступившим в силу приговором суда) (см. пункт 17 статьи 6 Закона Эстонии «О государственной тайне» в редакции, действовавшей до 1 января 2008 г.).

4. Статья 8 Закона об обнародовании сведений устанавливает порядок обнародования сведений о лицах, не обратившихся с заявлением о признании. Согласно этой статье прежде, чем КАПО обнародует извещение, человека вызывают в КАПО, где ему дают текст, который планируется опубликовать в Приложении к Государственному вестнику Эстонии (*Riigi Teataja Lisa*). Данный текст составляется в форме извещения КАПО, содержащего фамилию и имя человека, дату и место его рождения, место его работы на момент обнародования сведений, название органа, в котором человек работал или с которым он сотрудничал, и должность, которую он там занимал. В силу статьи 9 Закона об обнародовании сведений впоследствии эти сведения публикуются в Приложении к Государственному вестнику Эстонии. В извещении указывается, что согласно подпункту 1 пункта 4 статьи 8 Закона об обнародовании сведений человек имеет право изучить документы, на основании которых составлено извещение КАПО, а в соответствии с подпунктом 2 пункта 4 статьи 8 – право оспорить содержание извещения, обратившись с жалобой в КАПО или в суд в течение одного месяца с момента получения извещения. Согласно пункту 5 статьи 8 Закона об обнародовании сведений сведения о человеке не подлежат огласке и будут удалены из реестра КАПО, если вступившим в силу решением суда извещение КАПО о том, что он состоял на службе в органах безопасности или разведки или сотрудничал с этими органами, будет признано необоснованным. Если человек не стал оспаривать извещение КАПО или если суд оставил его жалобу без удовлетворения, извещение публикуется как объявление КАПО в Приложении к Государственному вестнику Эстонии. Если же человек оспаривает извещение КАПО, то КАПО обязана доказать, что он работал в КГБ или сотрудничал с ним. Если стороны не придут к соглашению, дело передается в суд, где бремя доказывания также возлагается на КАПО. Наконец, статья 11 Закона предусматривает, что контроль за законностью деятельности КАПО по регистрации лиц и обнародованию сведений о них также будет осуществляться комитетом, сформированным Рийгикогу.

5. Закон об обнародовании сведений был принят, поскольку власти Эстонии не располагали полной информацией о лицах, состоявших на службе в органах безопасности и разведки бывшего СССР, при том, что некоторые из них являются гражданами Эстонии. В пояснительной записке к закону отмечается, что в их нынешнюю преданность Эстонии сложно поверить, если они до сих пор отказались предоставить исчерпывающие сведения о своей деятельности. Лица, не являющиеся преступниками, а значит, не подлежащие уголовной ответственности, могут стать преступниками, если контакты с ними будут возобновлены или если они подвергнутся повторной вербовке. Эстонская Республика должна попытаться это предотвратить, с одной стороны, «осуществляя давление» на этих лиц посредством требования об обнародовании сведений, а с другой стороны, лишая их возможности избежать предания этих сведений огласке, обратившись с заявлением о признании. Целью закона является не столько наказание подозреваемых, сколько «обеспечение достаточного контроля государства» над ними¹.

6. По утверждениям властей государства-ответчика, после того, как Эстония вновь обрела независимость, возникли сомнения в преданности лиц, сознательно и добровольно поступивших на службу в карательные органы оккупирующей державы и не предоставивших исчерпывающей информации о своей деятельности. Эти сомнения и угроза безопасности усугублялись тем, что до принятия закона очень мало человек добровольно обратилось с заявлением о признании, а значит, Эстонии нужно было получить контроль над этими лицами. Необходимым условием получения такого контроля являлся сбор полной информации о сотрудниках и агентах органов безопасности и разведки, действовавших на территории Эстонии, то есть сведений, которыми Эстония после восстановления независимости не располагала. Таким образом, вмешательство, предусмотренное Законом об обнародовании сведений, как утверждали власти государства-ответчика, соответствовало требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции, поскольку

¹ Параграф 7 замечаний властей государства-ответчика.

оно было необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественного порядка и защиты прав и свобод других лиц.

К тому же с 2000 года действие обязанности приносить присягу, вытекающей из Закона о введении в действие Конституции, прекратилось и продлено не было, хотя считается, что Эстония по-прежнему нуждается в защите от неблагонадежных людей, которые не сообщили о своей деятельности и не раскаялись в ней. Так, после 2000 года тот факт, что человек ранее состоял на службе в органах безопасности или разведки или сотрудничал с этими органами, уже не исключает напрямую его назначения на высокие должности, и обнародование сведений о прошлых связях этих лиц остается единственным способом обеспечить общественный контроль за их деятельностью.

Кроме того, обнародование сведений на условиях, предусмотренных рассматриваемым законом, необходимо, так как остальные меры, преследующие ту же цель, например, расширение перечня должностей, к которым применяется обязательство проходить проверку на благонадежность, повлекут за собой вмешательство в осуществление прав и свобод третьими лицами, а это будет несоразмерно и вступит в противоречие с международными обязательствами Эстонии.

Меры по люстрации с точки зрения международного права

7. Советский коммунизм являлся бесчеловечным, тоталитарным политическим режимом, который нарушал основные принципы демократии, верховенства права и прав человека¹. После падения Берлинской стены процесс перехода к демократии в некоторых европейских странах основывался на мерах по декоммунизации. Эти меры, очень разные по своему юридическому характеру и практическому воздействию, стали называть люстрацией. Можно выявить две основные тенденции: некоторые страны предпочитают механизмы публичного признания в одном из прежних видов коммунистической деятельности, тогда как другие страны избрали менее прямолинейные механизмы проверки и аттестации подозреваемых с целью не допустить, чтобы они занимали должности в публичном, а иногда и в частном секторе, или даже лишить их политических прав². Защита новых неокрепших демократических режимов от тайных коммунистических сетей, недостаточный контроль за материалами о работе в коммунистических спецслужбах, повышение степени прозрачности и открытости общественной жизни, укрепление доверия общества к новым политическим институтам, недопущение шантажа новых политических лидеров, которые в прошлом запятнали свою карьеру, и общая заинтересованность в установлении исторической истины – вот по каким пересекающимся направлениям приводились доводы о политической обоснованности такого рода мер³. Демонтаж тоталитарного режима – это желательная политическая цель с

¹ См., например, резолюцию ПАСЕ от 25 января 2006 г. № 1481 «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов», декларацию Европейского парламента «Об объявлении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма» от 23 августа 2008 г. и Резолюцию Европейского парламента «О европейском сознании и тоталитаризме» от 2 апреля 2009 г.

² Обзор различных подходов см.: *Montero*. Study on how the memory of crimes committed by totalitarian regimes in Europe is dealt with in the Member States // European Commission Contract, 2010. № JLS/2008/C4/006.

³ См.: *David*. Lustration and transitional justice: personnel systems in the Czech Republic, Hungary and Poland // Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2011; *Bohnet and Bojadzieva*. Coming to Terms with the Past in the Balkans: the Lustration Process in Macedonia // KAS International Reports, 2011; *Guerra*. Membership of East European Parties and Security Services Collaborators and Functionaries, and Dealing with the Communist Past: Lustration? // *Goodbye Lenin: Central and Eastern European Politics from Communism to Democracy*, 2011; *Grodsky*. Beyond Lustration: Truth-Seeking Efforts in the Post-Communist Space // *Taiwan Journal of Democracy*. 2009. V. 5. № 2. P. 21–43; *David*. From Prague to Baghdad: Lustration Systems and their Political Effects // *Government and Opposition*. 2006. V. 41. № 3. P. 347–372; *Appel*. Anti-Communist Justice and Founding the Post-Communist Order: Lustration and Restitution in Central Europe // *East European Politics and Societies*. 2005. V. 19, № 3. P. 379–405; *Williams and Others*. Explaining Lustration in Eastern Europe: 'A post-communist politics approach' // *SEI Working Paper*. 2003. № 62; *Democratisation* // 2005. V. 12, № 1. P. 22–43; *Williams*. Lustration as the securitization of democracy in Czechoslovakia and the Czech Republic // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2003. V. 19. № 4. P. 1–24; *Letki*. Lustration and Democratisation in East-Central Europe // *Europe-Asia Studies*. 2002. V. 54. № 4. P. 529–552; *Calhoun*. The Ideological Dilemma of Lustration in Poland // *East European Politics and Societies*. 2002. V. 16. № 2. P. 494–520; *Szczerbiak*. Dealing with the Communist Past or the Politics of the present? Lustration in Post-Communist Poland // *Europe-Asia Studies*. 2002. V. 54. № 4. P. 553–572; *Welsh*. Dealing with the Communist past: Central

точки зрения соблюдения прав человека, а значит, меры по люстрации и декоммунизации оправданы для достижения такой цели. Тем не менее новые демократические государства должны обеспечивать соответствие этих мер нормам международного права в области защиты прав человека.

8. В 1996 году Парламентская Ассамблея Совета Европы сформулировала Руководящие принципы по обеспечению соответствия законов о люстрации и «сопоставимых административных мер» требованиям государства, основанного на идее верховенства права¹. Люстрация допустима только в тех случаях, когда есть веские основания считать, что субъект представляет существенную угрозу правам человека и демократии, имеется в виду в случае назначения его на государственные должности, подразумевающие значительную степень ответственности за разработку или реализацию государственной политики и правоприменительной практики в области безопасности страны, или на государственные должности, где он может совершить и (или) потребовать совершить нарушения прав человека, например, в правоохранительные органы, органы безопасности и разведки, органы судебной власти и прокуратуры. Таким образом, люстрация не затрагивает государственных служащих низшего и среднего звена и, безусловно, не применяется к лицам, работающим в частных или полугосударственных организациях.

Никто не подлежит люстрации исключительно на основании своих личных взглядов или убеждений, а также на основании членства или участия в организации, которая являлась законной на момент членства или участия в ней, за исключением случаев, когда эта организация совершила серьезные нарушения прав человека, а соответствующее лицо занимало в ней руководящую должность (если только оно не сможет доказать, что оно не участвовало в планировании, мониторинге или осуществлении такой политики, практики или действий²). Люстрация применяется только к действиям, трудовой деятельности или членству в организации, которые имели место с 1 января 1980 г. до крушения коммунистической диктатуры, и не относится к лицам, которые добросовестно и добровольно отказались и (или) отмежевались от членства, работы или участия в соответствующей организации до перехода к демократическому режиму.

Ни при каких обстоятельствах человека нельзя подвергать люстрации, если ему не обеспечена полная процессуальная защита, в том числе, в частности, право на адвоката, а если он не в состоянии оплатить его услуги, государственного адвоката, право опротестовывать и оспаривать выдвинутые против него доказательства, возможность знакомиться со всеми доказательствами его виновности и невиновности и представлять свои собственные доказательства, право на открытое судебное разбирательство, если он об этом ходатайствует, а также право на обжалование принятого по делу решения в независимый судебный орган.

Наконец, Руководящие принципы 1996 года требуют, чтобы люстрация осуществлялась комиссией, которая: а) специально создана, б) независима, в) состоит из заслуженных граждан и д) состоит из лиц, назначенных главой государства и утвержденных парламентом.

9. Эти Руководящие принципы были разработаны в 2006 году Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека. Каждый механизм люстрации должен предусматривать

and East European Experiences after 1990 // *Europe-Asia Studies*. 1996. V. 48. № 3. P. 413–428; *Huntington*. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. London, 1991.

¹ Резолюция ПАСЕ № 1096(1996) «О мерах по ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем» и соответствующие Руководящие принципы по обеспечению соответствия законов о люстрации и сопоставимых административных мер требованиям государства, основанного на идее верховенства права (от 3 июня 1996 г. № 7568).

² Данный элемент, напоминающий «виновность по ассоциации», вызывает вопросы. Согласно толкованию Руководящих принципов Венецианской комиссией меры по люстрации могут применяться лишь в отношении высших должностных лиц такой организации, если только в ходе справедливого судебного разбирательства не была доказана личная виновность конкретного человека. Эти доказательства включают в себя и его мотивы, и его конкретное участие в нарушении прав человека (пункт 106 Заключения Венецианской комиссии № 524/2009 от 13 октября 2009 г. в качестве *amicus curiae* (эксперта, консультанта по правовым вопросам. Так называют физических лиц или организации, которые имеют интерес в юридических вопросах, исследуемых по делу в суде, и которым позволено высказать свои взгляды и заключения по правовым вопросам в пользу той или другой стороны, *примеч. редактора*), CDL-AD(2009)044 о законах об очищении высших государственных чиновников и лиц, занимающих выборные должности, в Албании).

процессуальные гарантии, в том числе, как правило, публичное судебное разбирательство в разумный срок, уведомление лиц, в отношении которых ведется расследование, о судебном разбирательстве и выдвинутых против них обвинениях, предоставление этим лицам возможности по подготовке своей защиты, в том числе возможности ознакомиться с соответствующими материалами, возможности заявлять доводы и доказательства и отвечать на встречные доводы и доказательства в органе, который проводит аттестацию, возможность воспользоваться услугами адвоката, а также уведомление сторон о том, какое решение было вынесено по делу и почему. По общему правилу во время слушания нужно руководствоваться принципом процессуального равенства сторон¹.

10. Европейский Суд сталкивался с мерами по люстрации при рассмотрении нескольких дел о соответствующих законах, принятых в Литве², Словакии³, Польше⁴, Латвии⁵ и Румынии. В принципе люстрация не является нарушением прав человека, поскольку «демократическое государство вправе требовать от государственных служащих верности конституционным принципам,

¹ Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Инструменты обеспечения верховенства права в постконфликтных государствах. Аттестация: основа для практической деятельности, 2006. С. 26.

² Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джайтас против Литвы» (Sidabras and Džiautas v. Lithuania), жалобы №№ 55480/00 и 59330/00, ECHR 2004-VIII (нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции, поскольку «Закон “О КГБ”» лишил заявителей возможности занимать должности спортивного инструктора и юриста в частном секторе из-за того, что они имели статус «бывших сотрудников КГБ»); Постановление Европейского Суда по делу «Райнис и Гаспаравичус против Литвы» (Rainys and Gasparavičius v. Lithuania) от 7 апреля 2005 г., жалобы №№ 70665/01 и 74345/01 (аналогичные нарушения в связи с увольнением заявителей, работавших юристами в частном секторе), а также Постановление Европейского Суда по делу «Жичкус против Литвы» (Žičkus v. Lithuania) от 7 апреля 2009 г., жалоба № 26652/02. В этих делах Европейский Суд сформулировал принцип, согласно которому «налагаемые государством ограничения возможностей лица найти работу в частном секторе из-за недостаточной преданности государству нельзя оправдывать с точки зрения Конвенции таким же образом, как ограничения их трудоустройства в публичном секторе, независимо от той роли, которую играет соответствующая частная компания в интересах государства в экономической и политической сфере, а также в области обеспечения безопасности» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джайтас против Литвы», § 58, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Райнис и Гаспаравичус против Литвы», § 36, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Жичкус против Литвы», § 31). В деле «Жичкус против Литвы» Европейский Суд особо отметил, что в самом «Законе “О КГБ”» проводится недостаточно различий между теми, кто в большей или в меньшей степени был связан с КГБ в прошлом, а в материалах дела отсутствуют объективные материалы, подтвержденные судами Литвы, которые указывали бы на то, что заявитель «в данный момент представлял (бы) угрозу для национальной безопасности», если бы он работал в некоторых областях частного бизнеса (пункт 33).

³ Постановление Европейского Суда по делу «Турек против Словакии» (Turek v. Slovakia) от 14 февраля 2006 г., жалоба № 57986/00, § 115. Нарушение статьи 8 Конвенции было установлено в связи с отсутствием процедуры, посредством которой заявитель мог бы добиться эффективной защиты своего права на уважение личной жизни. Европейский Суд сформулировал принцип, согласно которому «нельзя предполагать, что у общества по-прежнему сохранился длящийся и реальный интерес в установлении ограничений на доступ к материалам, которые при прежних режимах считались конфиденциальными».

⁴ Постановление Европейского Суда по делу «Матыек против Польши» от 30 мая 2006 г., жалоба № 38184/03, Постановление Европейского Суда по делу «Бобек против Польши» (Bobek v. Poland) от 17 июля 2007 г., жалоба № 68761/01, и Постановление Европейского Суда по делу «Лубох против Польши» (Luboch v. Poland) от 15 января 2008 г., жалоба № 37469/05. Во всех этих трех делах нарушение статьи 6 Конвенции было установлено в связи с засекречиванием документов и ограничением возможностей человека, подвергшегося люстрации, по ознакомлению с материалами дела, а также привилегированным положением комиссара по общественным интересам при рассмотрении дел о люстрации. В Постановлении по делу «Иоанна Шульц против Польши» (Joanna Szulc v. Poland) от 13 ноября 2012 г. (жалоба № 43932/08) Европейский Суд пришел к выводу, что власти государства-ответчика не выполнили своего позитивного обязательства обеспечить эффективную и доступную процедуру, посредством которой заявительница могла бы ознакомиться со всеми соответствующими сведениями и получить возможность оспорить выводы спецслужб, которые отнесли ее к категории негласных осведомителей.

⁵ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» (Ždanoka v. Latvia), жалоба № 58278/00, ECHR 2006-IV (по делу не было допущено нарушения статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции: лишение права баллотироваться на выборах в парламент страны и в муниципальные советы при том, что закон не предусматривал срока действия этих ограничений, поскольку с 13 января 1991 г. прошло всего 15 лет; меры в отношении действий, совершенных после крушения тоталитарного режима, признаны допустимыми); Постановление Европейского Суда по делу «Адамсоны против Латвии» (Adamsons v. Latvia) от 24 июня 2008 г., жалоба № 3669/03 (по делу было допущено нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции: отсутствие возможности устроиться на работу после десятилетней карьеры в свободной Латвии на военных и политических должностях).

на которых оно основано»¹. Тем не менее меры по люстрации по своему характеру являются временными, а объективная необходимость ограничения прав отдельных лиц в результате этой процедуры с течением времени уменьшается². Таким образом, законы о люстрации являются несоразмерными, если они без всяких различий применяются в публичном и частном секторе или остаются в силе, когда в них отпадает необходимость и (или) если их не пересматривают с точки зрения того, продолжают ли они приносить пользу.

В принципе при рассмотрении дел о люстрации применяются процессуальные гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте³. Так, люстрация может нарушать права человека, если, например, при ее проведении человеку обеспечили недостаточно возможностей ознакомиться с засекреченными материалами по его делу или лишили его адекватных процессуальных гарантий.

11. Венецианская комиссия также рассматривала вопрос о люстрации в связи с законопроектами о люстрации в Албании⁴, Македонии⁵ и на Украине⁶. Во всех этих трех случаях комиссия поддержала европейские стандарты, основанные на прецедентной практике Европейского

¹ Постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии» (*Vogt v. Germany*) от 26 сентября 1995 г., жалоба № 17851/91, § 59. Этот принцип навеян *Radikalenbeschluss* («радикальными выводами». – *Примеч. редактора*) Федерального конституционного суда Германии, по словам которого, «Обязательство хранить верность интересам другого лица, накладываемую на государственного служащего, требует от него, в частности, того, чтобы он четко дистанцировался от групп и движений, которые нападают на государство, его конституционные органы и конституционный строй, борются с ними или их порочат. От государственного служащего ожидают, что он признает государство и его конституцию как высшую ценность. Политическая фидуциарная обязанность сохраняется в период кризиса и в серьезных конфликтных ситуациях, когда государство зависит от поддержки государственных служащих» (BVerfG, 22.05.1975 – 2 BvL 13/73).

² См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Адамсоны против Латвии», § 116. В дополнение к этому временному требованию § 116 устанавливает ряд критериев допустимости законов о люстрации: правомерная основа, процедура, которая преследует не «исключительно» цели наказания или мести, а определяет меру ответственности каждого человека и «достаточность процессуальных гарантий».

³ См. упоминавшиеся выше Решения Европейского Суда по делам «Матыек против Польши» и «Бобек против Польши». Однако в делах по жалобам против Литвы Европейский Суд приходил к выводу, что статья 6 Конвенции применяется в гражданско-процессуальном аспекте (см. Решение Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джяутас против Литвы» от 21 октября 2003 г., жалобы №№ 55480/00 и 59330/00, и Решение Европейского Суда по делу «Райнис и Гаспаравичус против Литвы» от 22 января 2004 г., жалобы №№ 70665/01 и 74345/01).

⁴ Упомянувшееся выше заключение Венецианской комиссии № 524/2009. Комиссия подчеркнула, что люстрация имеет ограниченное действие во времени как в том, что касается сроков ее осуществления, так и в том, что касается подлежащего контролю периода времени (§§ 19, 109 и 110). В связи с этим комиссия выразила мнение, что должны существовать веские основания, оправдывающие принятие нового закона о люстрации через 18 лет после падения коммунистического режима (§ 38). Чем дальше спорная деятельность остается в прошлом, тем более серьезными должны быть нарушения, совершенные человеком в прошлом, и его личная вина (§ 39). Комиссия осудила чересчур широкую сферу применения закона, который распространялся на «каждого сотрудника органов государственной безопасности», таких, например, как секретарша или уборщица. Поскольку меры по люстрации оказывают существенное влияние на некоторые основные права для того, чтобы закон о люстрации соответствовал конституции, в нем неизбежно должно содержаться четкое определение предосудительной связи с тоталитарным режимом (§ 50). Кроме того, комиссия отметила, что закон о люстрации не предоставляет возможности рассматривать каждое дело индивидуально, а воспринимает все дела обобщенно, не проводя между ними никаких различий. Санкции вводятся на основании формальных критериев (§ 106). У суда должно быть право отменять решения комиссии по люстрации с учетом обстоятельств каждого конкретного дела (§ 108).

⁵ Заключение Венецианской комиссии от 17 декабря 2012 г. № 694/2012 в качестве *amicus curiae* (третьего лица, не участвующего в судебном разбирательстве. – *Примеч. редактора*) CDL-AD(2012)028 по Закону Македонии «Об определении критерия ограничения возможностей по поступлению на государственную службу, ознакомления с документами и опубликования информации о сотрудничестве с органами государственной безопасности» («закона о люстрации»). По мнению комиссии, применение мер по люстрации спустя более 20 лет после окончания тоталитарного правления требует веских оснований (§ 17), а когда решение об освобождении от должности принимается на основании определенных действий, которые имели место минимум 21 год назад и максимум 78 лет назад, это если и можно оправдать, то только ввиду более серьезных видов нарушений, в частности, массового и неоднократного нарушения основных прав, которое согласно уголовному законодательству карается лишением свободы на длительный срок (§ 24). Кроме того, представляется целесообразным предусмотреть фиксированный срок окончательного завершения процесса люстрации (§ 33). При рассмотрении дел о люстрации применяется статья 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте (§ 55).

⁶ Окончательное заключение Венецианской комиссии от 19–20 июня 2015 г. № 788/2014 CDL-AD(2015)012 по закону Украины «Об очищении власти» (закону о люстрации) с учетом поправок, внесенных в Верховную Раду 21 апреля 2015 г.

Суда и резолюции ПАСЕ № 1096(1996), добавив к ним еще одно требование: активное участие гражданского общества. Венецианская комиссия подчеркнула, что административный контроль никогда не сможет стать заменой судебному контролю. Однако при рассмотрении дела и возможном пересмотре решения в административном порядке всегда нужно следовать принципам справедливого судебного разбирательства¹.

12. Принципы, применяющиеся к люстрации, а *fortiori*² действуют и в отношении механизмов обнародования сведений, подобных тому, который предусмотрен в Эстонии, «далеко идущие» социальные последствия которых признает само государство-ответчик³. Юридическая обязанность подать заявление о признании не направлена на небольшую группу лиц, имеющих особый статус, она затрагивает широкую группу граждан, состоявших на службе в органах безопасности или разведки бывшего СССР или фашистской Германии или сотрудничавших с этими органами в период с 17 июня 1940 г. по 31 декабря 1991 г. За невыполнение юридической обязанности подать заявление о признании предусмотрены санкции. Подозреваемому вменяется в вину то, что он не сознался в своей прошлой деятельности или сообщил ложные сведения о ней, хотя закон обязывал его предоставить такие сведения. Объявление КАПО, которое публикуется в бумажной и электронной версиях Государственного вестника Эстонии, доступно значительно более широкому кругу лиц, чем близкие знакомые подозреваемого. В этом заключается ключевая особенность политики люстрации в Эстонии: предполагается, что бессрочная масштабная социальная стигматизация исправит порочную практику коммунистического прошлого и нейтрализует угрозы для демократии и национальной безопасности в будущем. Такой механизм обнародования сведений может повлечь за собой множество долгосрочных негативных последствий для профессиональной, экономической и социальной жизни соответствующих лиц. Следовательно, необходимо считать, что он, по крайней мере отчасти, имеет карательный характер и является средством устрашения⁴. Положение человека, подвергнувшегося люстрации, напоминает положение обвиняемого в уголовном судопроизводстве, в частности, с точки зрения имеющих у него процессуальных гарантий.

13. Таким образом, механизмы обнародования сведений для целей люстрации, в частности, для обеспечения национальной безопасности, общественного порядка, прав и свобод других лиц допустимы, если и когда они имеют под собой четкую и определенную правовую основу, вмешательство в личную жизнь соответствует критериям необходимости⁵ и соразмерности⁶,

¹ Упомянувшееся выше заключение Венецианской комиссии № 788/2014, § 97.

² *A fortiori* (лат.) – тем более, с тем бóльшим основанием (*примеч. редактора*).

³ Власти государства-ответчика признали, что «к 2004 году объявления об обнародовании сведений публиковались уже на протяжении восьми лет, и опубликование списков КГБ всегда вызывало масштабную реакцию средств массовой информации и общественности» (§ 33 замечаний властей государства-ответчика).

⁴ Относительно публичности как средства люстрации см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Матыек против Польши», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бобек против Польши», а об использовании Интернета как инструмента общественного контроля см. мое отдельное мнение, приложенное к Постановлению Европейского Суда по делу «Йылдырым против Турции» (*Yildirim v. Turkey*) от 18 декабря 2012 г., жалоба № 3111/10, в котором шла речь о сопутствующей блокировке сайта, размещенного на сервисе «Сайты Google» (*Google Sites*).

⁵ Критерий необходимости относится к тому, в достаточной ли степени вмешательство в осуществление права или свободы способствует удовлетворению преследуемой «общественной потребности» (в обеспечении национальной безопасности, общественного порядка, прав и свобод других лиц), и не выходит ли оно за рамки того, что необходимо для обеспечения этой «общественной потребности». Критерий «достаточной степени» требует проверять наличие «рациональной связи» между вмешательством и общественной потребностью путем установления рационального инструментального соотношения между ними. Критерий более щадящих мер определяет минимальное ущемление права или свободы, о которых идет речь, задаваясь вопросом, существуют ли столь же эффективные, но более щадящие средства удовлетворения соответствующей общественной потребности (см. мое отдельное мнение, приложенное к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Швейцарское движение разлитов против Швейцарии» (*Mouvement raëlien suisse v. Switzerland*) от 13 июля 2012 г., жалоба № 16354/06).

⁶ Критерий соразмерности предполагает оценку того, было ли достигнуто справедливое равновесие между противоречащими друг другу правами, свободами и интересами при условии соблюдения сути (или минимальных базовых требований) соответствующего права или свободы (см. мое отдельное мнение, ссылка на которое дана в предыдущей сноске).

а закон применяется в индивидуальном порядке (предполагая запрет коллективной вины¹) и справедливо (требуя как минимум признания таких базовых процессуальных гарантий, как право на защиту, презумпция невиновности и право на обжалование принятого по делу решения в судебном порядке). С точки зрения Конвенции механизмы обнародования сведений для целей люстрации, подобные тому, который действует в Эстонии, должны соответствовать процессуальным стандартам, созвучным уголовно-процессуальным требованиям статьи 6 Конвенции².

Применение вышеизложенных международно-правовых стандартов в настоящем деле

14. Заявитель не оспаривал, что с 1980 по 1989 год он работал водителем в Тартуском отделении КГБ, а с 1989 по 1991 год – водителем в Пылвакском отделении КГБ. Таким образом, по делу не оспаривалось, что заявитель работал в КГБ с 12 августа 1980 г. по 5 ноября 1991 г., то есть даже после того, как Эстония вновь обрела независимость. Далее, совершенно ясно, что сам заявитель не обращался с заявлением о признании согласно Закону об обнародовании сведений, что позволило бы не предавать его фамилию огласке, а также не стал оспаривать извещение КАПО от 27 февраля 2004 г. После того, как 16 июня 2004 г. сведения о заявителе были опубликованы в Приложении к Государственному вестнику Эстонии, он в конце 2004 года ушел с работы, но уже в начале 2007 года снова вернулся на ту же работу. Обнародованные сведения включали в себя указание места работы заявителя на момент опубликования извещения в Приложении к Государственному вестнику Эстонии. 20 июня 2006 г. заявитель подал жалобу на вмешательство в его личную жизнь. Кроме того, он утверждал, что сведения о его работе водителем КГБ были внесены в свидетельства о рождении его детей, выданные Эстонской ССР, то есть в период оккупации, которые хранятся в архивах Департамента статистики Эстонии, и что это может нарушать его право на уважение семейной жизни.

15. Опубликование сведений о службе заявителя в КГБ в Приложении к Государственному вестнику Эстонии являлось законным, поскольку оно было основано на положениях Закона об обнародовании сведений, которые устанавливают предметные основания и порядок регистрации и обнародования сведений о лицах, состоявших на службе в органах безопасности или разведки или сотрудничавших с этими органами. Суды Эстонии в своих решениях по делу заявителя также явным образом сослались на положения Закона об обнародовании сведений, которые преследуют цель защиты национальной безопасности, общественного порядка, прав и свобод других лиц. Однако они не обеспечили достижения справедливого равновесия между этими интересами и правом заявителя, предусмотренным статьей 8 Конвенции, о чем свидетельствуют критерии соразмерности и необходимости.

16. Согласно критерию соразмерности сначала необходимо определить сферу действия Закона об обнародовании сведений в том виде, в каком он был применен в настоящем деле, по кругу лиц. В ходе обсуждения законопроекта в Рийгигогу депутаты парламента согласились, что включение в закон перечня постов или должностей – это не самый целесообразный выход из положения, поскольку некоторые должности по недосмотру можно было упустить из виду. Так, должность водителя или секретарши может казаться безобидной, хотя по сути она обязательно является таковой на самом деле. В пояснительной записке к Закону об обнародовании сведений отмечается, что «встречались случаи, когда люди, формально относящиеся к обслуживающему персоналу, фактически принимали непосредственное участие в сборе разведывательной информации и в негласном наблюдении. Поэтому каждый конкретный случай следует рассматривать, исходя из деятельности (действий) конкретного лица. По той же причине невозможно определить понятие “сотрудничать с любым другим образом сознательно и добровольно”, поскольку факт сотрудничества с органами нужно изучать индивидуально».

¹ В Резолюции от 29 июня 1993 г. № 175 по ходатайству Словацкой Республики о вхождении в Совет Европы ПАСЕ уже призвала власти Словацкой Республики отменить все законы и указы, представляющие собой дискриминацию групп лиц или этнических/национальных сообществ, проживающих на ее территории, в особенности законы и указы, касающиеся «коллективной вины» (пункт 10).

² Текст подчеркнут автором особого мнения (*примеч. редактора*).

17. Проанализировав данный вопрос и запросив у полиции безопасности Эстонии дополнительную информацию, канцлер юстиции Эстонии (*Õiguskantsler*) направил в Рийгикогу заключение от 12 июля 2005 г., в котором он пришел к выводу, что Закон об обнародовании сведений является неконституционным, так как огласке предаются сведения обо всех сотрудниках органов безопасности и разведки, включая тех, кто выполнял чисто технические задачи, не связанные с основными функциями этих органов. Канцлер юстиции также отметил, что Закон об обнародовании сведений является неконституционным еще и потому, что сообщается место работы лица на момент опубликования объявления.

Впоследствии канцлер юстиции изменил свое мнение. По информации, предоставленной канцлеру КАПО, были опубликованы сведения о многих лицах, и до обнародования этих сведений в каждом конкретном случае КАПО была обязана собрать достаточно доказательств, которые являлись бы убедительными и в контексте возможного судебного разбирательства; поэтому ввиду ограниченности имеющихся ресурсов основной акцент делался на важных делах, которые могли представлять реальную опасность для Эстонской Республики. Опираясь на эту информацию, канцлер юстиции согласился с тем, что использование неопределенного юридического термина, которому предстоит наполниться конкретным содержанием по мере рассмотрения новых дел, было оправдано, поскольку на практике КАПО обнародовала данные об этих лицах по своему усмотрению. Таким образом, усмотрение осуществлялось прежде всего в отношении должностей и типа сотрудничества в целях выявления лиц, подверженных влиянию в силу положения, которое они занимали¹.

18. Аналогичным образом Государственный суд Эстонии выразил мнение, что положение тех, кто состоял на службе в (местном подразделении) карательной организации Эстонской ССР, в том числе выполняя вспомогательные функции, отличается от положения тех, кто не был связан с органами безопасности или разведки во время оккупации, и считается, что в определенных условиях служба в органах безопасности представляет опасность для Эстонской Республики². Государственный суд подтвердил, что сотрудники, выполнявшие в соответствующем органе вспомогательные функции, неизбежно были связаны с выполнением основных функций этого органа и своей работой, по крайней мере, создавали условия для выполнения его основных функций³. По мнению Государственного суда, невозможно абсолютно точно установить, какие функции на самом деле выполнял каждый сотрудник органов безопасности иностранного государства, и сформировать на этом основании сопоставимые категории лиц.

19. Таким образом, суды Эстонии признали состоятельным довод о том, что водители могли выполнять и другие, более существенные задачи и что спустя несколько десятков лет невозможно абсолютно точно установить, какую именно роль играл тот или иной конкретный водитель. Логическая ущербность данного довода очевидна. Власти Эстонии сами признали, что в основном они опирались на предположения и обобщения, поскольку получали неполную информацию из третьих рук. Суды Эстонии пришли к неблагоприятным для заявителя выводам

¹ По утверждениям властей Эстонии, КАПО пояснила, что водители работали в тесном контакте с оперативниками и их начальниками, и непосредственные рабочие задачи ставились перед водителями оперативниками или их начальниками. Это была командная работа, от количества и качества которой зависело достижение оперативных целей. В этом заключается их основное отличие от другого вспомогательного персонала, чьи рабочие задачи были автономны и не зависели от оперативных целей. КАПО привело и практический пример, отметив, что в 7-м Управлении КГБ Эстонской ССР (одном из центральных его подразделений) была отдельная должность «водителя-разведчика», занимавшегося негласным наблюдением. В то же время в других районах, в том числе в сельских, где работал заявитель, водители обычно выполняли более разнообразные задачи, чем водители в г. Таллине. Таким образом, официальное наименование должности «водитель» не всегда обязательно предполагало простое вождение автомобиля. Некоторых водителей потом перевели на другие должности, и они стали оперативниками или разведчиками. В целом должность водителя нередко была непосредственно связана с другими задачами (как в сельских районах) или являлась этапом для перехода на следующую, «более важную» должность (§§ 78–81 замечаний властей государства-ответчика).

² Решение Государственного суда Эстонии от 3 января 2008 г. по административному делу № 3-3-1-101-06.

³ Как утверждали власти Эстонии, такое толкование относится и к водителям, потому что их работа предполагала получение информации о перемещении сотрудников КГБ, их встречах и т.д., а кроме того, они могли слышать разговоры лиц, которых они перевозили.

на основании неполных сведений¹. Сославшись на отсутствие доказательств обратного, суды Эстонии установили, что функции, которые заявитель выполнял в КГБ, были важными. В основе выводов этих судов лежал *argumentum ad ignorantiam*².

20. Довод властей Эстонии о том, что на практике КАПО не занимается сотрудниками, которые не были связаны с выполнением основных функций в области безопасности или разведки³, не только неубедителен, но и противоречит фактам. Во-первых, власти Эстонии не предоставили Европейскому Суду никаких доказательств того, что КАПО этого не делает, например, в виде внутренних распоряжений или принципов и применения их на практике. Во-вторых, чрезмерно широкую сферу действия Закона об обнародовании сведений по кругу лиц нельзя компенсировать, обжаловав решение КАПО в судебном порядке, поскольку отсутствуют положения, дающие судам право признавать в том или ином конкретном деле необоснованной произведенную КАПО оценку, согласно которой подозреваемый в настоящее время представляет существенную опасность⁴.

21. Безоговорочность положений законодательства Эстонии, предполагающих автоматическое и единое для всех правовое регулирование согласно Закону об обнародовании сведений, противоречит основному принципу индивидуализации совместимых с правами человека стандартов люстрации Совета Европы. Даже если предположить, что КАПО действительно в какой-то степени по своему усмотрению выбирала подозреваемых, сведения о которых обнародовались, существует опасность злоупотребления масштабным процессом люстрации с использованием Интернета, в основе которого лежит произвольная административная практика и который не опирается на конкретные юридические критерии, как это имеет место в Эстонии, в политических и других неправомερных целях, а это негативно отражается на социальном мире, функционировании и экономическом благосостоянии государства, стимулирует стремление возложить всю вину за неудачи на конкретных людей, вызывает острый социальный антагонизм, жажду мести и озлобление в обществе⁵.

22. Действие Закона об обнародовании сведений во времени вызывает проблемы по четырем направлениям: в отношении периода, к которому применяются меры по люстрации (с 17 июня 1940 г. по 31 декабря 1991 г.); в отношении периода, который прошел с момента окончания членства подозреваемого в КГБ, его службы в КГБ или сотрудничества с КГБ до того, как его связь с КГБ была предана огласке; в отношении срока действия механизма обнародования сведений и в отношении срока, в течение которого меры по обнародованию сведений должны оставаться в силе⁶. Эта оценка связана с идеей о том, что с течением времени требова-

¹ Как заявил Окружной суд: «По прошествии нескольких десятков лет у Эстонской Республики нет возможности абсолютно точно установить, выполнял ли тот или иной конкретный водитель только технические функции или еще и основные задачи соответствующих органов. Поэтому отправной точкой должна быть вероятность того, что водители КГБ могут также представлять потенциальную угрозу для безопасности страны, а общество может быть заинтересовано в обнародовании сведений о них. Соответственно, распространение Закона об обнародовании сведений на лиц, которые работали водителями в органах безопасности и разведки, является соразмерным». Власти государства-ответчика повторили этот довод в § 82 своих замечаний.

² *Argumentum ad ignorantiam* (лат.) – букв. «аргумент к невежеству», доказательство, рассчитанное на недостаточную осведомленность (*примеч. редактора*).

³ Параграф 86 замечаний властей государства-ответчика.

⁴ Это общеевропейский критерий, лежащий в основе принципа индивидуализации: люстрация должна затрагивать только тех лиц, которые в настоящее время представляют существенную опасность для демократии (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Адамсоны против Латвии», § 116, а также упоминавшееся выше заключение Венецианской комиссии № 524/2009, § 108). Безразмерный подход в законодательстве Эстонии допускает толкование, основанное на «преобладающем в обществе понимании и чувстве справедливости, согласно которому водители КГБ считаются субъектами Закона об обнародовании сведений и должны подавать заявление о признании, иначе сведения о них будут обнародованы», подобное тому, которое используют власти государства-ответчика в § 81 своих замечаний. Помимо того, что это толкование способствует неопределенности в правоприменении, которое может повлечь за собой серьезные последствия для заинтересованных лиц, а значит, вступить в противоречие с самыми основами принципа законности (см. упоминавшееся выше заключение Венецианской комиссии № 524/2009, § 50), оно разжигает общественную рознь и личную жажду мести.

⁵ Упоминавшееся выше заключение Венецианской комиссии № 788/2014, § 33.

⁶ В деле «Жданок против Латвии» Европейский Суд заявил, что власти страны «должны обеспечивать постоянную проверку установленных законом ограничений, чтобы они не действовали слишком долго» (§ 135). В деле «Райнис

ния защиты вновь созданной демократии, оправдывающие законность люстрации, становятся менее настоятельными.

23. Применение Закона об обнародовании сведений привело к нарушению права заявителя на личную жизнь, поскольку с момента прекращения службы заявителя в КГБ и роспуска КГБ Эстонской ССР прошло уже много времени. Действительно, Закон об обнародовании сведений был принят менее чем через четыре года после того, как Эстония вновь обрела независимость, и менее чем через четыре месяца после вывода с ее территории последних оставшихся там подразделений Вооруженных сил бывшего Советского Союза. Однако с 1991 (последнего года службы заявителя в КГБ) до 2014 года (года опубликования объявления в электронной и бумажной версиях Приложения к Государственному вестнику Эстонии) прошло 13 лет. Европейскому Суду не предоставили убедительных объяснений, почему спецслужбам Эстонии потребовалось так много времени, чтобы собрать материалы на заявителя¹.

24. Кроме того, установленный законом период времени, который принимается во внимание при люстрации, с 17 июня 1940 г. по 31 декабря 1991 г., вообще говоря, не соответствует Руководящим принципам 1996 года, которые ограничивают срок преследования за подозрительную деятельность, имевшую место до 1 января 1980 г. Сохранять юридическую обязанность подавать заявление о признании в профессиональной деятельности, не являющейся уголовно наказуемой, которая имела место 35–75 лет назад, бессмысленно². Нарушение Руководящих принципов усугубляется тем, что законодатель не установил сроков действия механизма обнародования сведений и сроков хранения конкретных объявлений, в которых эти сведения уже были опубликованы. Сохранять бессрочное юридическое обязательство подпадать под действие такого механизма спустя почти 25 лет после крушения коммунизма в Эстонии тем более бессмысленно³. Бессрочное хранение в открытом доступе личных данных тех, кто не подавал заявления о признании или предоставил не соответствующие действительности сведения – это жестокое, произвольное наказание, если не сказать больше⁴.

и Гаспаравичус против Литвы» Европейский Суд выступил с критикой очень запоздалого характера Закона «О КГБ», в силу которого в отношении заявителей были введены обжалуемые по делу ограничения на трудоустройство «через 10 лет после того, как Литва вновь обрела независимость, а служба заявителей в КГБ закончилась» (§ 36). В деле «Жичкус против Литвы» Европейский Суд также отметил, что Закон «О КГБ» вступил в силу в 2000 году, то есть почти через 10 лет после того, как Литва объявила о своей независимости 11 марта 1990 г. Таким образом, ограничения профессиональной деятельности заявителя были введены почти через 10 лет после того, как он перестал сотрудничать с КГБ. То, что закон был принят слишком поздно, само по себе не имеет решающего значения, тем не менее это может считаться важным фактором при общей оценке соразмерности принятых мер (§ 33). В деле «Адамсоны против Латвии» был отклонен довод властей государства-ответчика о том, что они приняли меры лишь после того, как заявитель 10 лет проработал на военных и политических должностях в свободной Латвии, поскольку большая часть архивов КГБ оказалась в России, в связи с чем им было сложно получить значимую информацию о прошлом заявителя (§ 130).

¹ Довод о том, что КАПО смогла доказать сведения о заявителе только в 2004 году, получив письмо от 21 января 2004 г. № 11.6-12/04/20 от Департамента статистики Тартуского уезда, в котором КАПО были направлены выписки из свидетельств о рождении детей заявителя, доказывающих, что заявитель служил в КГБ (§ 64 замечаний властей государства-ответчика), ничего не доказывает. Он лишь свидетельствует о том, что по делу заявителя КАПО не стала проводить расследование по собственной инициативе, а рассмотрение вопроса об обнародовании сведений началось по инициативе другого органа государственной власти.

² Строго говоря, должна приниматься во внимание только подозрительная деятельность до момента падения коммунистической диктатуры, то есть, если говорить об Эстонии, до 20 августа 1991 г., когда страна вновь обрела независимость. Европейский Суд должен был явным образом выразить стремление строго следовать содержащемуся в Руководящих принципах 1996 года запрету включать в подлежащий контролю период времени в прошлом период после окончания коммунистического тоталитарного режима, поскольку демократический конституционный строй должен защищать себя напрямую посредством демократического функционирования своих институтов и гарантий защиты прав человека.

³ См. похожий довод в упоминавшемся выше заключении Венецианской комиссии № 788/2014, § 70. Фактически принцип «g» Руководящих принципов 1996 года вполне справедливо предусматривает, что меры по люстрации «желательно завершить не позднее 31 декабря 1999 г., поскольку к тому времени во всех бывших коммунистических тоталитарных странах должна закрепиться новая демократическая система». Никто не будет спорить, что сейчас в Эстонии закрепился демократический режим.

⁴ Уместно отметить, что через шесть лет после окончания Второй мировой войны Закон «Об окончании денацификации» от 11 мая 1951 г., а также Закон «О легализации правового положения лиц, подпадающих под действие статьи 131 Основного Закона» положили конец денацификации в Западной Германии. За исключением лиц, выпол-

25. Практическое применение к заявителю действующего в Эстонии механизма обнародования сведений имело, по словам властей государства-ответчика, ограниченные последствия. По их мнению, бессрочная и масштабная социальная стигматизация заявителя «не имеет никакого отношения к делу»¹. К этому оно добавляет, что деятельность лиц, сведения о которых были обнародованы, не подвергалась ограничениям и что как минимум с начала 2007 года заявитель сам вернулся на работу к тому же самому работодателю, у которого он работал на момент опубликования извещения². Кроме того, власти Эстонии подчеркивали, что соразмерность обнародования сведений по сравнению с вмешательством в личную жизнь дополнительно обеспечивается тем, что в объявлении в Приложении к Государственному вестнику Эстонии указывались конкретные места и сроки работы, и это помогало избежать домыслов относительно того, какие функции заявитель выполнял в КГБ³, а также наименование должности, занимаемой в настоящее время, во избежание путаницы с однофамильцами⁴.

26. Легкость, с которой власти Эстонии ссылались на последствия опубликования в Интернете сведений о прошлом заявителя, следует осудить. Как подчеркивает большинство судей, его негативное влияние на профессиональную и социальную жизнь заявителя очевидно, и этим нельзя пренебрегать. То, что было предано огласке место работы заявителя в настоящее время, лишь усугубило последствия допущенного нарушения Конвенции. Более того, буквальные формулировки объявления, касающиеся заявителя, двусмысленны, так как в нем идет речь о «лицах, состоявших на службе в органах безопасности, разведки или контрразведки вооруженных сил государств, оккупировавших Эстонию, или сотрудничавших с этими органами», а это подразумевает, что заявитель способствовал деятельности органов разведки или безопасности иностранного государства, когда оно оккупировало Эстонию, то есть был доносчиком и передавал информацию России.

27. Наконец, власти Эстонии утверждали, что у разглашения этих сведений нет более щадящей для конвенционных прав и свобод альтернативы, которая вместе с тем была бы столь же эффективной, поскольку обязанность приносить присягу уже не действует, а проверка на благонадежность при занятии дополнительных должностей привела бы к серьезному ущемлению основных прав человека. Эти рассуждения необоснованны. В частном секторе, согласно конвенционным стандартам, не допускаются ни принесение присяги, ни проведение проверки на благонадежность, ни любые другие меры по люстрации⁵. В публичном же секторе отмена

нявших при фашистском режиме особые обязанности (*Hauptschuldige* и *Belastete*), людям разрешили вернуться на должности в публичном секторе, которые они занимали ранее.

¹ Параграф 87 замечаний властей государства-ответчика. Тем не менее власти Эстонии признали, что меры по обнародованию сведений неизбежно предполагают элемент диффамации, который не был полностью исключен, несмотря на предусмотренные процессуальные гарантии (§ 45 замечаний властей государства-ответчика). Кроме того, в решении Таллинского окружного суда от 22 ноября 2007 г. прямо признается, что обнародование сведений о связях заявителя с советскими органами безопасности могло повредить его репутации (§ 31 решения). Другими словами, процедура «публичного позора» имеет не только, как утверждается, превентивные цели, но и карательный характер.

² Параграф 70 замечаний властей государства-ответчика.

³ Параграф 84 замечаний властей государства-ответчика.

⁴ Довод государства-ответчика заключается в том, что «в Эстонии проживает много однофамильцев, и для защиты их прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции, объявления должны быть достаточно конкретными, чтобы избежать смешения личных данных этих людей. В решении от 22 ноября 2007 г. Таллинский окружной суд также отметил, что эта мера помогала избежать в глазах общественности путаницы с однофамильцами (§ 12 решения)» (§ 45 замечаний властей государства-ответчика). Однако власти государства-ответчика признали, что «обнародование места работы тоже не всегда обеспечивало права третьих лиц».

⁵ Я сожалею, что Палата Европейского Суда не дала пояснений по этому поводу. Сейчас самое время для того, чтобы Европейский Суд явным образом соотнес свою прецедентную практику с Руководящими принципами 1996 года в том, что касается люстрации в частном секторе (принцип «f»). По словам Федерального конституционного суда Германии, Конституция ФРГ содержит требования, предъявляемые к профессиональной деятельности в частном секторе, а текущее законодательство закрепляет конкретное юридическое требование для поступления на государственную службу: соискатель дает гарантию, что всегда будет защищать свободу и демократический строй общества. Пределы деятельности устанавливаются только нормами общего уголовного права и статьей 18 Основного закона об ограничении основных прав, в остальном действует основное право свободы выбора профессии (BVerfG, 22.05.1975–2 BvL 13/73).

обязанности приносить присягу отражает зрелость демократии, которая может способствовать политическому плюрализму среди государственных служащих. В демократическом обществе для обеспечения интересов национальной безопасности, общественного порядка и защиты прав и свобод других лиц достаточно простой проверки на благонадежность кандидатов на стратегически важные должности в публичном секторе¹.

Вывод

28. Люстрация – это чрезвычайная мера защищающей себя демократии². Постолюк, поскольку она соответствует европейским стандартам в области прав человека и верховенства права, она допустима сама по себе или в сочетании с рядом общепринятых уголовно-правовых санкций. Потребность общества преодолеть небезупречное прошлое нации и провести реформу государственного аппарата необходимо соразмерять с правами лиц, которые подвергаются люстрации, иначе демократия сама не будет отличаться от драконовских карательных средств предыдущего политического режима. Как инструмент переходной политики, применяющийся в исключительных случаях, любой механизм люстрации следует строго ограничивать по предмету и во времени. Это особенно справедливо, когда речь идет об опубликовании порочащих сведений в Интернете органами государственной власти ввиду его долгосрочного и масштабного негативного воздействия на жизнь лица, сведения о котором предаются огласке.

29. Действующий в Эстонии механизм обнародования сведений не имеет чрезвычайного характера, так как он направлен на то, чтобы обеспечить признание неопределенной большой категории граждан в их прежней политической и профессиональной деятельности, пусть даже сейчас она не представляет существенной угрозы правам человека и процессу демократизации. Таким образом, есть большая вероятность того, что он будет использоваться не по назначению для дискриминации соратников, личной мести и политической охоты на ведьм. Объекты применения закона и подлежащий контролю период времени в прошлом определяются слишком широко, помимо этого, не установлен срок действия механизма обнародования сведений и срок хранения опубликованных данных.

30. Заявитель стал жертвой несоразмерного механизма обнародования сведений. Теперь власти государства-ответчика должны не только компенсировать ему причиненный моральный вред, но и удалить его имя из обжалуемого списка, опубликованного в Приложении к Государственному вестнику Эстонии, который является источником нарушения Конвенции. Принимая во внимание системные последствия сделанных в настоящем Постановлении выводов, власти Эстонии, очевидно, должно также внести изменения в Закон об обнародовании сведений с учетом упомянутых выше обязательных международных стандартов.

¹ Власти Эстонии привели два примера в оправдание своего довода о том, что механизм обнародования сведений по-прежнему остается важным для Эстонии для защиты национальной безопасности (§ 65 замечаний властей государства-ответчика): Владимир Вейтман, который состоял на службе в КГБ Эстонской ССР с 1980 по 1991 год (признан виновным в государственной измене приговором Харьюского уездного суда от 30 октября 2013 г. в ходе процедуры урегулирования, приложение 22) и Герман Симм, который сотрудничал с КГБ Эстонской ССР (признан виновным в государственной измене приговором Харьюского уездного суда от 25 февраля 2009 г. в ходе процедуры урегулирования, приложение 23). В обоих случаях эксплуатировались прежние связи указанных лиц с органами разведки Советского Союза. Герман Симм ранее являлся высокопоставленным сотрудником Министерства обороны Эстонии, а Владимир Вейтман работал в самой КАПО. Даже если предположить, что эти дела могут проиллюстрировать угрозу, с которой Эстония якобы сейчас сталкивается, они опровергают довод властей государства-ответчика. В действительности они доказывают, что водители в частном секторе – это не совсем та категория подозреваемых, которую следует подвергать люстрации.

² Европейский Суд неоднократно ссыался на понятие «демократии, которая в состоянии сама себя защитить» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии», § 59, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джяутас против Литвы», § 54, Решение Европейского Суда по делу «Бестер против Германии» (Bester v. Germany) от 22 ноября 2001 г., жалоба № 42358/98, а также Решение Европейского Суда по делу «Кнаут против Германии» (Knauth v. Germany) от 22 ноября 2001 г., жалоба № 41111/98).

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ХАНЛАРА ГАДЖИЕВА, ЮЛИИ ЛАФФРАНК И ДМИТРИЯ ДЕДОВА

1. К нашему сожалению, мы не можем согласиться с выводом Палаты Европейского Суда о том, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

2. Вначале мы хотели бы отметить, что настоящее дело касается опубликования сведений о том, что заявитель работал в КГБ водителем, после того, как ему предложили добровольно подать заявление о признании факта своей службы в КГБ в полицию безопасности Эстонии, а он по своей воле решил этого не делать. Если рассматривать настоящее дело в контексте прецедентной практики Европейского Суда о формах индивидуализированной реакции на сотрудничество с тоталитарными режимами, в нем идет речь о самой мягкой из этих реакций.

3. Принимая решение по настоящему делу, большинство судей, во-первых, не приняло во внимание важнейшие аспекты цели, которую преследует обжалуемая мера (см. пункт 5 данного особого мнения). Во-вторых, оно проигнорировало допустимые рамки собственного усмотрения, которым пользуются государства согласно прецедентной практике Европейского Суда (см. пункты 6–8 данного особого мнения). В-третьих, с учетом пределов собственного усмотрения при определении необходимости обжалуемой меры в демократическом обществе большинство судей упустило из виду несколько особенностей дела. В частности, критикуя недостаточную полноту оценки конкретных задач отдельными сотрудниками прежних спецслужб, оно само не приняло во внимание, что согласно прецедентной практике Европейского Суда требование «индивидуализации» не является необходимым условием соответствия принятых мер Конвенции, когда законодательная база сама по себе является соразмерной и не имеет дискриминационного характера (см. пункт 9 данного особого мнения). В этом контексте большинство судей не рассмотрело принятого в законодательстве Эстонии дифференцированного подхода к различным лицам, связанным с КГБ, и не учло предусмотренных законодательством Эстонии процессуальных и материально-правовых гарантий, позволяющих не допустить ошибок, необоснованного или произвольного вмешательства (см. пункты 10–18 данного особого мнения). Оно преувеличило значимость последствий опубликования спорного объявления для заявителя (см. пункты 19–22 данного особого мнения) и не поняло, что они гораздо менее серьезны по сравнению с последствиями, наступившими для заявителей в других делах о формах индивидуализированной реакции на сотрудничество с тоталитарными режимами (см. пункт 23 данного особого мнения). Аналогичным образом большинство судей придало чересчур большое значение названию должности, которую заявитель занимал в КГБ, и тому, сколько времени прошло между его службой в КГБ и опубликованием извещения об этом (см. пункты 24–29 данного особого мнения).

4. Подобные изъяны в рассуждениях большинства судей привели, на наш взгляд, к неправильному выводу. Мы же, напротив, считаем, что вмешательство в осуществление заявителем права на уважение его личной жизни было необходимо в демократическом обществе и являлось соразмерной мерой, и руководствуемся при этом следующими соображениями.

Цель вмешательства

5. Прежде чем перейти к определению соразмерности обжалуемой по делу меры, мы хотели бы подчеркнуть два конкретных аспекта, касающихся ее цели. Во-первых, опубликование сведений отражало также индивидуализированное моральное осуждение службы в органах безопасности и разведки тоталитарных режимов, оккупировавших Эстонию, в том числе фашистской Германии. Во-вторых, оно отражало моральное осуждение того, что человек решил не признаваться в службе в этих органах и тем самым отказаться поддержать усилия нового демократического режима по ликвидации наследия тоталитарных режимов. В данном контексте мы ссылаемся на Закон об обнародовании сведений, согласно которому лица, желающие признаться в том, что они состояли на службе в этих органах, должны были обратиться в отделение полиции безопасности Эстонии. От них требовалось сообщить, в каком качестве они служили в органах безопасности или разведки или сотрудничали с ними в соответствующий период времени. Кроме того, от них требовалось предоставить иную информацию, касающуюся их деятельности в органах безопасности или разведки, за исключением сведений, которые могли быть использованы против них

самих или их близких. Полиция безопасности Эстонии могла задавать им вопросы и вызывать их для уточнения информации об их службе. В условиях неполноты архивов это было необходимо для лучшего понимания методов, тактики и операций указанных органов, а также сети лиц, которые служили в них или негласно с ними сотрудничали.

Пределы усмотрения властей государства-ответчика

6. К сожалению, большинство судей упустило из виду общий контекст настоящего дела и его последствия для эстонского общества и безопасности Эстонии, не отдало дань уважения субсидиарности и пределам допустимого усмотрения властей государства-ответчика и отказало властям Эстонии и внутригосударственным судам в праве самостоятельно рассматривать неоднозначные вопросы морального, исторического и политического характера, при том что по делу не было допущено несоразмерного вмешательства в осуществление заявителем его прав, а в действиях властей, в том числе судов Эстонии, не содержалось явных ошибок и произвола.

7. Подход большинства судей противоречит идеям, высказанным Европейским Судом в решении по делу «Цихопек и другие против Польши» (Cichopek and Others v. Poland) от 14 мая 2013 г. (жалоба № 15189/10 и другие), в котором Европейский Суд пришел к следующим выводам (§ 143):

«Общеизвестно, что процесс политического перехода в посткоммунистических странах предполагает множество комплексных, далеко идущих и противоречивых реформ, которые неизбежно растягиваются во времени. Ликвидация коммунистического наследия осуществляется постепенно, и каждая страна по-своему, порой медленно, обеспечивает устранение допущенной в прошлом несправедливости и сведение счетов. Несмотря на то, что при крушении тоталитарных режимов эти страны столкнулись с похожими проблемами, нет и не может быть универсального способа перестройки их политических, правовых или социальных систем. Нельзя также определить, сколько конкретно времени потребуется для того, чтобы завершить этот процесс, и с какой скоростью он будет идти.

Действительно, при определении того, требуют ли “интересы общества” в той или иной конкретной стране, с учетом ее уникального исторического и политического опыта, принимать те или иные меры по декоммунизации с целью обеспечить большую социальную справедливость или стабильность демократии, законодательная власть, непосредственно избранная народом, находится в лучшем положении, чем Европейский Суд... Аналогичным образом внутригосударственные органы власти, непосредственно зная свою страну, вправе в выбранной ими форме и в выбранное ими время осуждать прежние институты или виды деятельности, которые, как показывает исторический опыт страны, не считались с принципами демократии, верховенства права и прав человека».

8. Мы напоминаем, что в задачи Европейского Суда не входит выступать арбитром по историческим вопросам (см. для сравнения Решение Европейского Суда по делу «Джугашвили против Российской Федерации» (Dzhugashvili v. Russia) от 9 декабря 2014 г., жалоба № 41123/10¹, § 33). Он должен проявлять осторожность, рассматривая решения, принятые в этой связи демократически избранным парламентом, который хочет провести четкое различие между прежним режимом с его карательными органами и вновь установленным демократическим строем, чтобы достичь примирения с прошлым и помочь исправить допущенную ранее несправедливость. Ожидания общества и решения законодательных органов в разных странах по этим вопросам неизбежно различаются в зависимости от уникального исторического опыта соответствующей страны. В подобного рода вопросах Европейский Суд должен надлежащим образом учитывать принцип субсидиарности и наделять государства соответствующими пределами усмотрения.

Дифференцированный подход, установленный законодательством Эстонии

9. Относительно анализа соразмерности обжалуемых мер в настоящем деле мы считаем, что власти Эстонии применяют дифференцированный подход к подвергающимся люстрации лицам и что соответствующие положения законодательства Эстонии содержат достаточно много гарантий, позволяющих не допустить необоснованного вмешательства.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 3 (примеч. редактора).

10. В связи с этим мы хотели бы отметить, что Конвенция в принципе не запрещает государствам-участникам вводить общеполитические механизмы, принимая законодательные меры, в силу которых с определенной группой лиц начинают обращаться не так, как с остальными, при условии, что вмешательство в осуществление этой установленной законом категорией или группой лиц своих прав можно оправдать с точки зрения Конвенции. До тех пор, пока предусмотренное законом различие само по себе соразмерно и не имеет характера дискриминации по отношению ко всей установленной законом категории или группе лиц, задача внутригосударственных судов может сводиться к тому, чтобы установить, относится ли тот или иной конкретный человек к соответствующей установленной законом категории или группе лиц. Требование «индивидуализации», то есть необходимость того, чтобы внутригосударственные судебные органы следили за соразмерностью установленного законом ограничения, которое является предметом спора, с учетом конкретных особенностей каждого отдельно взятого дела, не является необходимым условием соответствия этой меры требованиям Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» (*Ždanoka v. Latvia*), жалоба № 58278/00, §§ 112–114, *ECHR* 2006-IV, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства» (*Animal Defenders International v. United Kingdom*), жалоба № 48876/08, §§ 106 и последующие, *ECHR* 2013, и другие постановления и решения Европейского Суда, на которые они ссылаются). Для определения соразмерности меры общего характера Европейский Суд должен прежде всего оценить решения законодателя, на которых она основана, не забывая и о том, в силу непосредственного и продолжительного контакта с жизнеобеспечивающими силами своих государств, местными жителями и их нуждами, что законодательные и судебные органы власти находятся в лучшем положении с точки зрения оценки конкретных сложностей, возникающих при охране демократического строя в своей стране (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства», §§ 108 и 111, а также другие постановления и решения Европейского Суда, на которые оно ссылается).

11. В Эстонии было принято несколько мер по ликвидации наследия полувековой оккупации. Пострадавшим от репрессий были предоставлены определенные льготы (см. § 15 настоящего Постановления). Совершившие преступления против человечества были привлечены к ответственности (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Кольк и Кислый против Эстонии» (*Kolk and Kislyiy v. Estonia*), жалобы №№ 23052/04 и 24018/04, *ECHR* 2006-I, и Решение Европейского Суда по делу «Пенарт против Эстонии» (*Penart v. Estonia*) от 24 января 2006 г., жалоба № 14685/04). Право баллотироваться на выборах и поступать на государственную службу для лиц, которые ранее состояли на службе в органах безопасности, разведки и контрразведки государств, оккупировавших Эстонию, или являлись агентами этих органов, было временно, до 31 декабря 2000 г., ограничено Законом «О введении в действие Конституции Эстонии», принятым на референдуме (см. § 7 настоящего Постановления). Лица, которые ранее состояли на службе в органах безопасности или сотрудничали с ними, регистрировались полицией безопасности Эстонии, если они обращались с заявлением о признании факта своей службы в этих органах или сотрудничества с ними. В случае, если они не обращались с подобным заявлением, факт их службы в этих органах или сотрудничества с ними предавался огласке (см. §§ 8–13 настоящего Постановления).

12. На наш взгляд, такие меры, начиная с уголовно-правовых санкций и заканчивая ограничением права занимать определенные должности в публичном секторе и обнародованием некоторых сведений личного характера при соблюдении определенных условий, а также предоставлением льгот пострадавшим, доказывают, что на законодательном уровне к соответствующим лицам применяется дифференцированный подход.

Гарантии, предусмотренные законодательством Эстонии

13. Процессуальные положения Закона об обнародовании сведений гарантировали защиту прав заявителя, предоставляя ему возможность предотвратить опубликование сведений о нем,

а также оспорить решение о предании их огласке как до, так и после того, как они были опубликованы.

14. Если говорить о конкретной процедуре, установленной Законом об обнародовании сведений, данный закон предусматривает, что лица, подпадающие под его действие, могут предотвратить опубликование своих фамилий в Приложении к Государственному вестнику Эстонии, обратившись с заявлением о признании факта своей службы в органах безопасности или разведки, перечисленных в Законе об обнародовании сведений, или сотрудничества с этими органами. Мы считаем это важным и думаем, что по контексту настоящее дело существенно отличается от дела «Жичкус против Литвы» (Постановление Европейского Суда по делу «Жичкус против Литвы» (*Žičkus v. Lithuania*) от 7 апреля 2009 г., жалоба № 26652/02), где речь шла об угрозе национальной безопасности, которую представлял бы заявитель в случае его трудоустройства в частном секторе.

15. По информации, предоставленной властями Эстонии, в течение одного года с момента вступления в силу Закона об обнародовании сведений в полицию безопасности Эстонии обратились с заявлениями о признании 1 153 человека, чтобы предотвратить опубликование сведений о своей службе в органах безопасности и разведки или сотрудничестве с ними (см. § 13 настоящего Постановления). Как утверждали власти Эстонии, полиция безопасности Эстонии подтвердила, что в числе лиц, обратившихся с такими заявлениями, были и водители.

16. Кроме того, мы отмечаем, что согласно процедуре, установленной Законом об обнародовании сведений, текст публикуемого объявления доводится до сведения заинтересованных лиц заблаговременно, а факты, на которых оно основано, и конституционность его опубликования как таковую можно оспорить в судебном порядке до того, как оно будет опубликовано. Бремя доказывания публикуемых сведений (то есть факта службы человека в органах безопасности или разведки или его сотрудничества с этими органами) лежит на полиции безопасности Эстонии. Поэтому мы считаем, что в Эстонии имелись эффективные процессуальные гарантии, позволяющие предотвратить любые возможные ошибки, произвол и злоупотребления в связи с опубликованием указанных сведений.

17. Мы хотели бы подчеркнуть, что заявитель не стал оспаривать ни факты, лежащие в основе объявления, ни конституционность его опубликования, а также ставить под вопрос формулировки публикуемого объявления как таковые (например, использование слова «оккупант») до того, как оно было опубликовано.

18. Относительно предусмотренных законодательством материально-правовых гарантий мы отмечаем, что согласно Закону об обнародовании сведений обнародованию подлежали срок службы или сотрудничества соответствующих лиц и то, в каком качестве они участвовали в работе прежних спецслужб. Мы считаем, что опубликование этих данных соответствует целям укрепления открытого общества и распространения информации о функционировании тоталитарных режимов, а в этом контексте оно проливает свет еще и на степень и уровень сотрудничества соответствующих лиц. Если кто-то состоял на службе в органах безопасности в эпоху массовых репрессий, провел в этих органах всю свою профессиональную жизнь или выполнял в них важные функции, это, конечно, совсем не то же самое, что непродолжительная по времени служба в этих органах, сопряженная с выполнением менее важных задач. Аналогичным образом к тем, кто состоял на службе в прежних органах безопасности, общество относится совсем не так, как к тем, кто негласно с ними сотрудничал. Доступность таких официальных и проверенных данных позволяет общественности определять степень и уровень участия того или иного конкретного человека в работе прежних спецслужб на основе всей имеющейся информации.

19. Кроме того, обнародование сведений и подача заявления о личном признании дают заинтересованным лицам возможность защититься от необоснованных обвинений или шантажа. В связи с этим мы хотели бы также сослаться на особое мнение судей Д. Йочиене, Н. Цоцория и А. Шайо, приложенное к упоминавшемуся выше Постановлению Европейского Суда по делу «Жичкус против Литвы». В пункте 3 этого особого мнения сказано, что закон, применимый в деле «Жичкус против Литвы», касался также одного конкретного последствия негласного сотрудничества с органами безопасности в прошлом, а именно того, что все, кто негласно сотруд-

ничал с этими органами, могли подвергаться шантажу и что одной из задач указанного закона являлось предотвращение личного и институционального шантажа и как таковая данная задача отвечала, в том числе, и соображениям защиты национальной безопасности.

Последствия вмешательства для заявителя

20. В этом контексте важно отметить, что заявитель не только ни разу не оспаривал факт своей службы в КГБ в течение значительного времени (более 10 лет), но даже утверждал, что этот факт общеизвестен и о нем знает его работодатель. Кроме того, данные сведения были внесены в его трудовую книжку. Далее, заявитель не стал оспаривать в Европейском Суде обнаружение сведений о его месте работы (в настоящее время), то есть о том, что на момент опубликования объявления он работал в АО «Тарбус» (*AS Tarbus*). Отсутствуют также основания считать, что компания, в которой он работал (сравнительно крупная автобусная компания), была как-то встревожена тем, что ее название было опубликовано при указании места работы заявителя.

21. Несмотря на то, что сведения о прежнем месте работы заявителя не привлекли большого внимания со стороны средств массовой информации до их официального опубликования (см. для сравнения в качестве противоположной ситуации Постановление Европейского Суда по делу «Издательство “Эдиссон Плон” против Франции» (*Editions Plon v. France*), жалоба № 58148/00, § 53, *ECHR* 2004-IV) и что данные факты вряд ли были известны значительно более широкому кругу лиц, чем работодатели и знакомые заявителя, это относится и к тому, какое внимание общества привлекло прежнее место работы заявителя после того, как сведения о нем были опубликованы в Приложении к Государственному вестнику Эстонии. Заявитель не утверждал, что соответствующие сведения комментировались в средствах массовой информации после их опубликования.

22. Относительно довода заявителя о том, что из-за опубликования сведений, о которых идет речь, он потерял работу, мы считаем, что данный довод не вполне последователен и не подкрепляется имеющимися доказательствами. Поэтому мы не согласны с выводами, сделанными в § 63 настоящего Постановления. Как отмечалось выше, по словам заявителя, он не скрывал факта своей службы в КГБ, который был общеизвестен еще до обнаружения сведений об этом. В то же время он утверждал, что после опубликования объявления его коллеги стали издеваться над ним. Однако хотя заявитель и отмечал, что он был вынужден уйти с работы, спустя какое-то время он вернулся на работу к тому же самому работодателю (см. § 25 настоящего Постановления). В связи со своими требованиями о выплате справедливой компенсации заявитель сослался на то, что он потерял заработную плату за четыре месяца, не представив подтверждающих это доказательств, поэтому Европейский Суд отклонил его требования о компенсации материального ущерба (см. § 68 настоящего Постановления). При таких обстоятельствах мы не можем прийти к выводу, что заявитель ушел с работы по вине властей государства-ответчика, если к тому же принять во внимание, что Закон об обнаружении сведений этих последствий не предусматривал и что у заявителя была возможность обжаловать любое возможное незаконное прекращение или приостановление его трудового договора в соответствии с действующими нормами трудового права. Аналогичным образом в распоряжении заявителя имелись средства гражданско-правовой защиты по факту любого ущерба его личным правам (например, его чести), который мог быть причинен третьими лицами. Однако заявитель не утверждал, что он воспользовался ими.

23. Относительно довода заявителя о том, что в объявлении его назвали оккупантом (*okupant*) – словом, относящимся к лицам, которые вторглись на территорию страны и осуществляли там властные полномочия, ассоциирующиеся с оккупацией, при том, что в эстонском языке это слово имеет ярко выраженную негативную окраску, мы хотели бы пояснить, что суды Эстонии опровергли данный довод, постановив, что в тексте, касающемся заявителя, не говорилось о том, что он являлся оккупантом, а слово «оккупировать» в объявлении относилось к государствам, оккупировавшим Эстонию (см. §§ 27 и 33 настоящего Постановления). Мы не можем усмотреть в этой очевидной и логичной оценке никаких изъятий и разделяем мнение судов Эстонии. Следовательно, доводы заявителя относительно слова «оккупант» являются явно необоснованными.

24. Наконец, в этом контексте мы хотели бы подчеркнуть, что настоящее дело существенно отличается от ранее рассматривавшихся Европейским Судом дел о различных мерах по вопросам ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии», Постановление Европейского Суда по делу «Адамсоны против Латвии» (*Ādamsons v. Latvia*) от 24 июня 2008 г., жалоба № 3669/03, Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джяутас против Литвы» (*Sidabras and Džiautas v. Lithuania*), жалобы №№ 55480/00 и 59330/00, §§ 42–50, *ECHR* 2004-VIII, Постановление Европейского Суда по делу «Райнис и Гаспаравичус против Литвы» (*Rainys and Gasparavičius v. Lithuania*) от 7 апреля 2005 г., жалобы №№ 70665/01 и 74345/01, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Жичкус против Литвы», а также Постановление Европейского Суда по делу «Матыек против Польши» (*Matyjek v. Poland*) от 24 апреля 2007 г., жалоба № 38184/03). В частности, мы хотели бы особо отметить, что в настоящем деле речь не идет об уголовно-правовых санкциях или ограничениях права занимать определенные должности в публичном или частном секторе. Ни в одном из упомянутых выше дел не возникало ситуации, когда жалобы заявителей сводились бы только к преданию огласке факта их службы в органах безопасности или разведки антидемократического режима.

Функции, которые заявитель выполнял в КГБ

25. Мы принимаем к сведению, что, как подчеркивал заявитель, он работал в КГБ простым водителем (см. также доводы, содержащиеся в § 61 настоящего Постановления). Действительно, согласно опубликованному объявлению он состоял на службе в КГБ в этом качестве с 12 августа 1980 г. по 5 ноября 1991 г. Тем не менее по информации, предоставленной властями государства-ответчика, в 1997–2009 годах такого рода сведения публиковались в Приложении к Государственному вестнику Эстонии 13 раз. В общей сложности были напечатаны фамилии 647 человек, среди них были и водители, из которых как минимум семь человек повысили в должности за годы службы в КГБ (см. § 13 настоящего Постановления). Однако Окружной суд пришел к выводу, что невозможно абсолютно точно установить, какие задачи выполнял тот или иной конкретный водитель. Учитывая, что самые важные документы из архивов КГБ были вывезены из Эстонии и что в связи с этим власти Эстонии, по-видимому, были вынуждены опираться на неполные сведения, полученные из третьих рук, мы допускаем, что это оказалось бы непростой задачей. Однако согласно Закону об обнародовании сведений власти Эстонии не должны устанавливать никаких фактов, кроме факта службы лица в прежних органах безопасности. Процедура обнародования сведений, предусмотренная одноименным законом, не равнозначна предъявлению обвинения в совершении преступления, когда было бы необходимо установить, какие конкретно действия совершил конкретный обвиняемый. В настоящем деле процедура обнародования сведений предполагала официальное опубликование информации о том, что заявитель ранее состоял на службе в КГБ. Служба в КГБ не являлась и не является преступлением как таковая, а общество не считает сотрудников КГБ в целом соучастниками преступлений, совершенных некоторыми представителями этой спецслужбы. Напротив, Парламент Эстонии (Рийгигогу) прямо исключил возможность привлечения сотрудников таких органов, как КГБ, к коллективной ответственности (см. § 14 настоящего Постановления).

26. В любом случае независимо от того, какие функции заявитель выполнял в КГБ, он, обратившись с заявлением о признании, мог поддержать попытки нового демократического режима ликвидировать наследие тоталитарного прошлого, но предпочел этого не делать.

27. Мы считаем, что вопросы, касающиеся получения доступа к сведениям о работе спецслужб прежних режимов и опубликования таких сведений, предполагают поиск неустойчивого равновесия между различными ценностями морального, юридического и политического характера. В связи с этим нельзя недооценивать общий интерес общества в установлении исторической истины. Кроме того, органы, являвшиеся основными инструментами деспотических режимов, принимали на службу не только идеологов репрессий, но и лиц, которые, казалось бы, были нейтральными сторонниками режима, но без которых работа данных органов оказалась бы невозможна. За исключением случаев обязательной службы или вынужденного сотрудничества, эти лица, поступив на работу в спецслужбы, сделали выбор в жизни, отличавшийся от

выбора большинства их сограждан. В связи с этим мы вновь ссылаемся на недавнее решение Европейского Суда, касающееся бывших сотрудников коммунистических спецслужб, в котором он подчеркнул, что заявители состояли на службе в органах государственной безопасности, смыслом существования которых было ущемление фундаментальнейших ценностей, лежащих в основе Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Цихопек и другие против Польши», § 142, *in fine*¹). В том деле речь тоже шла о заявителях, которые работали машинистками и секретарями (см. там же, § 44). Для функционирования деспотического режима недостаточно одного диктатора, пары генералов и горстки исполнителей. Такие режимы опираются на сотрудничество и одобрение значительно более широкого круга лиц, которые сами, возможно, никогда не совершали преступлений, но без поддержки которых выживание всей системы было бы невозможно. Само собой разумеется, что эти люди не могут и не должны привлекаться к ответственности «задним числом». Однако моральное осуждение их сотрудничества с режимом – это другое дело.

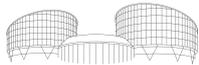
Период времени, прошедший между службой в КГБ и опубликованием сведений об этом

28. Мы не согласны с выводом по рассматривавшемуся в § 62 настоящего Постановления вопросу о том, могло ли опубликование сведений о службе заявителя в КГБ являться несоразмерным вмешательством, поскольку с момента окончания его службы и роспуска КГБ Эстонской ССР прошло уже много времени (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джяутас против Литвы», § 60, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Адамсоны против Латвии», § 129). В связи с этим мы отмечаем, что Закон об обнародовании сведений был принят менее чем через четыре года после того, как Эстония вновь обрела независимость, и менее чем через четыре месяца после того, как с ее территории были выведены последние находившиеся там подразделения Вооруженных сил бывшего Советского Союза, которые после его распада перешли под юрисдикцию Российской Федерации. Мы не думаем, что в таких обстоятельствах момент принятия Закона об обнародовании сведений можно считать отражением отсутствия реальной необходимости принимать предусмотренные этим законом меры (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии», § 131 со ссылками на другие обсуждающиеся там дела, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Цихопек и другие против Польши», § 143). Это относится и к опубликованию сведений конкретно о заявителе: мы понимаем, что вновь созданным органам безопасности Эстонии требуется время для сбора информации, которую они продолжают публиковать ежегодно по мере поступления материалов и доказательств из различных источников в условиях отсутствия полноценных архивов. Кроме того, как пояснялось выше, опубликование данных сведений выражало моральное осуждение не только службы заявителя в КГБ, но и его решения не признаваться в том, что он состоял на службе в КГБ, и не помогать новому демократическому режиму в ликвидации тоталитарного наследия. В этом контексте период времени, прошедший между решением заявителя не подавать заявление о признании и опубликованием сведений о нем, нельзя считать достаточным.

29. Кроме того, мы хотели бы обратить внимание на свидетельства того, что меры по борьбе с тоталитарным прошлым по-прежнему остаются актуальными, а именно на документы, принятые Советом Европы в 1996 и 2006 годах и Европейским парламентом в 2008 и 2009 годах, которые цитируются в §§ 41–44 настоящего Постановления. В частности, мы хотели бы подчеркнуть формулировки Резолюции ПАСЕ от 25 января 2006 г. № 1481(2006) «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов», в пункте 7 которой указано следующее:

«Ассамблея убеждена в том, что знание истории – это одно из необходимых условий для предотвращения подобных преступлений в будущем. Более того, моральная оценка и осуждение совершенных преступлений играют важную роль в воспитании молодых поколений. Четкая позиция

¹ *In fine* (лат.) – в конце (примеч. переводчика).

международного сообщества в отношении прошлого может стать ориентиром для их будущих действий».

Если рассматривать опубликование в 2004 году объявления о службе заявителя в КГБ еще и в этом контексте, оно не являлось ненадлежащей мерой.

30. Вместе с тем в дополнение к аспектам информирования и профилактики мы хотели бы отметить приведенные властями Эстонии тревожные и пугающие примеры случаев, когда лица, которые ранее состояли на службе в КГБ или сотрудничали с ним, выдавали иностранному государству сведения, составляющие государственную тайну, и были в связи с этим признаны виновными в государственной измене (см. § 54 настоящего Постановления).

Вывод

31. Принимая во внимание вышеизложенное, мы приходим к выводу, что в настоящем деле отсутствовало несоразмерное вмешательство в осуществление заявителем права на уважение его личной жизни и, соответственно, не было допущено нарушения статьи 8 Конвенции.

32. Кроме того, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что ранее в прецедентной практике не встречался такой вид реакции на сотрудничество с режимами прошлого. Тем не менее вопрос о приемлемых в данном контексте методах по-прежнему остается актуальным во многих государствах – членах Совета Европы (например, на Украине недавно был принят Закон «Об очищении власти» (закон о люстрации), на рассмотрении Европейского Суда находятся также дела по жалобам на Македонию (№№ 78392/14 и 229/15).

33. Мы полагаем, что вывод о нарушении Конвенции в настоящем деле поднимает серьезный вопрос, касающийся толкования и применения статьи 8 Конвенции в этом контексте. На наш взгляд, отсутствуют основания прийти к выводу, что простое опубликование сведений при наличии достаточно эффективных гарантий, а это, вне всяких сомнений, самая мягкая форма индивидуализированного морального осуждения сотрудничества с тоталитарными режимами, противоречит конвенционным ценностям.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА (Четвертая Секция)

Дело «Аурелиан Опря (Aurelian Oprea) против Румынии»¹ (Жалоба № 12138/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 19 января 2016 г.

По делу «Аурелиан Опря против Румынии» Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Андраша Шайо, *Председателя Палаты,*

Винсента А. де Гаэтано,

Боштяна М. Зупанчича,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Эгидиуса Куриса,

Юлии Антоанеллы Моток,

Габриэль Куцко-Штадльмайер, *судей,*

а также при участии Фатоша Араджи, *заместителя Секретаря Секции Суда,*

заседая за закрытыми дверями 15 декабря 2015 г.,

вынес в указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 12138/08, поданной против властей Румынии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Румынии Аурелианом Опря (далее – заявитель) 29 февраля 2008 г.

2. Власти Румынии (далее также – власти государства-ответчика) были представлены Уполномоченным Румынии в Европейском Суде по правам человека И. Камбрия (*I. Cambrea*), сотрудницей Министерства иностранных дел Румынии.

3. Заявитель утверждал, что вопреки требованиям статьи 10 Конвенции властями Румынии было нарушено его право на свободу выражения мнения.

4. 19 мая 2011 г. жалоба была коммуницирована властям Румынии.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1943 года рождения, проживает в г. Бухаресте.

A. Предыстория дела

6. В период, относящийся к обстоятельствам дела, заявитель являлся штатным преподавателем, доцентом (*conferențiar universitar*) Университета агрономических наук и ветеринарной медицины (далее – университет) – государственного высшего учебного заведения.

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева (*примеч. редактора*).

² Настоящее Постановление вступило в силу 19 апреля 2016 г. в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

7. В 2002–2005 годах заявитель неоднократно обращался в администрацию университета и Министерство образования Румынии с просьбой ввести на его кафедре должность профессора. Он утверждал, что отвечает всем профессиональным требованиям для того, чтобы занять эту должность. 23 марта 2005 г. ректор сообщил заявителю, что по финансовым и иным объективным причинам отсутствует возможность ввести новую должность профессора.

8. Заявитель также является членом некоммерческой организации «Европейская ассоциация университетских преподавателей в Румынии» (далее – Ассоциация). Ее основная цель заключается в том, чтобы остановить ухудшение образовательных и исследовательских стандартов, предавая огласке злоупотребления, незаконные действия и коррупцию в системе образования.

В. Публикация статей о коррупции в университетах

9. 8 марта 2005 г. в газете «Свободная Румыния» (*România liberă*) была опубликована статья журналиста С.А., которая называлась «Коррупция в университетах». В статье говорилось, что в Университете агрономических наук и ветеринарной медицины отмечались случаи кражи интеллектуальной собственности и плагиата. По этому поводу журналист утверждал, что О.А.А. опубликовала книгу, которая по большей части (на 80%) повторяла содержание другой книги. Несмотря на это, она работала преподавателем в университете, находясь под защитой его проректора, профессора Н.К.И., который являлся научным редактором книги.

10. 7 июня 2005 г. в той же газете была опубликована еще одна статья С.А., которая называлась «Университетский преподаватель изгнан за то, что он вскрыл коррупцию в университете». В статье рассказывалось о заявителе, который поставил в известность декана и ректора университета о плагиате О.А.А., а после того, как по его обращению не было принято никаких мер, сообщил об этом прессе. Несмотря на то, что Закон № 571/2004 гарантирует защиту работникам, сообщившим о нарушениях закона в государственных органах и учреждениях, заявитель был приглашен на заседание, организованное ректором 14 марта 2005 г., на котором его спросили, почему он поставил в известность прессу. 19 апреля 2005 г. проректор и декан факультета, на котором работал заявитель, провели еще одно совещание. Под предлогом перераспределения помещений факультета они освободили лабораторию, которую заявитель использовал для исследований и проведения практических занятий со своими студентами.

С. Пресс-конференция 3 августа 2005 г.

11. 3 августа 2005 г. ассоциация провела пресс-конференцию, главной темой которой стала коррупция в университетах. Для обсуждения были представлены семь предполагаемых случаев коррупции. Члены ассоциации рассказывали о коррупции в других университетах, а заявитель в качестве генерального секретаря ассоциации произнес речь о коррупции в своем университете. Он сослался на эпизоды с участием своей коллеги О.А.А. и Н.К.И., проректора университета. О.А.А. опубликовала книгу «Химия вина», которая, по утверждениям заявителя, в основном (на 80%) повторяла содержание книги «Энология», опубликованной в 1994 году другим автором. Кроме того, заявитель отметил, что книга «Химия вина» была написана под непосредственным контролем и руководством Н.К.И., который написал панегирическое предисловие к книге.

12. Заявитель критиковал деятельность Н.К.И. по руководству программой «АГРАЛ» (AGRAL), связанной с государственным финансированием научно-исследовательских институтов. Заявитель утверждал, что Н.К.И. выделял финансирование только тем институтам, от которых он мог получить личную выгоду.

13. Кроме того, заявитель отмечал, что Н.К.И. пользуется преференциями, так как в прошлом он был секретарем Коммунистической партии Румынии. По словам заявителя, Н.К.И. занимает слишком много должностей, чтобы иметь возможность полноценно справляться со своими обязанностями: он является профессором в нескольких университетах, проректором Университета агрономических наук и ветеринарной медицины, председателем Общества вина и виноградарства Румынии, а также директором программы «АГРАЛ» по государственному финансированию научно-исследовательских институтов. Кроме того, он заведует кафедрой виноградарства и энологии.

14. Кроме того, заявитель утверждал, что Н.К.И. причастен к противодействию научным исследованиям и что на кафедре виноградарства и энологии, которой заведует Н.К.И., сложилась организация мафиозного типа (*incregătură de tip mafiot*).

15. Большую часть этих утверждений повторил автор статьи «Преподаватель Питештского университета обвиняется в коррупции», опубликованной в еженедельной газете «Импакт ин Арджеш» (*Impact în Argeş*) за 26–30 сентября 2005 г.

D. Объединенное производство по уголовному и гражданскому делу по обвинению заявителя в клевете

16. 10 ноября 2005 г. Н.К.И. подал заявление о возбуждении уголовного дела в отношении заявителя вместе с заявлением о привлечении его к гражданской ответственности в связи с клеветой. Он утверждал, что газета «Импакт ин Арджеш» опубликовала статью, содержащую мнение заявителя, которое он высказал на пресс-конференции 3 августа 2005 г.

17. В качестве доказательства заявитель предоставил в Суд муниципалитета г. Бухареста множество документов. Он предоставил справки из различных университетов, в которых преподавал Н.К.И., устав ассоциации, документы о программе «АГРАЛ», в том числе список руководителей программы, и несколько писем научно-исследовательского института г. Одобешти (*Odobeşti*), в котором проводила исследования О.А.А. Кроме того, он приложил несколько газетных статей с критическими замечаниями в адрес Н.К.И. и О.А.А.

18. 13 февраля 2006 г. Н.К.И. дал в суде показания. Он признал, что совмещал должности ректора университета, председателя Общества вина и виноградарства Румынии и директора программы «АГРАЛ» по государственному финансированию исследовательских институтов. Он также отметил, что еще до пресс-конференции заявитель допускал клеветнические высказывания в его адрес в письмах ректору университета, декану факультета энологии и в Министерство образования.

19. 13 марта 2006 г. суд заслушал в качестве свидетеля защиты заявителя С.А., одного из журналистов, который писал статьи о предполагаемой коррупции в университете (см. §§ 9 и 10 настоящего Постановления). Свидетель заявил, что он присутствовал на пресс-конференции 3 августа 2005 г. По поводу утверждения заявителя о том, что в несправедливости выделения государственных средств на научные исследования виноват Н.К.И., журналист пояснил, что из увиденных им документов по этому вопросу, в частности, расчетных листков по заработной плате и отчетов, ему стало ясно, что при обращении с исследователями, работающими в исследовательских институтах и университете, имеет место дискриминация. Очень большие выплаты, которые получали некоторые штатные сотрудники университета, убедили заявителя в том, что государственное финансирование получали лишь те исследовательские институты, которые согласились принять преподавателей, одобренных истцом. Далее журналист упомянул о том, что истец совмещает несколько преподавательских должностей в разных университетах. Наконец, журналист отметил, что в основе его статей об университете лежат не только материалы, предоставленные ассоциацией, но и документы из других источников, назвать которые он не может.

20. Решением от 17 апреля 2006 г. Суд муниципалитета г. Бухареста оставил заявление о возбуждении в отношении заявителя уголовного дела без удовлетворения. Он пришел к выводу, что, хотя заявитель и не может доказать правдивость своих утверждений, отсутствует один из элементов состава преступления клеветы, а именно умысел на причинение вреда репутации Н.К.И. Кроме того, суд постановил, что заявитель, будучи убежден в правильности своих высказываний, хотел всего лишь рассказать о коррупции в университете. В частях, касающихся настоящего дела, в решении суда указано следующее:

«В настоящем деле ответчик не доказал правдивость сделанных им заявлений, несмотря на то, что 13 февраля 2006 г. суд (приняв во внимание, что нравственные основы и законность системы образования в университетах, очевидно, являются вопросом, представляющим интерес для общества, а также что интерес общества и органов власти в получении информации по этому поводу является серьезным и правомерным в соответствии со статьей 207 Уголовного кодекса и преце-

дентной практикой Европейского Суда (дело «Кастеллс против Испании»¹ и дело «Коломбани против Франции»²)) признан допустимыми все представленные в его пользу доказательства...

Кроме того, предоставленные ответчиком документы (предисловие к книге, подписанное потерпевшим (Н.К.И.), копии обложек книг «Химия вина» и первоисточника, книги «Энология», главы из этих двух книг) не являются доказательством того, что потерпевшая сторона поощряла плагиат.

На основании некоторого сходства двух указанных выше работ по форме и содержанию, которое можно отметить, сопоставив некоторые главы, нельзя сделать вывод, будто потерпевшая сторона виновна в том, что он не осудил плагиат. Подобный вывод означал бы, что потерпевшая сторона прекрасно знала ранее опубликованную книгу и что она провела сравнительный анализ обеих работ, отметив некоторые несоответствия, которые он проигнорировал...

Однако задача этого предисловия (как и любого предисловия вообще) заключается в том, чтобы выразить мнение о работе... и оно не отражает объективную и критическую позицию...».

«Кроме того, ответчик не доказал, что потерпевшая сторона шантажировала исследовательские институты...

На основании предоставленных обвиняемым документов (копий листов учета заработной платы за март 2005 года, составленных исследовательским институтом г. Одобешти, сведений о заработной плате, которую этот институт выплачивал нескольким сотрудничавшим с ним ученым, а также отчета о проверке, проведенной в этом исследовательском институте по указанию министра сельского хозяйства 20 июля 2005 г.) нельзя сделать вывод, что потерпевшая сторона шантажировала исследовательский институт г. Одобешти...».

«Вместе с тем утверждения ответчика о том, что потерпевшая сторона незаслуженно получала прибыль, незаконно занимая несколько должностей, не были доказаны, так как потерпевшая сторона признала, что на законных основаниях занимает несколько публичных должностей, имея несколько источников дохода.

Утверждение ответчика о том, что потерпевшая сторона повредила различные виды гибридов, а затем продала теплицу, где ответчик проводил исследования, саботировав тем самым научные исследования, не подтверждается представленными доказательствами.

Протокол (*proces-verbal*), подписанный факультетом растениеводства и частной компанией, доказывает, что последняя арендовала здание и прилегающую к нему теплицу, в которой не выращивалось никаких растений, к тому же потерпевшая сторона данный протокол не подписывала.

При таких обстоятельствах, рассмотрев все доказательства, нельзя прийти к выводу, что ответчик доказал истинность изложенных им аспектов вне всякого разумного сомнения».

21. В отношении умысла заявителя на совершение клеветы суд первой инстанции отметил следующее:

«Суд отмечает, что заявления ответчика были сделаны в рамках пресс-конференции, организованной Европейской ассоциацией университетских преподавателей (генеральным секретарем которой является ответчик). Главными темами пресс-конференции были коррупция и незаконные действия в университетах, поскольку, как хорошо известно, основной задачей ассоциации является отслеживание нарушений в системе образования и предание их гласности.

Несмотря на то, что выступление ответчика было шокирующим и преувеличенным, его следует считать частью темы, представляющей интерес для общества, коррупции среди университетских преподавателей, и рассматривать его в контексте законодательной и нравственной реформы системы преподавания, то есть достижения цели, желательной для общества в целом.

Следует отметить, что до пресс-конференции 3 августа 2005 г. газета «Свободная Румыния» опубликовала статью, касающуюся плагиата в книге «Химия вина», а ассоциация подготовила доклад, касающийся ситуации с преподаванием в Румынии. В этом докладе указывалось, что преподаватели университета работают одновременно в нескольких университетах (на полную ставку (*cu normă întreagă*)) и что преподаватели, виновные в плагиате и мошенничестве в науке, сохраняют свои должности в университетах (являясь генеральным секретарем ассоциации, заявитель должен был знать об этом докладе). Изложенное доказывает, что ранее эта тема освещалась в различных публикациях и обсуждалась в публичном контексте.

¹ Постановление Европейского Суда по делу «Кастеллс против Испании» (*Castells v. Spain*) от 23 апреля 1992 г., Series A, № 236.

² Постановление Европейского Суда по делу «Коломбани и другие против Франции» (*Colombani and Others v. France*), жалоба № 51279/99, *ECHR* 2002-V.

В то же время еще один важный аспект заключается в том, что на конференции ответчик представил несколько документов, как то: таблицы учета рабочего времени (*fișe de pontaj*), отчеты, предисловие, написанное потерпевшим к книге «Химия вина», и экземпляры этой книги, при написании которой предположительно имел место плагиат... документы, которые ответчик считает доказательством предполагаемых действий.

Хотя данные документы не являются прямым доказательством совершения потерпевшей стороной вменяемых ей в вину действий, у ответчика из-за них сформировалось внутреннее убеждение, что потерпевшая сторона виновна в некоторых нарушениях.

В этом контексте, хотя и очевидно, что чести и репутации потерпевшей стороны объективно был причинен вред, суд полагает, что это стало следствием выступления, а не являлось его целью как таковой, поскольку выступающий выразил свою точку зрения как член ассоциации, а не как частное лицо, намереваясь внести вклад в освещение коррупции в университетах – темы, представляющей крайне высокий интерес для общества, о которой уже было известно прессе.

Исходя из изложенного суд считает, что при совершении указанных действий ответчик руководствовался не намерением бесосновательно причинить вред репутации потерпевшей стороны, а был убежден в том, что он предает огласке случай коррупции».

22. Суд частично удовлетворил заявление о привлечении заявителя к гражданской ответственности, обязав его выплатить компенсацию морального вреда в размере 3 000 румынских леев (около 860 евро). Суд заключил, что согласно применимым положениям гражданского права заявителя можно привлечь к ответственности за малейшую вину. В связи с этим заявителя обязали выплатить Н.К.И. компенсацию за то, каким образом он довел до сведения журналистов информацию о его профессиональной деятельности.

В частях, имеющих отношение к настоящему делу, в указанном решении сказано следующее:

«То, каким образом заявитель довел эту информацию до сведения журналистов, без четких доказательств, убедило их в правдоподобности представленных фактов (см. в связи с этим показания свидетеля С.А., а также статьи, опубликованные в ежедневных газетах «Импакт де Яссы» (*Impact de Iași*) и «Фортуна» (*Fortune*)).

Следовательно, предоставление поверхностной информации с большим количеством допущений и предположений является незаконным...

Относительно ответственности ответчика необходимо подчеркнуть, что вывод суда о добросовестности ответчика имеет значение только в контексте заявления о возбуждении в отношении него уголовного дела, поскольку для привлечения к гражданской ответственности суду достаточно установить малейшую вину.

Действительно, согласно прецедентной практике Европейского Суда лица, вскрывающие злоупотребления внутри своих организаций, могут делиться информацией по вопросам, представляющим интерес для общества, даже если она шокирует и тревожит, однако они должны принимать во внимание и требования защиты репутации других лиц, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 10 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фрессоз и Руар против Франции» (*Fressoz and Roire v. France*), жалоба № 29183/95, *ECHR* 1999-I)».

23. Сторонам разрешили обжаловать это решение по вопросам права. Решением, вынесенным 11 ноября 2006 г., Суд муниципалитета г. Бухареста оставил без удовлетворения заявление о возбуждении уголовного дела вследствие того, что в Уголовный кодекс Румынии были внесены изменения, отменившие уголовную ответственность за клевету. Заявление о привлечении к гражданской ответственности было оставлено без рассмотрения.

Е. Рассмотрение предъявленного к заявителю отдельного гражданского иска о компенсации ущерба

24. 13 декабря 2006 г. профессор Н.К.И. предъявил к заявителю отдельный гражданский иск о компенсации ущерба в Суд первой инстанции г. Бухареста по гражданским делам. Он утверждал, что некоторые высказывания заявителя на пресс-конференции 3 августа 2005 г. и в других местах представляют собой посягательство на его репутацию.

25. Заявитель предоставил в суд множество свидетельских показаний и документальных доказательств, стремясь доказать правильность своих высказываний. Он приобщил копии книг «Химия вина» и «Энология», выделив в них абзацы, которые, как он утверждал, были скопированы О.А.А. Кроме того, он предложил суду заслушать показания лиц, работающих в одном из

исследовательских институтов, доказывающие, что автор книги «Химия вина», «протеже» Н.К.И., числилась сотрудницей исследовательского института г. Одобешти, которому выделил финансирование Н.К.И., и получала там зарплату, ни разу не явившись туда на работу. Он пытался доказать, что Н.К.И. являлся преподавателем как минимум в трех университетах, хотя согласно действующему законодательству преподаватель не имеет права работать более чем в двух университетах.

26. 2 апреля 2007 г. Суд первой инстанции по гражданским делам г. Бухареста удовлетворил иск и присудил Н.К.И. 20 000 румынских леев в качестве компенсации морального вреда. Он постановил, что заявитель виновен в том, каким образом он довел указанную выше информацию о Н.К.И. до сведения журналистов, которые, будучи убеждены в правильности предоставленных им сведений, опубликовали их в газетах. Суд согласился с рассуждениями Суда муниципалитета г. Бухареста в решении от 17 апреля 2006 г., воспроизведя из него большую часть. Так, он, помимо прочего, пришел к выводу, что заявитель не доказал, что Н.К.И. поощрял плагиат, написав предисловие к книге «Химия вина», поскольку цель предисловия заключается в том, чтобы выразить мнение о работе, а не высказать критическую позицию. Кроме того, как постановил суд, заявитель не доказал, что Н.К.И. незаслуженно получал прибыль, незаконно занимая несколько должностей.

Заявителя также обязали возместить понесенные Н.К.И. судебные расходы.

27. Заявитель обжаловал это решение по вопросам права. Он утверждал, что предоставил достаточно много доказательств правильности своих высказываний о Н.К.И. По его мнению, суд воспринял его замечание, согласно которому «на кафедре энологии сложилась организация мафиозного типа» (*încregătură de tip mafiot*), как утверждение о том, что Н.К.И. «входит в организацию мафиозного типа». 30 октября 2007 г. Суд муниципалитета г. Бухареста оставил жалобу заявителя без удовлетворения, а решение суда первой инстанции – без изменения. Заявителя обязали возместить понесенные Н.К.И. судебные расходы.

28. 20 марта 2008 г. университет вынес решение об удержании одной трети месячной заработной платы заявителя в размере 27 877 леев (около 7 470 евро) в качестве компенсации морального вреда и судебных расходов, взысканной в пользу Н.К.И. судами Румынии.

Ф. Поданное ассоциацией заявление о возбуждении уголовного дела в отношении О.А.А. по подозрению в плагиате

29. В неуказанную дату ассоциация подала заявление о возбуждении уголовного дела в отношении О.А.А., обвинив ее в плагиате. 20 марта 2007 г. прокуратура при Суде муниципалитета г. Бухареста решила не возбуждать уголовное дело в отношении О.А.А. на основании того, что заявление не было подано потерпевшим. Однако она отметила сходство значительной части двух книг: «Химия вина» и «Энология».

30. 6 мая 2009 г. ассоциация совместно с автором книги «Энология» подала еще одно заявление о возбуждении уголовного дела в отношении О.А.А. Кроме того, они обвинили Н.К.И. в соучастии в плагиате О.А.А. в качестве научного руководителя книги. 17 ноября 2010 г. прокуратура при Суде муниципалитета г. Бухареста прекратила расследование в связи с истечением установленных законом сроков давности привлечения к ответственности за плагиат.

Г. Дисциплинарное производство в отношении заявителя

31. 3 октября 2006 г. заявитель обжаловал решение университета, которым была снижена размер его заработной платы за апрель и май 2006 года в связи с его отсутствием на рабочем месте без уважительных причин. Заявитель утверждал, что эта мера являлась незаконной, так как табели учета рабочего времени, в которых регистрируется присутствие на рабочем месте, были введены в университете только в июне 2006 года. Вместе с тем он привел доказательства, согласно которым в указанные дни он был на работе. Среди прочего заявитель отметил, что фактически его наказали за конфликт с руководством университета, рассказав о том, что проректор поощрял плагиат.

32. Решением от 26 марта 2007 г. Коллегия по трудовым спорам Суда муниципалитета г. Бухареста удовлетворила жалобу заявителя и обязала университет выплатить ему суммы, удержанные с его заработной платы.

жанные из его заработной платы за апрель и май 2006 года. Суд постановил, что согласно статье 287 Трудового кодекса Румынии бремя доказывания лежит на работодателе заявителя, а тот не смог предоставить юридических документов, которые могли бы служить доказательством отсутствия заявителя на рабочем месте без уважительных причин.

33. 19 июня 2006 г. университет принял решение применить к заявителю дисциплинарное взыскание, в силу которого заявитель на два года лишился права претендовать на более высокую преподавательскую должность, получать преподавательскую степень или занимать руководящие должности. Это взыскание было наложено по следующим основаниям: (i) отсутствие на нескольких занятиях и учебных мероприятиях без уважительных причин, (ii) невыполнение учебного плана и (iii) пренебрежение решениями администрации факультета и руководства кафедрой об освобождении места для исследовательской лаборатории и игнорирование этих решений.

34. Заявитель обжаловал это решение в Суде муниципалитета г. Бухареста.

35. 25 мая 2007 г. Суд муниципалитета г. Бухареста отметил, что иск заявителя остается беспредметным, поскольку университет решил отменить свое решение от 19 июня 2006 г.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РУМЫНИИ И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

36. Согласно статье 72 Закона Румынии № 128/1997 «О статусе профессорско-преподавательского состава» в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела, не допускалось совмещение руководящих должностей ректора, проректора, декана, заместителя декана и заведующего кафедрой или исследовательским подразделением.

37. В статье 214 Закона Румынии № 1/2011 «Об образовании» содержатся аналогичные положения.

38. Имеющие отношение к настоящему делу положения Гражданского кодекса и Уголовного кодекса Румынии о клевете и обязанности выплачивать компенсацию, которые действовали в период времени, фигурирующий по делу, приведены в Постановлении Европейского Суда по делу «Стангу и Скутельнику против Румынии» (*Stângu and Scutelnicu v. Romania*) от 31 января 2006 г., жалоба № 53899/00, §§ 30–31, и в Постановлении Европейского Суда по делу «Барб против Румынии» (*Barb v. Romania*) от 7 октября 2008 г., жалоба № 5945/03, §§ 19–20.

39. В Уголовный кодекс Румынии неоднократно вносились изменения, а в 2006 году статьи об уголовной ответственности за оскорбление и клевету были исключены (см. подробнее Постановление Европейского Суда по делу «Кук Паску против Румынии» (*Cuc Pascu v. Romania*) от 16 сентября 2008 г., жалоба № 36157/02, §§ 12–14).

40. Однако в Постановлении от 18 января 2007 г. № 62 Конституционный суд Румынии объявил исключение из Уголовного кодекса статей об уголовной ответственности за оскорбление и клевету неконституционным.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

41. Заявитель жаловался на то, что властями Румынии было допущено вмешательство в осуществление им права на свободу выражения мнения и что это вмешательство привело к нарушению статьи 10 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые пре-

дусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе... для... защиты репутации или прав других лиц...».

А. Приемлемость жалобы

42. Европейский Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд также отмечает, что она не является неприемлемой для рассмотрения по существу по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

43. Заявитель утверждал, что он выступил с оспариваемыми утверждениями на пресс-конференции 3 августа 2005 г. в качестве генерального секретаря ассоциации, а не от своего собственного имени. В связи с этим он отмечал, что, как указано в уставе ассоциации, ее основной задачей является информирование общества и компетентных органов власти о нарушениях закона и профессиональной этики преподавателями университета. Главной причиной организации пресс-конференции 3 августа 2005 г. была обеспокоенность ассоциации постоянным снижением образовательных стандартов в университетах Румынии. Особое беспокойство вызывало увеличение количества случаев плагиата и то, что многие преподаватели работают в нескольких университетах одновременно и участвуют в сторонних мероприятиях, в связи с чем у них не остается достаточно времени на подготовку и на то, чтобы полноценно заниматься преподавательской деятельностью.

44. Заявитель также подчеркивал, что еще до 8 марта 2005 г. средства массовой информации без его участия предали огласке допущенный О.А.А. плагиат.

45. Как утверждал заявитель, нужно считать, что высказывания на пресс-конференции поставили общество в известность о незаконном и аморальном поведении на его кафедре. В связи с этим он оспаривал утверждение властей государства-ответчика, согласно которому он выступил с оспариваемыми заявлениями в основном из-за разочарования отказом университета ввести для него должность профессора.

46. По мнению заявителя, его добросовестность доказывается тем, что он мог бы привлечь внимание общества к сообщенным им фактам, оставшись при этом анонимным источником, тем не менее он не прятался, потому что был убежден в правдивости своих заявлений.

Кроме того, заявитель, ссылаясь на Закон Румынии «Об информаторах общества», утверждал, что он пользуется презумпцией добросовестности и власти Румынии не опровергли эту презумпцию.

47. Далее заявитель ссылался на доказательства, которые он положил в основу своих утверждений в отношении Н.К.И.

Во-первых, относительно своего утверждения о том, что Н.К.И. использовал должность управляющего программами «АГРАЛ» в своих интересах, заявитель отмечал, что протееже Н.К.И., О.А.А., заплатила значительные суммы в качестве взноса в программу с одобрения Н.К.И. Заявитель предоставил в суды Румынии документы, подкрепляющие его довод.

Во-вторых, что касается утверждения о том, что Н.К.И. совмещает несколько руководящих должностей, которые по закону нельзя занимать одновременно, заявитель указал, что, как признал Н.К.И., он является заведующим кафедрой энологии с 1992 года, а также проректором университета, директором программы «АГРАЛ» и председателем Общества виноградарства и энологии Румынии.

Наконец, относительно своего аргумента о том, что Н.К.И. противодействовал исследовательской деятельности, заявитель пояснил, что теплица, которую он использовал в исследовательских целях, была сдана в аренду коммерческой компании. Кроме того, он отмечал, что прежде, чем передать теплицу в аренду, из нее вынесли и выбросили гибриды, являющиеся результатом его исследовательской деятельности.

48. Власти Румынии не высказали возражений в отношении того, что решение, которым суд Румынии обязал заявителя выплатить Н.К.И. компенсацию морального вреда, представляет собой вмешательство в осуществление заявителем свободы выражения мнения. Вместе с тем они отмечали, что это вмешательство было основано на статьях 998–999 Гражданского кодекса Румынии в редакции, действовавшей в период времени, относящийся к обстоятельствам дела. Правомерная цель, которую преследовали власти Румынии, заключалась в защите репутации и достоинства иных лиц, как предусмотрено пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

49. В то же время власти Румынии подчеркивали, что, хотя заявитель и не является журналистом, оспариваемая газетная статья отражает мнение, которое он выразил на пресс-конференции.

50. С точки зрения властей Румынии то, что заявитель рассказал о своей университетской кафедре на пресс-конференции, не является информированием о злоупотреблениях. Они полагали, что добросовестность заявителя вызывает вопросы, и утверждали, что фактически он предал огласке предполагаемый случай коррупции в университете из-за разочарования отказом назначить его на должность профессора университета, несмотря на его неоднократные просьбы.

51. Кроме того, власти Румынии утверждали, что, хотя потерпевший от действий заявителя и пользуется определенной известностью в качестве проректора и профессора университета, он не является ни политиком, ни общественным деятелем.

52. Наконец, власти Румынии заявили, что при вынесении решений по делу суды Румынии опирались на достаточные и применимые соображения. Относительно процессуальных гарантий, которые были обеспечены заявителю при рассмотрении дела, власти Румынии отмечали, что заявителю разрешили предоставить множество документальных доказательств и свидетельских показаний, подкрепляющих его утверждения.

2. Мнение Европейского Суда

53. Стороны по делу не оспаривали, что вступившее в силу судебное решение по иску Н.К.И. являлось вмешательством в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения, которое гарантируется пунктом 1 статьи 10 Конвенции (см. § 26 настоящего Постановления). Соответственно, Европейский Суд считает: то, что заявителя обязали выплатить Н.К.И. сумму в размере 27 877 румынских леев (20 000 леев в качестве компенсации морального вреда и 7 877 леев в качестве возмещения судебных расходов), представляло собой вмешательство публичных властей в осуществление им права на свободу выражения мнения, гарантированного пунктом 1 статьи 10 Конвенции.

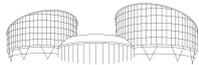
(a) Было ли вмешательство предусмотрено законом, и преследовало ли оно правомерную цель

54. Указанное вмешательство было «предусмотрено законом» (статьями 998–999 Гражданского кодекса Румынии в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела) и преследовало правомерную цель, которая заключалась в защите прав других лиц по смыслу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции.

(b) Было ли вмешательство необходимым в демократическом обществе

55. В настоящем деле споры вызывает вопрос о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

56. Критерий необходимости вмешательства в демократическом обществе требует от Европейского Суда выяснять, соответствовало ли оно «настоятельной общественной потребности». При определении того, существует ли такая потребность, государства-участники пользуются определенными пределами усмотрением, но они подлежат общеевропейскому контролю, который распространяется и на соответствующие правовые нормы, и на решения по их применению (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Издательство “Маркт Интерн Ферлаг ГмбХ” и Клаус Беерманн против Германии» (Markt Intern Verlag GmbH and Klaus Beermann v. Germany) от 20 ноября 1989 г., § 33, Series A, № 165, а также Постановление Европейского

Суда по делу «Сосиновская против Польши» (*Sosinowska v. Poland*) от 18 ноября 2011 г., жалоба № 10247/09, § 70). Следовательно, Европейский Суд вправе вынести окончательное решение по поводу того, совместимо ли «ограничение» со свободой выражения мнения в том виде, в котором она охраняется статьей 10 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тушалп против Турции» (*Tuşalp v. Turkey*) от 21 февраля 2012 г., жалобы №№ 32131/08 и 41617/08, § 41).

57. Особое внимание следует уделять определению того, насколько вмешательство государства в осуществление заявителем свободы выражения мнения было соразмерно интересу общества в разглашенной им информации. В связи с этим Европейский Суд напоминает, что пункт 2 статьи 10 Конвенции допускает лишь незначительные ограничения дискуссий по вопросам, представляющим интерес для общества (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии» (*Stoll v. Switzerland*), жалоба № 69698/01, § 106, *ECHR* 2007-XIV, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства» (*Animal Defenders International v. United Kingdom*), жалоба № 48876/08, § 102, *ECHR* 2013 (извлечения)).

58. Задача Европейского Суда при осуществлении его контрольных полномочий заключается не в том, чтобы поставить себя на место компетентных внутригосударственных судов, а в том, чтобы проверить решения, принятые этими судами на основании предоставленных им пределов усмотрения, на предмет их соответствия требованиям статьи 10 Конвенции. В частности, Европейский Суд должен определить, являются ли соображения, приведенные властями государства-ответчика в качестве оправдания вмешательства, «уместными и достаточными, и действительно ли принятые меры были «соразмерны преследуемым правомерным целям». При этом Европейский Суд должен удостовериться, что власти страны, опираясь в своих решениях на допустимую оценку соответствующих обстоятельств дела, применяли стандарты, которые не противоречат принципам, закрепленным в статье 10 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лендон, Очакковский-Лоран и Жюли против Франции» (*Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France*), жалобы №№ 21279/02 и 36448/02, § 45, *ECHR* 2007-IV, и Постановление Европейского Суда по делу «Менги против Турции» (*Mengi v. Turkey*) от 27 ноября 2012 г., жалобы №№ 13471/05 и 38787/07, § 48).

59. Относительно применения статьи 10 Конвенции к рабочему месту Европейский Суд приходил к выводу, что, когда человек, работающий в публичном секторе, сообщает о незаконных или недобросовестных действиях по месту работы, при определенных обстоятельствах он должен пользоваться защитой. Она может быть особенно необходима, когда данный работник или гражданский государственный служащий является единственным человеком или входит в небольшую категорию лиц, знающих о том, что происходит на работе, а значит, находится в лучшем положении для того, чтобы действовать в общих интересах, предупредив своего работодателя или общество в целом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хайниш против Германии» (*Heinisch v. Germany*), жалоба № 28274/08, § 63, *ECHR* 2011 (извлечения)). В то же время Европейскому Суду известно о том, что наемные работники обязаны проявлять по отношению к своему работодателю лояльность, сдержанность и осмотрительность (см. Постановление Европейского Суда по делу «Марченко против Украины» (*Marchenko v. Ukraine*) от 19 февраля 2009 г., жалоба № 4063/04, § 45).

60. Кроме того, при исполнении своих обязанностей по осуществлению общеевропейского надзора Европейский Суд должен проверять, удалось ли внутригосударственным органам власти достичь справедливого равновесия при защите двух гарантированных Конвенцией ценностей, которые в этой категории дел могут вступать в противоречие друг с другом, а именно свободы выражения мнения, охраняемой статьей 10 Конвенции, с одной стороны, и права человека, ставшего объектом посягательств, на защиту своей репутации, которое охраняется статьей 8 Конвенции как элемент права на уважение личной жизни (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии» (*Cumpănă and Mazăre v. Romania*), жалоба № 33348/96, §§ 90–91, *ECHR* 2004-XI).

61. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что пресс-конференция 3 августа 2005 г. была посвящена вопросу о коррупции в университетах Румынии. В связи с этим заявитель сослался на нарушения, выявленные в его собственном университете, учебном заведении, которое финансируется за счет средств государства. Он выступил с критикой некоторых аспектов профессиональной деятельности Н.К.И., который занимает весьма ответственные должности проректора университета и заведующего кафедрой виноградарства и энологии.

62. Заявитель утверждал, что под контролем и руководством Н.К.И. его коллега О.А.А. допустила плагиат. Кроме того, заявитель был убежден в том, что на основе списанной книги О.А.А. была повышена в должности и стала доцентом.

63. Вместе с тем заявитель выступил с критикой по поводу того, как Н.К.И. руководил программой «АГРАЛ», и того, что он совмещает несколько руководящих должностей, которые, как отмечал заявитель, согласно закону нельзя занимать одновременно (см. § 40 настоящего Постановления).

64. Европейский Суд отмечает, что суды Румынии поместили замечания заявителя в более широкий контекст обсуждения, вызванного обеспокоенностью общества увеличением количества случаев коррупции в университетах страны. Они признали, что его утверждения касались вопроса, представляющего интерес для общества, а именно законности и нравственных основ университетского образования (см. §§ 20 и 21 настоящего Постановления).

65. С учетом вышеизложенного Европейский Суд приходит к выводу, что высказывания заявителя касаются важных в демократическом обществе вопросов, а у общества есть правомерный интерес в получении информации по этим вопросам, особенно ввиду положения, которое занимает истец в соответствующем учреждении. Таким образом, Европейский Суд считает, что утверждения заявителя представляют интерес для общества.

66. Относительно правильности утверждений заявителя Европейский Суд напоминает, что свобода выражения мнения сопряжена с обязанностями и ответственностью и что человек, решающий сообщить какие-то сведения, должен тщательно их проверить, насколько это позволяют обстоятельства, их правильность и достоверность (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания "Бладет Тромсё" и Стенсаас против Норвегии» (*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*), жалоба № 21980/93, § 65, *ECHR* 1999-III).

67. В ходе разбирательства по своему делу заявитель попытался доказать обоснованность своих утверждений, предоставив множество документальных доказательств.

68. Суды Румынии пришли к выводу, что заявитель не доказал правдивость своих утверждений, однако они отметили, что у него не было намерения причинить вред репутации Н.К.И. и что он исходил из убеждения, что предаст огласке случай коррупции (см. § 21 настоящего Постановления).

69. Что касается мотивов действий заявителя, то он утверждал, что его действия были продиктованы стремлением предать огласке информацию о злоупотреблениях. Европейский Суд не считает, что в настоящем деле речь идет о разглашении подобного рода сведений (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Рубин против Латвии» (*Rubins v. Latvia*) от 13 января 2015 г., жалоба № 79040/12, § 87). Вместе с тем Европейский Суд принимает во внимание, что причины, по которым заявитель выступил с оспариваемыми утверждениями, как он сам поясняет эти причины, имеют отношение к определению соразмерности вмешательства государства в осуществление заявителем свободы выражения мнения.

70. В связи с этим Европейский Суд отмечает следующее: хотя заявитель и утверждает, что его высказывания на пресс-конференции были вызваны в основном обеспокоенностью ассоциации, членом которой он в то время являлся, непрерывным ухудшением образовательных стандартов в университетах Румынии, власти государства-ответчика заявляли, что в действительности он выступил с оспариваемыми заявлениями из-за разочарования отказом назначить его на должность профессора университета.

71. На основании имеющихся в его распоряжении материалов, даже если предположить, что разочарование заявителя отказом назначить его на должность профессора могло послужить дополнительным мотивом для его действий, у Европейского Суда нет оснований сомне-

ваться в том, что заявитель действовал добросовестно и исходил из убеждения, что предание предполагаемых нарушений в его университете широкой огласке отвечает интересам общества. Европейский Суд полагает, что, даже если заявитель в определенной степени позволил себе преувеличения и обобщения, его утверждения не совсем лишены фактических оснований и не представляют собой необоснованный личный выпад в адрес Н.К.И. и О.А.А.

Европейский Суд отмечает, что заявитель поставил в известность ректора университета и Министерство образования Румынии о нарушениях, которые, по его мнению, были допущены при руководстве возглавляемой Н.К.И. кафедрой, прежде чем сообщать о них прессе. После того, как по его обращениям не было принято конкретных мер, чтобы изменить ситуацию, заявитель предал эти нарушения огласке на пресс-конференции 3 августа 2005 г.

72. Далее Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, причинило ли обнародование указанных сведений какой-либо ущерб Н.К.И. и если да, то какой именно, а также перевесил ли этот ущерб интерес общества в получении разглашенной информации.

73. Европейский Суд отмечает, что истец, Н.К.И., являлся проректором университета и заведующим кафедрой энологии. Следовательно, на момент организации пресс-конференции он занимал важные руководящие должности в университете, который финансируется за счет государства. Таким образом, можно было ожидать, что по отношению к нему допустимо более пристальное внимание общества, чем к частному лицу, пусть даже оно и могло негативно отразиться на его чести и репутации, особенно с учетом контекста тех обстоятельств, о которых идет речь в настоящем деле.

74. Критика заявителем заведующего кафедрой касалась его действий и взглядов в качестве должностного лица, а не его частной жизни. В связи с этим Европейский Суд напоминает, что в отношении высокопоставленных государственных служащих, выступающих в официальном качестве, допустимы более широкие границы критики, чем в отношении частных лиц (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тома против Люксембурга» (Thoma v. Luxembourg), жалоба № 38432/97, § 47, ECHR 2001-III, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Педерсен и Баадсгаард против Дании» (Pedersen and Baadsgaard v. Denmark), жалоба № 49017/99, § 80, ECHR 2004-XI, Постановление Европейского Суда по делу «Мамер против Франции» (Mamère v. France), жалоба № 12697/03, § 27, ECHR 2006-XIII, а также Постановление Европейского Суда по делу «Дюндин против Российской Федерации» (Dyundin v. Russia) от 14 октября 2008 г., жалоба № 37406/03¹, § 26).

75. Европейский Суд считает, что судам Румынии не удалось убедительно установить, что вмешательство, о котором идет речь в деле, причинило какой-то вред Н.К.И. лично или негативно отразилось на его карьере.

76. Далее Европейский Суд напоминает, что при определении того, соразмерно ли вмешательство преследуемой правомерной цели, требуется внимательно проанализировать назначенное заявителю наказание и его последствия (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фуэнтес Бобо против Испании» (Fuentes Bobo v. Spain) от 29 февраля 2000 г., жалоба № 39293/98, § 49).

77. В связи с утверждениями, сделанными заявителем на пресс-конференции 3 августа 2005 г., его обязали выплатить Н.К.И. 27 877 румынских леев (20 000 леев в качестве компенсации морального вреда и 7 877 леев в качестве возмещения судебных расходов) (около 7 470 евро).

78. Действительно, производство по возбужденному в отношении заявителя уголовному делу было прекращено. Однако хотя заявитель и не уточнил, каким был его ежемесячный заработок в период, относящийся к обстоятельствам дела, Европейский Суд считает, что компенсация, которую его обязали выплатить истцу по результатам рассмотрения гражданского иска, была значительной (см. §§ 26 и 28 настоящего Постановления) по сравнению с доходами и ресурсами преподавателей и ученых в Румынии.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 8 (примеч. редактора).

(с) *Вывод*

79. Учитывая важность права на свободу выражения мнения по вопросам, представляющим интерес для общества... и сопоставив иные различные интересы, Европейский Суд приходит к выводу, что вмешательство государства в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения не было «необходимо в демократическом обществе».

80. Следовательно, по делу имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

81. Наконец, заявитель жаловался на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с тем, что суды Румынии оставили без удовлетворения его ходатайство о проведении финансовой экспертизы и не ответили на все его доводы. Со ссылкой на статью 11 Конвенции заявитель утверждал, что его привлекли к ответственности за высказывания, с которыми он выступил как генеральный секретарь некоммерческой организации, а не как частное лицо.

82. Однако с учетом всех имеющихся в его распоряжении материалов и насколько рассматриваемые вопросы относятся к его компетенции, Европейский Суд приходит к выводу, что они не содержат признаков нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией и Протоколами к ней.

Следовательно, эти жалобы являются явно необоснованными и должны быть отклонены в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

83. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

84. Заявитель требовал взыскать в его пользу 10 000 евро в качестве компенсации материального ущерба, что соответствует сумме, которую его обязали выплатить Н.К.И. для компенсации морального вреда и судебных издержек. Кроме того, заявитель требовал выплаты 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

85. Власти Румынии считали эти требования чрезмерными. По их мнению, вывод о нарушении Конвенции представляет собой достаточную компенсацию любого причиненного заявителю ущерба или вреда.

86. Европейский Суд отмечает, что 20 марта 2008 г. университет вынес решение об удержании одной трети месячной заработной платы заявителя в размере 27 877 леев (около 7 470 евро) (см. § 28 настоящего Постановления). Следовательно, Европейский Суд присуждает ему 7 470 евро в качестве компенсации материального ущерба. С другой стороны, Европейский Суд присуждает заявителю 4 500 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. Судебные расходы и издержки

87. Заявитель требовал взыскать в его пользу 3 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в связи с оплатой услуг адвокатов и переводчиков при рассмотрении дела судами Румынии и Европейским Судом.

88. Власти Румынии оспаривали это требование, указывая на то, что заявитель не предоставил соответствующих документов, оправдывающих все предполагаемые расходы. Они утверждали, что заявитель представил доказательства, которые оправдывают компенсацию суммы в размере 3 035 леев (около 720 евро).

89. Согласно прецедентной практике Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных издержек и расходов лишь постольку, поскольку было доказано, что они были фактически понесены, необходимы и не превышали разумных пределов. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Европейский Суд считает целесообразным присудить заявителю 720 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек при рассмотрении его дела судами Румынии и Европейским Судом.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

90. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *объявил* единогласно жалобу, касающуюся нарушения статьи 10 Конвенции, приемлемой для рассмотрения по существу, а оставшуюся часть – неприемлемой;

2) *постановил* шестью голосами «за» и одним – «против», что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

3) *постановил* шестью голосами «за» и одним – «против, что:

(a) государство-ответчик в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции обязано выплатить заявителю следующие суммы с переводом этих сумм в денежные единицы государства-ответчика по курсу обмена валюты, действующему на день выплаты:

(i) 7 470 евро (семь тысяч четыреста семьдесят евро) плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с указанной суммы, в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 4 500 евро (четыре тысячи пятьсот евро) плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с указанной суммы, в качестве компенсации морального вреда;

(iii) 720 евро (семьсот двадцать евро) плюс любые налоги, которые, возможно, должен будет уплатить заявитель, в качестве возмещения судебных издержек и расходов;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

4) *отклонил* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 19 января 2016 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош АРАДЖИ
Заместитель Секретаря Секции Суда

Андраш ШАЙО
Председатель Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается отдельное мнение судьи Андраша Шайо.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ АНДРАША ШАЙО

К сожалению, я не могу согласиться с большинством судей в настоящем деле, поскольку не считаю установленным нарушение статьи 10 Конвенции.

По результатам рассмотрения гражданского иска заявителя обязали выплатить компенсацию в связи с четырьмя клеветническими утверждениями, сделанными им публично в отношении проректора его университета, согласно которым на возглавляемой истцом кафедре сложилась организация мафиозного типа.

В делах, в которых имеет место коллизия прав, предусмотренных статьями 8 (право на уважение частной жизни) и 10 Конвенции, когда внутригосударственные власти находят равновесие между этими двумя правами согласно критериям, установленным в прецедентной практике Европейского Суда, последнему нужны веские основания, чтобы подменить позицию судов страны своей собственной точкой зрения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер (принцесса Ганноверская) против Германии (№ 2)» (Von Hannover v. Germany) (№ 2), жалобы №№ 40660/08 и 60641/08, § 107, *ECHR* 2012).

Я согласен со своими коллегами в том, что в некоторых отношениях имеются веские основания отойти от анализа, проведенного судами Румынии (например, в том, что касается обвинения в плагиате), но я считаю, что в Постановлении не приведено таких оснований в отношении целого ряда серьезных утверждений. Так, заявитель не доказал, что проректор выделял финансирование только тем институтам, от которых он мог получить личную выгоду, и что он был причастен к противодействию научным исследованиям, в частности, путем уничтожения работы заявителя. Суд Румынии не проанализировал доказательств, предоставленных в подкрепление выдвинутых утверждений о преступной деятельности, и в выводе о том, что заявитель не доказал этих утверждений, нет ничего необоснованного. Еще важнее, что в Постановлении нет указаний ни на несоответствия, ни на отказ принять во внимание установленные Европейским Судом критерии, которые позволили бы ему подменить позицию судов Румынии своей собственной точкой зрения.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА (Четвертая Секция)

Дело «Саньи (Szanyi) против Венгрии»¹

(Жалоба № 35493/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 8 ноября 2016 г.

По делу «Саньи против Венгрии» Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Винсента А. де Гаэтано, *Председателя Палаты,*

Андраша Шайо,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Кшиштофа Войтычека,

Эгидиуса Куриса,

Юлии Антоанеллы Моцок,

Габриэле Кучко-Штадлмейера, *судей,*

а также при участии Андреа Тамьетти, *заместителя Секретаря Секции Суда,*

заседая за закрытыми дверями 6 и 20 сентября 2016 г.,

вынес в последнюю из указанных дат следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 35493/13, поданной против Венгрии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Венгрии Тибором Йенёу Саньи (*Tibor Jenő Szanyi*) (далее – заявитель) 27 мая 2013 г.

2. Интересы заявителя представлял Д. Каршаи (*D. Karsai*), адвокат, практикующий в г. Будапеште. Власти Венгрии были представлены своим представителем при Европейском Суде по правам человека З. Таллоди (*Z. Tallódi*), сотрудником Министерства юстиции Венгрии.

3. Заявитель, в рассматриваемое время являвшийся членом Национального собрания Венгрии, жаловался среди прочего на то, что решение о наложении на него штрафа и решение об отклонении его интерpellаций³ нарушали его право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции.

4. 7 ноября 2013 г. жалоба была коммуницирована властям Венгрии.

¹ Перевод с английского языка Е.Г. Кольцова.

² Настоящее Постановление вступит в силу в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции. Постановление может быть подвергнуто редакторской правке (*примеч. редактора*).

³ Интерpellация – особый вид официального запроса депутата парламента правительству или какому-либо члену правительства по определенному вопросу, право парламента официально задавать вопросы правительству. В парламентах многих стран каждый депутат парламента имеет право делать запросы (возможно, ограниченное их количество в течение определенного периода времени) членам правительства. Соответствующий министр обязан дать ответ и обосновать политическую линию правительства. Тем самым интерpellация позволяет парламентам контролировать деятельность правительства. Отличие интерpellации от других видов депутатских запросов состоит в том, что ответ сопровождается прениями, заканчивающимися принятием резолюции с изложением мнения парламента по поводу ставшего предметом интерpellации действия или линии правительства в целом и вынесением парламентам в тотума доверия или недоверия (*примеч. редактора*).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1956 году и проживает в г. Будапеште. В период, относящийся к обстоятельствам дела, он являлся членом Национального собрания Венгрии и состоял в крупнейшей оппозиционной партии – Венгерской социалистической партии.

А. Штраф, наложенный на заявителя

6. 18 марта 2013 г., в ходе пленарного заседания Национального собрания Венгрии, заявитель подал интерпелляцию. После ответа члена Правительства Венгрии заявитель взял слово для реплики на ответ. По словам заявителя, и власти Венгрии не оспаривали это, его выступление сопровождалось большим количеством комментариев. Закончив речь, заявитель занял свое место и показал левый средний палец в направлении депутата от партии «За лучшую Венгрию» («Йоббик» (*Jobbik*)).

7. 25 марта 2013 г. спикер Национального собрания Венгрии инициировал расследование по дисциплинарному делу в отношении заявителя. Спикер вынес на рассмотрение пленума решение о наложении на заявителя на основании статьи 48(3) Закона XXXVI от 2012 года «О Национальном собрании Венгрии» штрафа в размере 131 400 венгерских форинтов (примерно 450 евро) за использование выражения, имеющего явно оскорбительный характер.

Предложение спикера звучало следующим образом:

«СПИКЕР НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ВЕНГРИИ

Решение по дисциплинарному делу

Предложение о наложении штрафа

Согласно протоколу заседания Национального собрания от 18 марта 2013 г. депутат Тибор Санны использовал выражение, имеющее явно оскорбительный характер, в ходе возражений (*viszontválasza során, sic*¹) на ответ на его интерпелляцию.

По этой причине на основании статьи 48(3) Закона XXXVI от 2012 года «О Национальном собрании Венгрии» и в силу моих исключительных прав, закрепленных в пункте шестом того же положения, я предлагаю Парламенту

наложить штраф

в размере одной третьей от общего размера вознаграждения члена Национального собрания, а именно 131 410 венгерских форинтов.

Будапешт, 25 марта 2013 г.

Подписано Ласло Кёвером (*László Kövér*)».

Решение об утверждении данного предложения было принято пленумом Национального собрания 28 марта 2013 г., без права обжалования.

В. Лишение заявителя права подачи интерпелляций

8. 30 апреля 2013 г. заявитель на основании статьи 90 Парламентской Резолюции № 46/1994.(IX.30.) OGY (далее – Регламент Национального собрания Венгрии) подал интерпелляцию спикеру. Интерпелляция была адресована министру национального развития Венгрии и касалась публикации списка победителей государственного тендера на предоставление лицензии на розничную торговлю табачными изделиями.

9. В интерпелляции говорилось²:

«Народ получил 1 500 розничных торговцев табачными изделиями. Они получают большую часть навар³, точнее сказать, дружки и приятели Фидеса⁴ получают его. Мафиозное правительство не вол-

¹ *Sic* (лат.) – так в тексте (*примеч. переводчика*).

² Перевод на английский язык выполнен Секретариатом Европейского Суда.

³ *Dohány* в переводе с венгерского дословно обозначает «табак», но в разговорной речи может обозначать «наличные деньги».

⁴ Правящая партия.

нует, что несколько тысяч владельцев автозаправочных станций, бакалейных лавок, газетных киосков и торговцев табачными изделиями лишились средств к существованию.

Розничная торговля табачными изделиями имеет небольшую маржу, а именно 4,5%. Этого, наверно, как раз хватает для того, чтобы покрывать накладные расходы, хотя расходы на аренду помещений для магазина и заработную плату работников должны были генерироваться помимо этой прибыли. В конечном счете, реальную прибыль получало государство через акцизные сборы и налог на добавленную стоимость.

Что же происходит теперь? Каждые 20 розничных торговцев табачными изделиями обанкротятся и будут заменены одним, то есть вместо этих 20 розничных торговцев всю прибыль получит один.

Однако недавно введенная 10-процентная прибыль, которая теперь полагается дружкам (*csókosoknak járó*), приведет к ситуации, при которой [новые] "национальные" ритейлеры получат прибыль в 40 раз больше обычной. Прибыль в 40 раз больше для дружков и приятелей! Это, черт возьми, свинство экстра-класса (*vérbő disznóság*)!

Лицензии на торговлю табачными изделиями в Европе обычно предоставляются лицам с ограниченной трудоспособностью. Почему? Потому что эта работа требует минимальной подвижности, имеет локальный характер и не слишком сложна. Правительство покончило с этой традицией, сделав безработными десятки тысяч работников небольших предприятий Венгрии. Вместо этого правительство создает все возможности для своих тучных дружков, которые теперь могут свободно выбирать себе низкооплачиваемых преходящих сотрудников среди свежеспеченных неудачников, бизнес которых был экспроприрован.

Правительственный трест лжи распространяет лживую проповедь. Но какой смысл лгать? Десятки тысяч уволенных и члены их семей не могут быть обмануты. Но я пойду даже дальше. Ни одна живая душа в этой стране не поверит вашим лживым речам.

Даже вы сами, ведь вам прекрасно известно, что ваше законодательство имеет целью воровство. Вы принесли в жертву десятки тысяч реальных венгерских рабочих мест, чтобы иметь возможность свободно злоупотреблять государственной монополией.

Поэтому я спрашиваю достойного министра, не горит ли ваше лицо от стыда?

А если горит, то планируете ли вы сложить полномочия и надлежащим образом укрыть свою голову?

Или же вы планируете и дальше грабить страну, теперь уже без лица, то есть без стыда (*po fáta lanul*)?».

10. Интерpellация была отклонена спикером 6 мая 2013 г. на основании статьи 97(4) Регламента Национального собрания Венгрии с мотивировкой, что она содержала высказывания, причиняющие вред репутации Национального собрания и неприемлемые в демократически функционирующей системе.

При этом отсутствовали средства правовой защиты для обжалования данного решения.

11. 21 мая 2013 г. заявитель подал еще одну интерpellацию по тому же вопросу. В этой интерpellации говорилось¹:

«Последние недели были в основном посвящены вашему распределению лицензий на торговлю табачными изделиями. Чтобы получить выгоду в этом деле, необходимо принадлежать к правому крылу, крайне правому крылу. Но чтобы выиграть золотой приз – сочные торговые точки, генерирующие, вероятно, миллионы каждый день, необходимо тем или иным образом принадлежать к слету приятелей местных вождей Фидеса.

Для победы даже необязательно было владеть помещениями для ведения бизнеса. Изначально было достаточно взять на себя обязательство продавать табачные изделия и обожать Фидес. Вместо этого вы *ex post facto*² повысили установленную законом норму прибыли и в то же время запретили продавать табачные изделия в других местах, уничтожив десятки тысяч магазинов и их работников, под слоганом "пусть сильные живут, а слабые умрут".

Вы, наемник Фидеса, очевидно хотели бы продолжать в том же духе с другими проектами Фидеса, и в этих [новых] магазинах помимо табачных изделий можно будет купить алкоголь, лотерейные билеты, газеты и даже что-нибудь полизать. Группа "вещей, которые можно полизать", пока, кажется, еще не определена, но можно с ужасом предположить, что всё, что можно будет купить в этих "спаги-магазинах" (*Spahi-shops*), например, алкогольные напитки, не облагаемые налогами, во всех остальных местах будет запрещено. Среди того, что можно продавать, я уверен, вы рассматриваете

¹ Перевод на английский язык выполнен Секретариатом Европейского Суда.

² *Ex post facto* (лат.) – исходя из совершившегося позднее (*примеч. переводчика*).

те такие вещи, как секс-игрушки, обычные принадлежности для верховой езды и, чтобы доставить удовольствие своим друзьям [из крайне правового крыла], может быть, помпы для пениса или танцевальные шесты, вокруг которых дергаются обнаженные стриптизерши.

Я спрашиваю вас: “Подсчитали ли вы размер вреда, который вы причиняете провинциальной Венгрии своими действиями? Достаточно ли будет выданных лицензий мэрам и депутатам от Фидеса после провала доведенных до чучельного существования? Вы действительно верите, что демократические силы, которые победят на выборах 2014 года, позволят вашей провальной команде продолжать заниматься мародерством?”

Мой предыдущий, запрещенный, вопрос также касался данной темы: “Не горит ли ваше лицо от стыда?” Теперь уже ответ на данный вопрос ясен: нет, не горит, потому что у вас уже не было лица или, говоря вашим любимым выражением, вы бесстыдно играете в игры со средствами к существованию венгерского народа. Вы довели до нищеты людей, вы забрали доходы у самых несчастных, у инвалидов, чтобы просто набить карманы своей мафии за счет общества.

Поэтому я задаю вам еще один вопрос: “Желаете ли вы добровольно отправиться на свалку истории или же сначала вы хотели бы попытать удачу в смелой игре под названием “власть или тюрьма?” Я жду вашего ответа!».

Интерпелляция была отклонена спикером Национального собрания 27 мая 2013 г. с той же мотивировкой, что и предыдущая интерпелляция (см. § 10 настоящего Постановления). Средств правовой защиты, позволяющих обжаловать данное решение, не было.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЕНГРИИ

12. Соответствующие положения законодательства Венгрии, международного права и материалы сравнительно-правового исследования изложены в §§ 24–61 Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» ((Karácsony and Others v. Hungary) от 17 мая 2016 г., жалоба № 42461/13¹).

13. Статья 48(3) Закона XXXVI от 2012 года «О Национальном собрании Венгрии» предусматривает:

«...Вознаграждение... депутата Национального собрания, речь которого содержит выражение, которое может нанести чрезмерный вред... репутации Национального собрания... может быть уменьшено».

14. Парламентская Резолюция № 46/1994.(IX.30.)OGY (Регламент Национального собрания Венгрии) в редакции, действовавшей в рассматриваемое время, предусматривала:

«...Статья 90

1. Чтобы запросить объяснения у лиц, указанных в Основном законе, относительно любого вопроса, относящегося к сфере их задач, депутаты могут адресовать им интерпелляции.

2. Тема интерпелляции указывается в заголовке.

3. В интерпелляции должны быть указаны адресат интерпелляции и причины, по которым именно этот адресат обладает компетенцией, необходимой для ответа.

4. Спикер отклоняет интерпелляцию, которая не соответствует требованиям, предусмотренным в пунктах 1–3. Национальное собрание должно быть проинформировано о подаче интерпелляции на ближайшем заседании...

Статья 97

...4. Ходатайство, поданное с нарушением указанных правил, может быть отклонено спикером Национального собрания.

Статья 115

...2. Интерпелляции подаются спикеру. Интерпелляция должна содержать факты и обстоятельства, относящиеся к ней.

3. Во время, указанное в повестке дня заседания Национального собрания, не менее девяноста минут должны быть выделены на обсуждение каждой интерпелляции и каждого вопроса. Интерпелляции могут быть представлены и вопросы могут быть заданы в первом раунде оппозиционными парламентскими группами...

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (примеч. редактора).

Статья 116

1. Парламент может обсуждать только интерpellации, поданные... не менее чем за четыре дня до дня заседания...

3. Интерpellация может быть представлена в течение трех минут. Для ответа должны быть выделены четыре минуты, еще минута для заявления относительно ответа. При превышении этих сроков председатель заседания отзывает право высказаться, указав причины такого решения.

4. В представленной интерpellации не должно содержаться новых фактов, которые не были упомянуты в письменной версии интерpellации...

Статья 117

1. В случае письменного ответа на интерpellацию вопрос и ответ фиксируются в протоколе Национального собрания. Спикер обеспечивает пересылку письменного ответа депутатам...».

15. В соответствии с Резолюцией от 24 февраля 2000 г. № 36/1998-2002 ÜB:

«Если поданная интерpellация... не соответствует пунктам 1 и 2 статьи 7 Основного Закона¹ и/или пунктам 1–3 статьи 90 [Регламента Национального собрания Венгрии], спикер отклоняет интерpellацию... осуществляя свое право, предусмотренное статьей 90(4)² и расширенное статьей 91(2) [Регламента Национального собрания Венгрии]. Спикер вправе отклонить интерpellацию... как *ex officio*³, так и по ходатайству депутата Национального собрания... которому адресована интерpellация...».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

16. Заявитель жаловался, что решение о наложении на него штрафа и решение об отклонении его интерpellаций нарушали его право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции, поскольку эти решения не преследовали какой-либо правомерной цели и являлись несоразмерными. Он утверждал, что объявление интерpellаций неприемлемыми в целях защиты престижа Национального собрания Венгрии представляло собой цензуру и лишало депутатов Национального собрания возможности выразить свое мнение по вопросам, представляющим общественный интерес.

Статья 10 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

¹ Статья 7 Основного закона Венгрии в соответствующих частях гласит: «1. Депутаты Национального собрания могут задавать вопросы Уполномоченному по основным правам, Председателю Счетной комиссии, Генеральному прокурору и Председателю Национального банка Венгрии относительно любого вопроса, относящегося к сфере их задач. 2. Депутат Национального собрания может обращаться с интерpellацией или задавать вопросы правительству и члену правительства относительно любого вопроса, относящегося к сфере их задач».

² Статья 90(4) Регламента Национального собрания Венгрии предусматривает: «Спикер отклоняет интерpellацию, которая не соответствует требованиям, предусмотренным в пунктах 1–3. Национальное собрание должно быть проинформировано о подаче интерpellации на ближайшем заседании».

³ *Ex officio* (лат.) – по долгу службы (примеч. переводчика).

А. Приемлемость жалобы

17. Власти Венгрии утверждали, что заявитель мог подать конституционную жалобу на оспариваемое законодательство как таковое в Конституционный суд Венгрии, что являлось существующим средством правовой защиты в отношении положений, регулирующих меры дисциплинарного воздействия, применяемые к депутатам Национального собрания Венгрии. По их мнению, заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты.

18. Ссылаясь на выводы, сделанные в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (§ 83), Европейский Суд полагает, что настоящая жалоба не может быть отклонена ввиду неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

19. Настоящая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не установлено каких-либо иных оснований для признания жалобы неприемлемой. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Заявитель

20. Заявитель утверждал, что оспариваемые меры не преследовали какой-либо правомерной цели, являлись несоразмерными, оказывали сдерживающий эффект на депутатов Национального собрания Венгрии, которые выражали свое политическое мнение по вопросам, представляющим общественный интерес, и имели целью отбить у членов оппозиционной партии желание участвовать в открытой дискуссии. Иными словами, они представляли собой цензуру.

21. Любые ограничения свободы выражения мнения, учитывая основополагающее значение данного права, должны применяться ограниченно, тем более в контексте публичной дискуссии. Выражая свое мнение и обращаясь с интерpellациями, заявитель не создавал угрозу для функционирования Национального собрания и не препятствовал другим депутатам в осуществлении ими их обязанностей. У него не было намерения нарушить Регламент Национального собрания Венгрии или помешать деятельности Национального собрания Венгрии. Его поведение не было подрывным, в отличие от других депутатов Национального собрания предыдущих созывов. В Национальном собрании предыдущего созыва (2006–2010 годы) оппозиция (во время обжалованных событий составлявшая большинство в две третьих от общего количества депутатов) в знак протеста покидала пленарные заседания каждый раз, когда выступал премьер-министр Венгрии, и такое поведение продолжалось в течение несколько минут, когда официальная работа Национального собрания Венгрии была практически парализована. И при этом никто не был оштрафован, так как право оппозиции выражать свое политическое мнение относительно главы правительства перевешивало причиняемый оппозицией вред деятельности Национального собрания.

(b) Власти Венгрии

22. Власти Венгрии утверждали, что, хотя имело место вмешательство в право заявителя свободно выражать свое мнение, пределы и основания применения рассматриваемой меры были достаточно ясно и точно сформулированы, и санкции можно было предвидеть, исходя из регламента и сложившейся практики Национального собрания. Вмешательство было необходимо в демократическом обществе для достижения правомерных целей, состоящих в обеспечении надлежащего функционирования, авторитета и достоинства Национального собрания Венгрии, и являлось правомерным в соответствии с Законом «О Национальном собрании Венгрии».

23. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, касающейся обязанностей и ответственности, упомянутых в пункте 2 статьи 10 Конвенции, такие обязанности и ответственность следует понимать как вытекающие из конкретного положения лица, фактически осуществляющего право на свободное выражение мнения. При оценке обязанностей и от-

ветственности необходимо учитывать положение и правовой статус конкретного лица. Таким образом, обязанности и ответственность следует оценивать в свете общественных и профессиональных характеристик деятельности, осуществляемой рассматриваемым лицом. Соответственно, депутаты парламента должны также осуществлять свои права, надлежащим образом учитывая свое особое положение.

24. Помимо принципа разделения властей и независимости Национального собрания Венгрии, политический характер этих дисциплинарных решений также исключал возможность осуществления правового контроля в отношении данных решений. Регламент обеспечивал дискреционное право Национального собрания Венгрии выносить решения по существу, поскольку он гарантировал ему право регулировать поведение депутатов. Действия председателя неизбежно являлись следствием политических полномочий. Не следует игнорировать тот факт, что в Национальном собрании велся политический диалог, то есть выступления и поведение во время дебатов, нарушающие Регламент Национального собрания Венгрии, оценка причиненного вреда и назначение соразмерной санкции представляли собой вопросы, требующие в основном политического обсуждения, контроль за которым с чисто юридической точки зрения представляется сложной задачей.

25. Кроме того, санкции, назначенные заявителю, не являлись несоразмерными преследуемым правомерным целям, так как заявитель имел возможность выразить свое мнение, не нарушая Регламент Национального собрания Венгрии. В любом случае штраф, наложенный за жест, продемонстрированный 18 марта 2013 г., не препятствовал заявителю выражать свое мнение и, соответственно, не мог рассматриваться как цензура (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лингенс против Австрии» (Lingens v. Austria) от 8 июля 1986 г., Series A, № 103).

Власти Венгрии также отметили, что венгерская система поддержания порядка в парламенте соответствовала принципу прогрессивности, то есть обычно более суровым санкциям предшествовали призыв к порядку или предупреждение, хотя, конечно, иногда неожиданное возникновение серьезных беспорядков могло потребовать немедленного принятия более суровых мер.

Наконец, власти Венгрии добавили, что перевод интерпелляций на английский язык не в полной мере отражает их вульгарный тон.

2. Мнение Европейского Суда

(a) Имело ли место вмешательство

26. Европейский Суд обращает внимание на то, что на заявителя был наложен штраф в качестве наказания за невербальное выражение им своего мнения.

Кроме того, ему не позволили подать подготовленные им интерпелляции. Европейский Суд отмечает, что в соответствии с законодательством Венгрии интерпелляция – это право депутата Национального собрания на доведение спорных вопросов до внимания правящего большинства и истребование объяснений, а также что интерпелляция должна быть представлена в течение короткого отрезка времени (три минуты плюс одна). Чтобы подать интерпелляцию, депутат Национального собрания Венгрии должен предварительно представить на рассмотрение спикера текст интерпелляции, содержащий факты и обстоятельства, которым она посвящена (см. § 14 настоящего Постановления). Соответственно, по мнению Европейского Суда, интерпелляция представляет собой политическую речь, которая, несомненно, защищается статьей 10 Конвенции, с чем по существу согласны власти Венгрии.

Следовательно, имело место вмешательство в осуществление права заявителя на свободное выражение мнения.

(b) Предусмотрено законом

27. Европейский Суд замечает, что оспариваемая мера (штраф) была основана на статье 48(3) Закона XXXVI от 2012 года «О Национальном собрании Венгрии» и статье 97(4) Регламента Национального собрания Венгрии, а, следовательно, была предусмотрена законом.

Однако в части, касающейся интерpellаций, Европейский Суд отмечает, что основания отклонения каждой из интерpellаций имели исключительно формальный характер (см. §§ 14 и 15 настоящего Постановления), и власти Венгрии не оспаривали, что формальные требования в случае заявителя не были соблюдены. Европейский Суд примет данное обстоятельство во внимание при рассмотрении вопроса о необходимости отклонения интерpellаций.

(c) Правомерная цель

28. Ссылаясь на выводы, сделанные в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (§§ 128–129), Европейский Суд признает, что вмешательство преследовало правомерные цели защиты прав других лиц и предотвращения беспорядков в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

(d) Необходимость в демократическом обществе

(i) Общие принципы

29. Принципы, применимые к рассматриваемому вопросу, в том виде, в котором они существуют в настоящее время в прецедентной практике Европейского Суда, изложены в §§ 132–147 упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», а также в Постановлении Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» ((Handyside v. United Kingdom) от 7 декабря 1976 г., § 49, Series A, № 24) и Постановлении Европейского Суда по делу «Ерусалем против Австрии» ((Jerusalem v. Austria), жалоба № 26958/95, §§ 36 и 40, ECHR 2001-II).

30. Кроме того, Европейский Суд хотел бы добавить, что статья 10 Конвенции не защищает предварительные ограничения на публикации как таковые. Это подтверждается не только словами «условия», «ограничения» и «предотвращение», которые встречаются в данной статье, но и выводами Европейского Суда, содержащимися в Постановлении Европейского Суда по делу «“Санди Таймз” против Соединенного Королевства (№ 1)» ((Sunday Times v. United Kingdom) (№ 1) от 26 апреля 1979 г., Series A, № 30) и Постановлении Европейского Суда по делу «Общество “Маркт интерн Ферлаг ГмбХ” и Клаус Беерманн против Германии» ((Markt Intern Verlag GmbH and Klaus Beermann v. Germany) от 20 ноября 1989 г., Series A, № 165). С другой стороны, характер угроз, которые несут в себе предварительные ограничения, требует от Европейского Суда проведения самого тщательного анализа, тем более в случаях, когда речь идет о прессе, поскольку новости, имея дело с актуальными вопросами, могут рассматриваться как «скоропортящийся товар», и задержка с публикацией новостей даже на небольшой срок может лишить эти новости всей их ценности и интереса. По мнению Европейского Суда, при определенных обстоятельствах своевременность парламентской интерpellации имеет схожее значение. Кроме того, в соответствии с законодательством Венгрии интерpellация – это право каждого депутата Национального собрания Венгрии. Оно представляет собой важное право меньшинства, которое нуждается в особой защите в рамках деятельности законодательного органа в демократическом государстве (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», §§ 147 и 157).

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(a) Штраф, наложенный на заявителя

31. Что касается штрафа, наложенного на заявителя за его поведение на заседании 18 марта 2013 г., Европейский Суд считает, что вмешательство состояло в применении санкции в рамках производства, необеспеченного достаточными процессуальными гарантиями и гарантиями беспристрастности, даже если невербальное выражение мнения заявителем было чрезвычайно неуместным и вульгарным.

В этой связи вызывает озабоченность то, что в предложении спикера, на основании которого к заявителю была применена санкция, не содержится ни какого-либо прозрачного описания поведения, в котором обвинялся заявитель, ни исследования обстоятельств, ни подробной мотивировки решения.

32. По большей части по причинам, которые изложены в §§ 148–162, в частности, в §§ 151, 154, 156 и 158 упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (отсутствие эффективных и достаточных гарантий от злоупотребления дисциплинарными полномочиями, отсутствие надлежащей мотивировки в решениях и отсутствие парламентской процедуры, позволяющей заявителю изложить свою позицию), данное вмешательство нельзя признать «необходимым в демократическом обществе» по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции.

(β) Отклонение интерпелляций заявителя

33. Государства или же их парламенты вправе самостоятельно определять время, место и порядок выступлений в парламенте, поэтому пределы рассмотрения Европейского Суда в данном вопросе должны быть ограничены. Дисциплинарный контроль, осуществляемый спикером парламента, в принципе является важным противовесом привилегиям депутатов парламента. В то же время государства обладают очень ограниченной свободой при регулировании содержания парламентских речей. Тем не менее определенное регулирование может быть необходимо для предотвращения таких форм выражения мнения, как прямые и косвенные призывы к насилию. В данном контексте Европейский Суд строже подходит к оценке сохранения гарантий свободы выражения мнения. В любом случае посредством общепризнанного правила депутатской неприкосновенности государства предоставляют больший объем защиты выступлениям в парламенте, вследствие чего необходимость во вмешательстве Европейского Суда может возникать редко. Европейский Суд придает важное значение защите парламентского меньшинства от злоупотреблений со стороны большинства. По этой причине Европейский Суд с особым вниманием рассматривает любые меры, которые предположительно направлены исключительно или преимущественно против оппозиции. В настоящем деле вмешательство затрагивало исключительно содержание парламентской речи, что влечет более узкие пределы усмотрения государства, тем более что предложенные интерпелляции не содержали признаков призывов к насилию (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», §§ 140, 146 и 148).

34. При оценке соразмерности данного вмешательства Европейский Суд изучит характер высказываний в контексте преследуемой правомерной цели, его влияние на порядок в Национальном собрании Венгрии и авторитет Национального собрания Венгрии, примененные процедуры и назначенные санкции.

Характер высказываний

35. Вопреки доводу властей Венгрии о том, что выступление в парламенте не подпадает под обычные стандарты речи, так как она влечет особую ответственность депутатов парламента, Европейский Суд напоминает, что свобода выражения мнения особенно важна для народных избранников, и вмешательство в это право может быть оправдано лишь очень вескими причинами (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», § 137).

36. Европейский Суд отмечает, что заявитель как депутат от парламентской оппозиции намеревался высказать свое мнение по поводу проекта правительства об изменении регулирования розничной торговли табачными изделиями. Интерпелляции, поданные на основании применимых положений Регламента Национального собрания Венгрии, касались публичного вопроса, имеющего огромное политическое значение, напрямую связанное с функционированием демократии. При данных обстоятельствах Европейский Суд замечает, что подача интерпелляции представляет собой установленное законом право депутатов Национального собрания Венгрии, на которое не распространяются дискреционные полномочия спикера (см. § 14 настоящего Постановления).

37. Действительно, заявителю не создавались препятствия для выражения своего мнения по законопроекту при голосовании, которое должно было в конечном счете состояться. Однако интерпелляции касались ответственности Правительства Венгрии за последствия законопроекта, и мнения, содержащиеся в них, нельзя было приравнять к политическому акту выражения согласия или несогласия при голосовании. Отклонение двух интерпелляций привело к

тому, что заявителю фактически помешали принять участие в дискуссии, и подобная ситуация оказала существенное влияние на функции парламентариев, связанные с представлением интересов их избирателей. Ввиду значения такого политического выражения мнений лишь весьма веские основания могут служить оправданием для вмешательства в право на подачу парламентских интерpellаций, особенно когда подобное вмешательство происходит в порядке предварительного запрета, принятого в отношении определенной интерpellации, подготовленной депутатом парламента для участия в протекающей дискуссии.

38. Что касается использованных заявителем в проекте интерpellаций выражений, Европейский Суд полагает, что, хотя они написаны в сомнительном, иногда в грубом, и в любом случае довольно спорном стиле, с разумной точки зрения нельзя признать, что формулировки интерpellаций могут послужить вескими основаниями для обжалуемых ограничений, тем более что в интерpellациях не содержалось необоснованной клеветы в отношении конкретной личности. При этом большой проблемой остаются непристойные намеки, содержащиеся во второй интерpellации, даже с учетом того, что она была написана в ответ на признание неприемлемой первой интерpellации. Если иное не предусмотрено пунктом 2 статьи 10 Конвенции, его действие применимо не только к «информации» или «идеям», которые воспринимаются положительно или нейтрально либо в качестве безобидных, но и к «информации» или «идеям», которые оскорбляют, шокируют или тревожат государство или отдельную группу населения (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства», *loc. cit.*¹). Оценивая характер высказываний, Европейский Суд находит, что также вызывает озабоченность защита депутатов и партий, представляющих меньшинство в парламенте, и особое внимание следует уделять обеспечению их права на выражение своих мнений и права общества услышать их точки зрения. Учитывая важность публичной огласки мнений меньшинства как неотъемлемой функции демократии, депутаты от меньшинства должны иметь полную свободу в разумных пределах при выражении своего мнения, даже если при этом используются резкие выражения (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», § 141).

39. Тем не менее Европейский Суд замечает, что, хотя среди оснований отклонения интерpellаций прямо не указывается данный факт, во второй интерpellации содержались высказывания с эротическим подтекстом, которые не могут не вызывать некоторую озабоченность с точки зрения парламентского этикета.

*Влияние на порядок в Национальном собрании Венгрии
и авторитет Национального собрания Венгрии*

40. Европейский Суд отмечает важность дисциплинированного поведения в парламенте и признает значение уважения к конституционным институтам в демократическом обществе. Европейский Суд должен убедиться в том, что внутригосударственные органы применили стандарты, соответствующие принципам, закрепленным в статье 10 Конвенции, и опирались на допустимую оценку соответствующих фактов.

41. Что касается реального влияния и нарушения прав других лиц, Европейский Суд не видит, каким образом высказывания заявителя могли создать реальные препятствия для функционирования Национального собрания. Власти Венгрии не привели убедительных объяснений, оправдывающих меру, примененную спикером для защиты авторитета Национального собрания Венгрии, которому предположительно угрожали оскорбительные обвинения, направленные против политики Правительства Венгрии. Кроме того, решение спикера не содержало каких-либо релевантных объяснений по данному поводу.

42. Вместе с тем нельзя утверждать, что Правительство Венгрии как коллективный политический институт имеет право не подвергаться резкой критике в той мере, в которой не доказано, что такая критика затрагивает права отдельных членов правительства таким образом, что нарушается статья 10 Конвенции. Однако в настоящем деле власти Венгрии не заявляли о таких персональных нападениях.

¹ *Loc. cit.* (лат. сокращение от *loco citato*) – в приведенной выше цитате (*примеч. переводчика*).

Производство, приведшее к вмешательству

43. Европейский Суд замечает, что интерpellяции были признаны неприемлемыми без обсуждения, что свидетельствовало об отсутствии какой-либо защиты члена оппозиции в рассматриваемое время. Кроме того, в оспариваемых решениях спикера не уточнялись и даже не указывались мотивы, почему поданные интерpellяции являлись «причиняющими вред репутации Национального собрания и неприемлемыми в демократически функционирующей системе» (см. § 10 настоящего Постановления) и требовали принятия санкции, фактически лишившей заявителя права выступления со своими заявлениями (см. в контексте *ex post facto* санкций упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», §§ 156–158), и всё это в отсутствие каких-либо процессуальных гарантий.

Наложенные санкции

44. Европейский Суд отмечает, что, хотя бы однократный предварительный призыв к порядку или однократное предупреждение являются европейским стандартом поддержания дисциплины в парламенте (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», §§ 51 и 57). Однако в настоящем деле цензура осуществлялась незамедлительно, и менее интрузивные меры даже не рассматривались. При данных обстоятельствах Европейский Суд полагает, что принцип прогрессивности санкций, на который сослались власти Венгрии (см. § 25 настоящего Постановления), не имеет отношения к настоящему делу.

Заключение

45. Отмечая, что интерpellяции были признаны неприемлемыми ввиду стиля их написания и содержания, а не вследствие несоблюдения формальных требований, что является судя по всему единственным законным основанием для их отклонения (см. § 27 настоящего Постановления), Европейский Суд делает вывод, что данное вмешательство было лишено убедительных оснований, поскольку власти Венгрии не сумели привести доказательств того, что авторитету Национального собрания Венгрии и порядку в Национальном собрании Венгрии угрожала серьезная опасность, и не продемонстрировали, что данные интересы превалировали при сопоставлении с интересами защиты права на свободное выражение мнения оппозиции. Кроме того, процессуальные гарантии и гарантии беспристрастности не являлись достаточными (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», § 157). Соответственно, вмешательство не может быть признано «необходимым в демократическом обществе» по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции.

46. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 10 КОНВЕНЦИИ

47. Заявитель жаловался, что отсутствие во внутригосударственном законодательстве средств правовой защиты, позволяющих обжаловать соответствующие решения, нарушало статью 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 10 Конвенции.

Статья 13 Конвенции гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

48. Власти Венгрии не согласились с данной жалобой.

49. Европейский Суд считает, что, хотя данная жалоба также является приемлемой для рассмотрения по существу, отсутствует необходимость в ее отдельном рассмотрении (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», § 174), учитывая выводы, сделанные по жалобе на нарушение статьи 10 Конвенции (см. § 46 настоящего Постановления).

III. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

50. Заявитель также жаловался, что принятые меры демонстрировали, что он подвергся дискриминации по признаку политических убеждений в нарушение статьи 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

51. Заявитель утверждал, что только члены оппозиции в Национальном собрании Венгрии подвергались дисциплинарным санкциям со стороны спикера. Он также указал, что спикер неоднократно выражал свое неодобрение в отношении методов коммуникации, используемых оппозиционными партиями в Национальном собрании Венгрии.

52. Власти Венгрии отмечали, что доводы заявителя в поддержку данной жалобы опирались на общее утверждение, что члены оппозиции чаще признавались нарушителями положений Регламента Национального собрания Венгрии. Однако, по мнению властей Венгрии, столь общее утверждение не может служить основанием для вывода о дискриминации заявителя, так как указанные цифры являются следствием того, что депутаты от оппозиционных партий чаще выражают свое мнение, нарушая положения Регламента Национального собрания Венгрии.

53. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда в случае, когда общая политика или мера имеют несоразмерные негативные последствия для какой-либо конкретной группы, не исключается вероятность признания такой политики или меры дискриминирующей, даже несмотря на то, что они не были направлены на эту группу и не предназначались ей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хью Джордан против Соединенного Королевства» (*Hugh Jordan v. United Kingdom*), жалоба № 24746/94, § 154, *ECHR* 2001-III (извлечения)).

54. Даже если предположить, что большинство депутатов, наказанных за нарушение ими правил поведения в Национальном собрании Венгрии, являлись членами оппозиции, при отсутствии доказательств того, что поведение членов парламентского большинства, идентичное поведению заявителя, оставалось без наказания, Европейский Суд не может признать, что данный фактор сам по себе свидетельствует о практике, которая может быть квалифицирована как дискриминация по смыслу статьи 14 Конвенции. Принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы дела, Европейский Суд считает, что утверждение заявителя о том, что он подвергся дискриминации при пользовании правами, гарантированными Конвенцией, являлось необоснованным.

55. Следовательно, данная жалоба является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и подлежит отклонению на основании пункта 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

56. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

57. Заявитель требовал 450 евро в качестве компенсации материального ущерба, состоящего в уплаченном им штрафе. Заявитель также требовал выплаты 60 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

58. Власти Венгрии не согласились с данными требованиями.

59. Европейский Суд считает, что, если заявитель уплатил наложенный на него штраф (см. § 7 настоящего Постановления), власти Венгрии должны возместить ему причиненный материальный ущерб, вернув ему сумму уплаченного штрафа.

60. Европейский Суд также считает, что факт установления нарушения является сам по себе достаточной справедливой компенсацией любого причиненного заявителю морального вреда.

В. Судебные расходы и издержки

61. Заявитель требовал 2 650 евро, кроме того, НДС 27%, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных на оплату услуг представителя в рамках рассмотрения дела в Европейском Суде. Данная сумма соответствует 13 часам работы его адвоката.

62. Власти Венгрии не согласились с данным требованием.

63. Согласно прецедентной практике Европейского Суда заявитель имеет право на компенсацию судебных расходов и издержек, если будет доказано, что они были понесены в действительности и были необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание представленные документы, подтверждающие судебные расходы, и вышеизложенные критерии, Европейский Суд считает разумным присуждение суммы требования в полном размере.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

64. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании вышеизложенного Суд:

1) *объявил* шестью голосами «за» и одним – «против» жалобы на нарушение статей 10 и 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 10 Конвенции приемлемыми для рассмотрения по существу;

2) *объявил* шестью голосами «за» и одним – «против» остальные жалобы заявителя неприемлемыми для рассмотрения по существу;

3) *постановил* пятью голосами «за» и двумя – «против», что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в связи с наложением на заявителя штрафа;

4) *постановил* шестью голосами «за» и одним – «против», что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в связи с отклонением интерpellаций заявителя;

5) *постановил* единогласно, что отсутствует необходимость в отдельном рассмотрении жалобы на нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 10 Конвенции;

6) *постановил* единогласно, что факт установления нарушения является сам по себе достаточной справедливой компенсацией причиненного заявителю морального вреда;

7) *постановил* пятью голосами «за» и двумя – «против», что:

(a) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты:

(i) 450 евро (четыреста пятьдесят евро), а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации материального вреда в случае, если заявитель уже уплатил штраф;

(ii) 2 650 евро (две тысячи шестьсот пятьдесят евро), а также любой налог, который может быть начислен заявителю на указанную сумму, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

8) *отклонил* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 8 ноября 2016 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

АНДРЕА ТАМЬЕТТИ
Заместитель Секретаря Секции Суда

Винсент А. де ГАЭТАНО
Председатель Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагаются отдельные мнения судей Кшиштофа Войтычека и Эгидиуса Куриса.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ И ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЭГИДИЮСА КУРИСА

1. Прежде всего я хотел бы изложить свое несовпадающее мнение, так как в нем отражены основные направления моего подхода к рассмотрению настоящего дела.

Я со всем уважением не соглашаюсь с позицией большинства судей, согласно которой Национальное собрание Венгрии, наложив на заявителя штраф за «невербальное выражение [заявителем] своего мнения» (именно так назван его поступок в § 26 настоящего Постановления), нарушило его права, гарантированные статьей 10 Конвенции. При обстоятельствах настоящего дела назначение заявителю этого наказания представлялось и соразмерным, и необходимым в демократическом обществе не только в материально-правовом, но и в процессуальном аспекте, и это вызвало у большинства судей, как они сами признали, «озабоченность». Я считаю, что мотивировка решения о нарушении полна недостатков.

I

2. К Саньи была применена санкция, а именно штраф, за то, что он показал средний палец на левой руке другому депутату Национального собрания Венгрии во время очередного заседания. Нет необходимости объяснять, что обозначал этот жест, и констатировать, что он был вульгарным и оскорбительным. «Невербальное выражение мнения» являлось бесстыдной, показушной формой непарламентской речи (далее для удобства в особом мнении я использую слово «речь» в широком смысле, охватывающем также жестомимический язык, то есть язык тела). Непарламентские выражения, вербальные и невербальные (то есть жестомимические выражения), *по определению*¹ являются недопустимыми и неуместными во всех парламентах цивилизованного мира. Вульгарные, обценные выражения могут допускаться и допускаются во многих других сферах жизни (например, в литературе, театре, кино, *etc.*²). Но в парламентах они являются *malum in se*³, не просто *malum prohibitum*⁴ (даже если одновременно присутствует и элемент *prohibitum*). В парламенте непарламентские выражения могут и должны подвергаться цензуре, а депутаты парламента, которые используют их, могут и должны наказываться, как правило, самим парламентом и без лишних проволочек. Тот факт, что некоторые формы непарламентских выражений могут в то же время являться политической речью, которая *inter alia*⁵ защищается Конвенцией, не мешает этим выражениям быть недопустимыми в парламенте и, следовательно, составляющим наказуемое поведение. Это само собой разумеется. Эти правила являются рудиментами парламентаризма, но также и гражданской культуры, и не только гражданской культуры, но и культуры *per se*⁶.

3. В рассматриваемое время статья 48 Закона XXXVI от 2012 года «О Национальном собрании Венгрии», процитированная в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» ((*Karácsony and Others v. Hungary*) от 17 мая 2016 г., жалоба № 42461/13, § 26, на которое сделана ссылка в § 12 настоящего Постановления, в котором говорится о том, что Европейский Суд опирался преимущественно на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», предусматривала:

«1. Председательствующий на заседании призывает выступающих к порядку, если они используют неприличные выражения, которые являются непристойными или оскорбительными для авторитета Национального собрания или по отношению к человеку или группе, в частности, к какой-либо

¹ Здесь и далее текст выделен автором особого мнения (*примеч. редактора*).

² *Etc.* (лат. сокращение от *et cetera*) – и так далее (*примеч. переводчика*).

³ *Malum in se* (лат.) – деяние, преступное по своему характеру (*примеч. переводчика*).

⁴ *Malum prohibitum* (лат.) – деяние, преступное в силу запрещенности законом (*примеч. переводчика*).

⁵ *Inter alia* (лат.) – в числе прочего (*примеч. переводчика*).

⁶ *Per se* (лат.) – сами по себе, по сути (*примеч. переводчика*).

национальной этнической, расовой или религиозной группе, и одновременно предупреждает их о последствиях неоднократного использования оскорбительных или непристойных выражений.

2. Председательствующий на заседании лишает депутатов права на выступление, если они продолжают использовать оскорбительные или непристойные выражения после того, как были призваны к порядку.

3. Если в ходе своего выступления депутат использует выражения, которые являются непристойными или оскорбительными для авторитета Национального собрания или по отношению к человеку или группе, в частности, к какой-либо национальной этнической, расовой или религиозной группе, или если оскорбительное выражение, использованное им, вызывает серьезное нарушение порядка проведения заседания, председательствующий на заседании вправе предложить, без призыва к порядку или предупреждения, отстранить депутата от участия в заседании на оставшееся время рабочего дня и наложить на него штраф...

6. Председательствующий на заседании в отсутствие предложения применить какие-либо санкции, указанные в пункте 3, вправе предложить наложение штрафа на депутата в течение пяти дней после использования депутатом оскорбительного выражения.

7. Парламент принимает без обсуждения решение по предложению о наложении штрафа, предусмотренному в пунктах 3 и 6, в ходе заседания по вопросу о предложении. Сумма штрафа не может превышать одной трети ежемесячного денежного вознаграждения депутата».

4. Заявитель сделал то, что он сделал. В соответствии с внутригосударственным законодательством спикер Национального собрания Венгрии должен был призвать его к порядку или отстранить от участия в заседании на оставшееся время рабочего дня и наложить на него штраф. Представляется, что такое решение соответствовало бы (по крайней мере, я надеюсь на это) ситуации в деле «Карачонь и другие против Венгрии», в котором Европейский Суд никоим образом не возражал (хотя прямо и не одобрял) против доводов властей Венгрии о том, что «явно оскорбительное выступление или поведение депутата Национального собрания сводит на нет защиту его права на свободу выражения мнений и может рассматриваться как злоупотребление правом» (§ 155). Но для подобной незамедлительной реакции было слишком поздно, так как спикер, судя по всему, даже не заметил неприличный жест в момент его демонстрации (эта часть выступления Саньи длилась всего одну секунду). Однако жест был замечен (и, как видно из протокола заседания Национального собрания Венгрии за тот день, ему даже аплодировали) некоторыми депутатами и попал на камеру телеканала Национального собрания Венгрии и в фокус внимания других средств массовой информации. Позднее, узнав о «невербальном выражении» Саньи своего мнения спикер высказал предложение о применении к нему санкции, предусмотренной в статье 48 Закона «О Национальном собрании Венгрии». Было бы весьма удивительно, если бы санкция к Саньи не была применена: не потому, что Саньи являлся членом оппозиции, а вследствие самого характера его «невербального выражения» и его значения.

5. В настоящем Постановлении решение о нарушении статьи 10 Конвенции вследствие наложения на Саньи штрафа за «невербальное выражение» основано на трех предположениях. Во-первых, Европейский Суд предположил, что любое выступление в парламенте является политической речью и что все политические речи, независимо от их содержания, пользуются повышенной процессуальной защитой в соответствии со статьей 10 Конвенции. Даже если депутат парламента явно, откровенно, цинично злоупотребляет своей свободой выражения мнения, он должен пользоваться всеми процессуальными гарантиями (*guarantees*) (или «защитами» (*safeguards*), так как эти два слова используются в качестве взаимозаменяемых и в настоящем Постановлении, и в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», на которое, как сказано выше, во многом опирался Европейский Суд при рассмотрении настоящего дела), в противном случае за эту «политическую» речь на данное лицо не может быть наложено каких-либо санкций. Во-вторых, Европейский Суд исходил из предположения, что депутатом парламента может быть человек настолько неразумный и/или безответственный, что он не способен понять, какие действия не допускаются *per se* в культурном обществе, и, словно маленькому ребенку, ему надо растолковывать, что нечто недозволенное является чем-то недозволенным, и если он совершает нечто недозволенное, последует наказание. Эта информация должна предоставляться ему с соблюдением принципов состязательного квазисудебного производства, которое должно удовлетворять строгим требованиям надлежащего разбирательства. Если данная информация не предоставлена ему

или предоставлена в более простом порядке (например, устно), этот депутат парламента освобождается от ответственности. Третье предположение состояло в том, что, если депутат парламента прибегает к непарламентским выражениям, он может не только отстаивать выражения, озвученные в рамках парламентских дебатов, но и правомерно ожидать, что эти дебаты могут быть использованы как площадка (то есть превратиться в площадку) для оправдания соответствующего употребления непарламентских выражений, следствием чего станет невозможность наложения каких-либо санкций даже за самые непристойные «политические» выражения, а использование этих выражений будет прощаться и даже поощряться.

Первое предположение противоречит логике. Второе предположение противоречит здравому смыслу. Третье предположение противоречит общепринятой морали и демократическим традициям. Но эта разбивка страдает (как и большинство попыток такого разбиения) излишним упрощением в части отражения многочисленных аспектов этих трех предположений: в действительности они все противоречат логике, здравому смыслу, общепринятой морали и демократическим традициям, каждое по-своему.

6. В Постановлении вывод о нарушении права Саньи, гарантированного статьей 10 Конвенции, основан на двух доводах, сформулированных в 18 строках двух параграфов – 31 и 32. Первый довод сводится к механическому проведению параллелей между рассматриваемой ситуацией в ее процессуальном аспекте (то есть с точки зрения процессуальных гарантий заявителя, содержащихся в статье 10) в настоящем деле и в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», то есть проведению параллелей, при котором не принимаются во внимание и даже не рассматриваются существенные различия между двумя делами. Второй довод касается по меньшей мере одного важного факта, который не был проработан большинством судей и который был ориентирован на то, чтобы установление нарушения выглядело более обоснованным и убедительным, по крайней мере на первый взгляд.

Давайте подробнее остановимся на этих двух доводах, выдвинутых большинством судей Палаты.

II

7. Проведение параллелей между настоящим делом и делом «Карачонь и другие против Венгрии» по сути ставит знак равенства между двумя ситуациями в их процессуальном аспекте. Большинство судей прямо указало, что вывод о нарушении статьи 10 Конвенции основан на:

«По большей части [по причинам], которые изложены в §§ 148–162, в частности, в §§ 151, 154, 156 и 158 упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу “Карачонь и другие против Венгрии” (отсутствие эффективных и достаточных гарантий от злоупотребления дисциплинарными полномочиями, отсутствие надлежащей мотивировки в решениях и отсутствие парламентской процедуры, позволяющей заявителю изложить свою позицию)...» (§ 32 настоящего Постановления).

Это «роботизированное» проведение параллелей, которое, вероятно, невозможно сделать еще более кратким, позволило большинству судей прийти (без какой-либо «дополнительной» мотивировки, основанной на существовании конкретного дела) к выводу о том, что:

«...вмешательство [в права Саньи, гарантированные статьей 10 Конвенции, вследствие наложения на него штрафа за “невербальное выражение”¹] нельзя признать “необходимым в демократическом обществе” по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции» (*ibid.*).

Однако можно, и следует, рассмотреть данный вопрос. Существует принципиальное различие между двумя делами, которое не должно ускользать от внимания Европейского Суда. Более того, Европейский Суд должен избегать маскировки любых существенных различий между рассматриваемыми ситуациями путем фокусирования на менее значимых отличительных особенностях этих ситуаций.

¹ Текст в скобках добавлен в особом мнении (*примеч. редактора*).

8. Дело «Карачонь и другие против Венгрии» касалось наказания, назначенного оппозиционному депутату Национального собрания Венгрии за то, что он принес и разместил для всеобщего обозрения большой плакат и транспаранты в парламентской палате Национального собрания Венгрии, а также использовал мегафон, разговаривая во время голосования. Европейский Суд счел, что вывешивание плаката и транспаранта в зале заседаний парламента не было «общепринятым» для депутатов способом выражения своего мнения по конкретному вопросу, обсуждаемому в парламенте, а также что, выбрав данную «форму поведения» и используя мегафон, заявители нарушили порядок в Национальном собрании Венгрии (§ 149). Европейский Суд отметил, что заявители:

«...могли передать то же сообщение в своем парламентском выступлении *stricto sensu*¹, и если они сделали бы это, то последствия их действий могли быть совершенно иными. Использование мегафона в парламенте также явно нарушает порядок (*ibid.*)».

Достаточно парадоксально (а возможно, совсем нет, учитывая предположения, лежащие в основе мотивировки решений большинства судей, см. пункт 5 особого мнения), но в настоящем Постановлении не содержится таких предположений. Европейский Суд даже не намекнул, что Саньи *тоже* мог бы выбрать какую-то другую «форму поведения», чтобы «доставить по адресу» то, что он считал своим «сообщением» (при условии, что существует какая-либо «надлежащая» форма поведения для доставки «сообщения» такого рода, особенно в рамках национального парламента). Кроме того, в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» Европейский Суд констатировал, что действия заявителей (то есть депутатов Национального собрания Венгрии, которые вывесили плакат и транспаранты и использовали мегафон в парламентской палате) являлись «глубоко оскорбительным для порядка в Национальном собрании» (§ 150). В настоящем Постановлении подобных констатаций нет. Вместо этого большинство сочло необходимым упомянуть, что:

«По словам заявителя, и власти Венгрии не оспаривали это, его выступление сопровождалось большим количеством комментариев» (§ 6 настоящего Постановления).

9. Последнее отличие не имеет особого значения. В действительности, это даже не различие как таковое, поскольку, конечно, во время акции протеста, организованной заявителями по делу «Карачонь и другие против Венгрии», должны были звучать различные комментарии. Более того, никто из тех, кто слушал или читал речь Саньи, приправленную громкими и крайне экспрессивными выражениями, не был бы удивлен, что во время этой речи действительно раздавались ремарки относительно речи. Речь Саньи и комментарии, звучавшие во время его выступления, не были воспроизведены в Постановлении, но их можно найти в протоколе заседания Национального собрания Венгрии². Что касается содержания комментариев (если таковые были), которые не были отражены в вышеуказанном протоколе, то на этот счет в Европейский Суд не было представлено достоверной информации, даже со стороны заявителя. В конечном счете комментарии, звучавшие во время выступлений, нельзя признать выходящими за пределы обычно звучащих в парламентах по всему миру комментариев. А вот демонстрация среднего пальца выходит за эти пределы и довольно далеко выходит.

10. Релевантным отличием между ситуациями, рассмотренными в деле «Карачонь и другие против Венгрии» и в настоящем деле, отличием, которое действительно имеет значение при сравнении двух ситуаций с точки зрения процессуальных гарантий (или защит), предоставляемых статьей 10 Конвенции, является то, что эти гарантии не являются *самоцелью*. Само слово «гарантия» (или «защита») предполагает, что ее использование позволяет добиться иного исхода по делу заявителя. Таким образом, «гарантия», которая в принципе не позволяет добиться иного исхода, была бы вовсе не гарантией, а простой формальностью, можно сказать фиктив-

¹ *Stricto sensu* (лат.) – в строгом (узком, буквальном) смысле, строго говоря (*примеч. переводчика*).

² См.: http://www.parlament.hu/orszagguyulesi-naplo-elozo-ciklusbeli-adatai?p_auth=yK3CFyAb&p_p_id=pairproxy_WAR_pairproxyportlet_INSTANCE_9xd2Wc9jP4z8&p_p_lifecycle=1&p_p_state=normal&p_p_mode=view&p_p_col_id=column-1&p_p_col_count=1&pairproxy_WAR_pairproxyportlet_INSTANCE_9xd2Wc9jP4z8_pairAction=%2Finternet%2Fcpqlsql%2Fogy_naplo.naplo_fadat_aktus%3Fp_ckl%3D39%26p_uln%3D262%26p_felsz%3D37%26p_felszig%3D43%26p_aktus%3D11

ной гарантией. Процессуальные гарантии предусмотрены не только ради самих гарантий. Они должны *выполнять ту или иную функцию*.

11. Имеется огромное различие между поведением заявителей в деле «Карачонь и другие против Венгрии» и поведением Саньи.

В первом деле поведение заявителей хотя и вызывало возражения, представляло собой политический протест без непристойностей, поэтому оно могло защищаться (в принципе), в то время как «невербальное выражение» заявителя в настоящем деле, будучи продемонстрированным в парламентской палате, не подлежало какой-либо защите ни при каких обстоятельствах и ни на каких основаниях. Средний палец – это средний палец. Он означает то, что он означает. Слово из четырех букв – это слово из четырех букв. Непристойность – это непристойность. Точка.

12. В контексте «ситуации, связанной с плакатом, транспарантами и мегафоном», которая была рассмотрена в деле «Карачонь и другие против Венгрии», Европейский Суд признал, что подвергнутому наказанию депутату парламента должны быть обеспечены «основные процессуальные гарантии в соответствии с парламентской процедурой, чтобы оспорить наложенные на него дисциплинарные санкции» (§ 154) и что должна быть предусмотрена «мера правовой защиты... в отношении произвольного вмешательства публичных властей в осуществление прав заявителей, гарантированных Конвенцией», в том числе такая «процессуальная гарантия», как «право заинтересованного депутата парламента быть заслушанным в парламенте до наложения санкции» (§ 156). Если эти доктринальные положения, относящиеся к процессуальному аспекту применимой статьи Конвенции, считать абсолютными, любое применение санкции к депутату за выражение мнения в парламенте без предоставления ему права быть заслушанным следует признать отказом от обеспечения процессуальных гарантий, предусмотренных статьей 10 Конвенции. В соответствии со статьей 48(7) Закона XXXVI от 2012 года «О Национальном собрании Венгрии» наложение на заявителя штрафа за демонстрацию среднего пальца не требовало проведения предварительного обсуждения. Таким образом, может показаться, что большинство судей было право, устанавливая нарушение статьи 10 Конвенции в отношении Саньи.

13. Это был бы формалистический, чрезвычайно догматичный самодовольный подход, основанный на абсолютистском, неизбирательном, исключительно дословном прочтении доктринальных положений, изложенных выше, оторванный от рассматриваемой ситуации, к которой эти положения, тем не менее, применены.

Однако к этим доктринальным положениям неприменимо подобное некритическое, неизбирательное, абсолютистское, крайне формалистическое, исключительно дословное толкование. Они должны толковаться *не в отрыве, а во взаимосвязи с материальным аспектом* применимого положения Конвенции, а именно статьи 10. Банально повторять, что юридическая процедура была изобретена не ради себя самой, а чтобы служить некоторой материальной сущности. Юридическая процедура должна быть *общественно полезной*. Правовые требования, в том числе предусмотренные в прецедентной практике Европейского Суда, должны иметь хотя бы какую-нибудь практическую ценность. Это правило аналогичным образом применяется к праву подвергнувшегося наказанию депутату парламента «оспаривать примененные к нему дисциплинарные меры», о котором говорится в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии».

14. Возвращаясь к ситуации, рассмотренной в настоящем деле, следует задать правомерный вопрос: на чем должно было фокусироваться обсуждение, которое в соответствии с Законом «О Национальном собрании Венгрии» не должно проводиться, что, по мнению большинства судей Палаты, автоматически нарушало права заявителя, гарантированные статьей 10 Конвенции? В Постановлении данный вопрос не раскрыт. Это достойно сожаления. Но почему бы не задаться таким вопросом? Так каков мог бы быть ответ на него?

Одним из возможных ответов могло стать утверждение заявителя о том, что он не делал то, что ему вменяли, то есть что обвинения в его адрес были беспочвенными. Но попытка подобного отрицания была бы тщетной. К тому времени, как на заявителя был наложен штраф, вся Венгрия уже имела возможность увидеть по телевизору его спектакль со средним пальцем в

главной роли¹. Естественно, что сам заявитель никогда не отрицал, что он показал данный жест. Еще одним гипотетическим, но не менее нереалистичным ответом могло бы быть утверждение заявителя о том, что он не знал о недопустимости данного жеста, по крайней мере в парламентской палате. Да ладно! Это же парламент, а не детский сад, и Саньи был избранным депутатом этого парламента. Кроме того, как можно сделать вывод из его публичных выступлений, имеющих *urbi et orbi*² в Интернете, он, кажется, даже гордится устроенным им шоу. Или же (еще один гипотетический ответ на главный вопрос, не раскрытый в Постановлении), возможно, Национальному собранию Венгрии следовало обсудить, можно ли было при определенных обстоятельствах признать вульгарный жест Саньи простительным и, следовательно, допустимым? Но это тоже несерьезно. В парламенте непарламентские выражения недопустимы, и поэтому за их использование по определению могут быть применены санкции.

Но даже если существовали обстоятельства, которые гипотетически могли оправдать, даже если только в голове заявителя, показанный им жест, в Европейский Суд не было представлено информации о том, что Саньи (или кто-то еще) когда-либо излагал их в рамках надлежащей парламентской процедуры или же информировал спикера или любое иное должностное лицо об этих обстоятельствах, если они (эти обстоятельства могли состоять, например, из замечаний, которые звучали во время его речи) выходили за пределы правовых или моральных норм.

Последний вопрос заслуживает более подробного рассмотрения, пусть даже для этого требуется немного выйти за рамки материалов дела, обратившись к Интернету.

15. Если Саньи думал, что он мог озвучить какую-либо правдоподобную версию (как бы сложно это ни было представить), которая гипотетически оправдывала содеянное им, ничто не мешало ему представить эту версию на рассмотрение спикера и/или Национального собрания Венгрии. Говоря более конкретно, если заявитель думал, что существовали внешние причины (то есть иные причины, нежели его душевное состояние, интеллект, менталитет, склад ума, мировоззрение, привычки или уровень культуры (!)), которые сделали его неспособным во время заседания Национального собрания Венгрии держать средний палец своей левой руки в его нормальном положении, он совершенно свободно мог изложить свою версию событий. В конце концов, это именно он продемонстрировал вульгарный жест на заседании Национального собрания Венгрии, так что, вероятно, он обязан был дать Национальному собранию Венгрии (или его спикеру) хотя бы какое-то объяснение? В Интернете можно найти несколько объяснений, данных Саньи, которые мне показались несколько непоследовательными и противоречивыми. В этих объяснениях не раскрыто убедительно, почему или хотя бы кому был адресован этот жест, и, судя по всему, заявитель не принес извинений и не высказал сожаление по поводу содеянного. В любом случае никакие объяснения в средствах массовой информации или на иных, непарламентских, площадках не могут заменить официальных действий, которые должны быть осуществлены в Национальном собрании Венгрии. Для такого официального объяснения у заявителя была масса времени с 18 марта 2013 г., когда он столь явно плохо себя повел, до 25 марта 2013 г., когда спикер инициировал дисциплинарное производство в отношении заявителя, и даже больше времени до 28 марта 2013 г., когда пленум Национального собрания Венгрии применил к нему санкцию.

В материалах дела отсутствуют подтверждения того, что заявитель когда-либо пытался дать официальные объяснения.

17³. В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» поведение заявителей не являлось *malum in se*. Поэтому разумным было обсуждение их поведения, в рамках которого они могли «оспорить дисциплинарные меры». Что касается жеста Саньи со средним пальцем, сложно понять направление, которое могло принять такое обсуждение, если бы оно состоялось (см. § 12 настоящего Постановления). Более того, подобное обсуждение было бы контрпродуктивно и нежелательно ввиду его *отрицательной образовательной ценности*. Если бы такое обсуждение состоялось, это

¹ См.: <http://sgis.parlament.hu/archive/playseq.php?date1=20130318&time1=125815&offset1=004216.09&date2=20130318&time2=125815&offset2=005216.09&type=real>

² *Urbi et orbi* (лат.) – к городу и к миру, название папского благословения (*примеч. переводчика*).

³ Такая нумерация в оригинале (*примеч. редактора*).

означало бы, что поведение, которое в любом парламенте цивилизованной страны считается *malum in se*, фактически может быть признано *malum licitum*¹, то есть совсем не *malum*². Когда депутат парламента заканчивает речь демонстрацией своего среднего пальца другому депутату парламента и – через парламентарский телеканал и вездесущие средства массовой информации – максимально широкой аудииенции (как внутри государства, так и на международном уровне), любой намек на то, что санкции, примененные этим парламентом, могут быть «произвольным вмешательством публичных властей в осуществление прав, гарантированных Конвенцией» (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», § 15б, на которое сделана ссылка, «в частности», в § 32 настоящего Постановления), звучит как злая шутка.

18. С другой стороны, венгерскому законодателью (как и законодателью любого другого государства-участника) ничто не запрещает предусмотреть во внутригосударственном законодательстве, что даже в случаях вроде жеста Саньи депутату Национального собрания Венгрии, к которому применена санкция, предоставляются все «процессуальные гарантии», которые только можно вообразить. Как видно из упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», в некоторых (возможно, не таких уж и редких) случаях подобные гарантии могут быть действительно необходимыми. Также очевидно, что внутригосударственное законодательство, примененное в данном деле, было далеко от совершенства. Если эти процессуальные гарантии не предоставляются, когда они необходимы, установление нарушения статьи 3 Конвенции, вероятно, оставляет мало поводов для сомнений. Но если гарантии не являются необходимыми или даже их использование контрпродуктивно, как в конкретном случае Саньи, тогда вопрос о том, надо ли закреплять их в законодательстве, должен оставаться *в пределах свободы усмотрения* государств-участников.

19. Европейский Суд не задумывался как наднациональный конституционный суд и уж тем более как наднациональный законодательный орган, создающий внутренние процедуры для парламентав. Поэтому (но не только поэтому) Европейскому Суду необходимо быть очень осторожным с предписаниями о включении определенных требований во внутригосударственные парламентарские процедуры. Более того, Европейский Суд не должен заставлять переписывать внутригосударственные парламентарские процедуры на основании собственных доктринальных положений, которые зачастую составляют в отношении одной конкретной ситуации, толкуя их настолько абсолютистским, догматическим, механическим образом, что они становятся по-настоящему универсальными и должны строго применяться во всех других ситуациях, независимо от их особенностей. Доктринальные предписания Европейского Суда должны находиться под непрерывным контролем, чтобы они не стали слишком невосприимчивыми к особенностям конкретных рассматриваемых дел, а тем более не применялись слепо ко всем делам, которые поверхностно напоминают дело, в отношении которого впервые было сформулировано соответствующее доктринальное положение.

20. Как сказано выше, в соответствии с внутригосударственным законодательством наложение штрафа на заявителя произошло без обсуждения. Данное законодательство, как следует из упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», страдает недостатками как минимум в той мере, в которой оно не предусматривает необходимости такого обсуждения в случаях, когда они полезны и имеют значение.

Тем не менее Европейский Суд должен сосредоточиться не на законодательстве (в частности, не на законодательстве, регулирующем парламентарские процедуры), а на его применении, поскольку заявитель сталкивается со справедливостью или несправедливостью при применении к нему законодательства. Применение внутригосударственного законодательства, даже имеющего недостатки, необязательно влечет за собой нарушение положения Конвенции.

21. Если уделяешь внимание не только примененному законодательству, но и особенностям его применения, то может возникнуть вопрос (и Палата должна была задать его): *пострадал ли заявитель Саньи в настоящем деле от несправедливости вследствие применения к нему Национальным собранием Венгрии санкции за «невербальное выражение»?*

¹ *Malum licitum* (лат.) – дозволенное преступное деяние (примеч. переводчика).

² *Malum* (лат.) – преступное деяние (примеч. переводчика).

Конечно, нет.

22. Несмотря на то, что во многих случаях подвергшемуся наказанию депутату парламента должны быть обеспечены «основные процессуальные гарантии в соответствии с парламентской процедурой, чтобы оспорить наложенные на него дисциплинарные санкции» (см. пункт 12 настоящего особого мнения), могут возникнуть ситуации, когда использование таких гарантий *оказало бы медвежью услугу культуре демократии*.

Случай Саньи относится как раз к подобным ситуациям. Решив не предусматривать обсуждение перед голосованием по поводу применения санкции за использование подобных непарламентских выражений, венгерский законодатель *a priori*¹ послал ясный сигнал, что табу – это табу и что сквернословящие грубияны, которые явно и цинично злоупотребляют свободой выражения мнения, не получают бонуса, а именно возможности публично оспорить меры, которые можно назвать здоровой реакцией на такое злоупотребление, например, меру, состоящую в наложении штрафа на нарушителя. Это проблема Саньи, что он не понял или, что еще хуже (хотя, если судить по его заявлениям, размещенным в Интернете, мы имеем дело как раз со вторым случаем), осознанно проигнорировал «заповедь» цивилизованного общества, содержание которой было абсолютно прозрачным.

23. Однако даже презрев этот запрет, заявитель в действительности воспользовался одной – самой важной! – процессуальной гарантией, состоявшей в том, что штраф был наложен на него не единолично спикером (который инициировал процедуру применения санкции), а в результате парламентского голосования. Необходимо очень богатое воображение, чтобы признать данный порядок применения санкции «произвольным вмешательством публичных властей» (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», § 156, на который сделана ссылка, «в частности», в § 32 настоящего Постановления) в осуществление Саньи права, гарантированного статьей 10 Конвенции.

III

24. Второй довод, лежащий в основе решения об установлении нарушения статьи 10 Конвенции, удивляет не меньше, чем первый. Это по большей части довод фактического характера.

25. Большинство судей сочло необходимым выразить «озабоченность» по поводу того, что в предложении спикера о применении санкции к заявителю:

«...не содержится ни какого-либо прозрачного описания поведения, в котором обвинялся заявитель, ни исследования обстоятельств, ни подробной мотивировки решения» (§ 31 настоящего Постановления).

Также большинство судей признало, что отсутствовала «надлежащая мотивировка в решениях» (§ 32 настоящего Постановления).

Являются ли данные утверждения достаточно весомыми для того, чтобы обосновать «наряду с первым доводом) вывод о нарушении статьи 10 Конвенции? Думаю, что нет.

26. Давайте для начала разберем утверждение о том, что в предложении спикера «не содержится ни какого-либо прозрачного описания поведения, в котором обвинялся заявитель, ни исследования обстоятельств, ни подробной мотивировки решения». Этот упрек искусственно притянут за уши для того, чтобы сделать вывод о нарушении статьи 10 Конвенции. Что позволяет мне заявлять, что данный упрек «притянут за уши»? То, что он неверен с фактической точки зрения, и эта неверность с фактической точки зрения замаскирована. Описание поведения, которое, по мнению большинства, не изложено, на самом деле содержится и подчеркивается в предложении спикера. Спикер в своем предложении, которое приводится в § 7 настоящего Постановления, ссылается на протокол заседания Национального собрания Венгрии. Протокол представляет собой публично доступный официальный документ. В нем наглядно и недвусмысленно описаны действия заявителя. В соответствующей части протокола указано:

¹ *A priori* (лат.) – заранее (примеч. переводчика).

«Доктор Тибор Саньи сел, затем показал средний палец левой руки в левую сторону» («*Dr. Szanyi Tibor leül, majd a bal kezének középső ujját felfelé tartva balra int.*»).

27. Для читателей навсегда останется загадкой, почему и каким образом можно было признать, что в предложении спикера не содержится «ни какого-либо прозрачного описания», ни «исследования». Ни «какого-либо»?! Но именно это выражение было использовано, и именно так написало большинство.

Возможно, это всего лишь *lapsus linguae*¹, и большинство судей хотело сказать, что в предложении содержалось «слишком мало» «прозрачного описания» и «исследования»? Данную гипотезу следовало бы изучить, поскольку из всех возможных гипотез эта – единственная, которая могла бы придать хоть какой-то вес доводу большинства.

Но, как мы увидим ниже, она и этого не делает.

28. Так что же непрозрачно в приведенном выше описании, которое смог бы понять даже ребенок? Ничего. Какие «обстоятельства» и «мотивы» не исследованы? Из имеющих значение никакие. Действительно, насколько «подробными» должны быть «исследование обстоятельств» и «мотивировка решения», чтобы стать достаточными для большинства судей? Недостаточно того, что спикер сослался на протокол заседания Национального собрания Венгрии, в котором сказано, что Саньи «показал средний палец левой руки» другому депутату, и назвал этот жест «выражением, имеющим явно оскорбительный характер»? Помимо этого, спикер также сослался на статью 48(3) и (6) Закона XXXVI от 2012 года «О Национальном собрании Венгрии», в которой закреплено его полномочие выдвигать предложения о наложении санкции на любого депутата Национального собрания Венгрии, который «использует выражение, которое является оскорбительным для авторитета Национального собрания или по отношению к человеку или группе».

Какая «подробная» мотивировка должна быть дополнительно приведена в документе вроде этого? С каких пор спикеры и парламенты обязаны писать трактаты вместо составления простых и ясных процессуальных актов?

В связи с тем, что в предложении спикера содержится ссылка и на Закон «О Национальном собрании Венгрии», и на протокол парламентского заседания и приведена *prima facie*² оценка поведения Саньи, вывод большинства о том, что в предложении спикера «не содержится ни какого-либо прозрачного описания поведения, в котором обвинялся заявитель, ни исследования обстоятельств, ни подробной мотивировки решения», лишен фактического содержания. Если мне будет позволено использовать «рутинную» формулировку Европейского Суда (хотя и по другим причинам), данное утверждение является *явно необоснованным*.

29. Ссылки на другие документы являются обычной, совершенно правомерной практикой при составлении самых разнообразных юридических документов, и до сих пор они не только не вызвали вопросов, но и широко использовались самим Европейским Судом. Например, в настоящем Постановлении, в §§ 12 и 32, содержатся ссылки без цитирования текста на постановления Европейского Суда, принятые по другим делам. И такие ссылки совершенно правомерны. Подобный подход практичен, прагматичен. Ссылки экономят время и средства. Ссылки, особенно на имеющиеся в публичном доступе источники, не делают текст, содержащий эти ссылки, непрозрачным (или недостаточно прозрачным).

30. Проблему представляет не то загадочное якобы отсутствие в предложении спикера «какого-либо прозрачного описания [или] исследования». Проблему представляет отсутствие прозрачности в мотивировке, на которой основан вывод об установлении нарушения статьи 10 Конвенции в настоящем Постановлении. Я не шучу. По-настоящему «непрозрачным» в данном деле является *само Постановление*. Оно не является прозрачным, потому что в нем не цитируется и не содержится ссылок на протокол парламентского заседания, на который сослался спикер и в котором оспариваемое поведение описано, как показано выше, достаточно детально. Отсутствие этой важной фактической детали может создать в сознании читателей ошибочное впечатление, что в вышеуказанном протоколе недостаточно ясно описано поведение заявите-

¹ *Lapsus linguae* (лат.) – оговорка (примеч. переводчика).

² *Prima facie* (лат.) – на первый взгляд (примеч. переводчика).

ля. На самом деле в нем всё ясно изложено. Единственной проблемой является то, что не каждый читатель может ознакомиться с ним (в конце концов, протокол составлен на венгерском языке, который совершенно точно не является простым языком). Тем не менее протокол есть, так что и «прозрачное описание» тоже есть. К чему утверждения о том, что его нет?

31. Теперь я хотел бы проанализировать второе утверждение – о том, что отсутствовала «надлежащая мотивировка в решениях» (§ 32 настоящего Постановления). Оно озадачивает не меньше, чем только что рассмотренное утверждение. Прежде всего неясно, какие «решения» имело в виду большинство судей. Почему во множественном числе? О каком количестве решений шла речь? В настоящем деле было предложение наложить на Саньи санкцию, которое было принято Национальным собранием Венгрии в результате голосования. Одно предложение – одно решение.

Хорошо, множественное число также может быть *lapsus linguae*. Давайте ограничимся рассмотрением единственного решения Национального собрания Венгрии. И вновь данный документ (как и протокол заседания Национального собрания Венгрии) не приводится в Постановлении. Впрочем, возможно, нет необходимости приводить его. Не следует удивляться, если в этом решении действительно отсутствует подробная мотивировка. Означает ли это, что мотивировка, которая в нем содержится, не является «надлежащей»? Разумеется, нет, потому что это положительное голосование, какова бы ни была его документированная форма, должно рассматриваться *в контексте*, в настоящем деле в контексте предложения спикера и документов, упомянутых в этом предложении, а также в контексте представления Саньи на камеры парламентского телевидения, с которым ко дню вынесения решения вся Венгрия имела массу возможностей ознакомиться.

Как правило, такие решения парламентов (не только Национального собрания Венгрии) не содержат подробной мотивировки. В данном конкретном случае мотивировка была изложена спикером, который, повторюсь, сослался на другие документы и назвал жест Саньи «выражением, имеющим явно оскорбительный характер». Что еще? Должен ли был в решении содержаться тщательный анализ того, действительно ли средний палец является выражением «непристойным» и «оскорбительным для авторитета Национального собрания или по отношению к человеку или группе» (пользуясь формулировками статьи 48 Закона «О Национальном собрании Венгрии»)? Надо ли было объяснять, что средний палец – это табу? Непонятно, какая «мотивировка» устроила бы большинство в качестве «надлежащей».

32. В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» Европейский Суд счел, что «любое *ex post facto* решение о наложении дисциплинарного взыскания должно содержать основные причины, таким образом не только позволяя заинтересованному депутату парламента понимать обоснование меры, но и допуская определенную форму общественного контроля за ней» (§ 158).

Как указано выше, в настоящем Постановлении Европейский Суд ссылается на этот пункт «в частности» (§ 32). Эта ссылка сделала данный довод одним из решающих при установлении нарушения статьи 10 Конвенции.

33. Так же как я не согласен с некритическим, неизбирательным, абсолютистским, крайне формалистическим, исключительно дословным толкованием доктринальных положений, содержащихся в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», ведущим к тому, что подвергшемуся наказанию депутату парламента должны быть обеспечены «основные процессуальные гарантии в соответствии с парламентской процедурой, чтобы оспорить наложенные на него дисциплинарные санкции» и что должна быть предусмотрена «мера правовой защиты... в отношении произвольного вмешательства публичных властей в осуществление прав заявителей, гарантированных Конвенцией», в том числе такая «процессуальная гарантия», как «право заинтересованного депутата парламента быть заслушанным в парламентском производстве до наложения санкции» (см. пункт 13 настоящего особого мнения), я также возражаю против аналогичного некритического, неизбирательного, абсолютистского, крайне формалистического, исключительно дословного толкования доктринального положения, согласно которому «любое *ex post facto* решение о наложении дисциплинарного взыскания должно содержать основные причины, таким образом

не только позволяя заинтересованному депутату парламента понимать обоснование меры, но и допуская определенную форму общественного контроля за ней». Подобное толкование равнозначно установлению Европейским Судом для национальных парламентов государственных участников чрезвычайно жесткого универсального правила по вопросу, который традиционно находился в их компетенции.

34. То есть могут быть ситуации, когда отсутствует необходимость в изложении «основных причин» в конкретном решении (документе). Поэтому отсутствие такого изложения мотивов никоим образом не может помочь в обосновании вывода о нарушении статьи 10 Конвенции.

И вновь, дело Саньи как раз из этой категории. Предположение о том, что ввиду отсутствия «надлежащей мотивировки в решениях» (на самом деле одного решения) этот конкретный депутат Национального собрания Венгрии не мог «понимать обоснование меры», противоречит здравому смыслу, поскольку (я вынужден повториться, см. для сравнения пункт 5 настоящего особого мнения) депутаты парламентов обычно не являются людьми неумными и/или безответственными настолько, чтобы не понимать, какие действия недопустимы в культурном обществе, и чтобы им приходилось прямым текстом сообщать, что табу – это табу.

Однако данное предположение не только противоречит здравому смыслу. В настоящем деле было бы несправедливостью по отношению к самому Саньи, который по иронии судьбы пал жертвой предположения (или предубеждения?) о том, что депутаты (по крайней мере, некоторые из них) не способны понять то, что понятно почти каждому ребенку, а именно разницу между командами «вперед» и «проход запрещен».

35. Что касается «определенной формы общественного контроля за [этой мерой]», которая также без всякого разбора была заимствована при помощи «зонтичной» ссылки из упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (§ 158) наряду с предположением о том, что депутат парламента не в состоянии понять причины назначенного ему наказания, при использовании данной формулировки в настоящем деле Европейский Суд не учел очевидный факт: эта мера не только была принята публично и отражена в протоколе заседания Национального собрания Венгрии за соответствующий день, но также выступление Саньи» благодаря телевидению, Интернету и другим средствам информации» уже стало общественным «достоянием» Венгрии. Какие еще формы «общественного контроля» были необходимы, в Постановлении не уточнялось.

IV

36. Главный пункт, по которому я не согласен с большинством судей, относится к оценке наложения штрафа на Саньи на предмет соответствия Конвенции. Но я обязан добавить еще несколько комментариев.

37. Мне нравится многое в позиции судьи Войтычека (изложенном в его особом мнении) относительно неприменимости статьи 10 Конвенции к выступлениям и действиям, произносимым и осуществляемым в национальном парламенте. В то же время моя позиция не столь радикальна.

38. По-моему, даже если не все политические выступления подпадают под действие статьи 10 Конвенции, некоторые из них могут подпадать. В настоящем деле интерpellяции Саньи содержали как элементы, подпадающие под защиту статьи 10 Конвенции, так и элементы, на которые данная защита не распространялась. Не вдаваясь в детали, я допускаю, что мне придется пожертвовать своими искренними предубеждениями в отношении элементов из второй группы, чтобы иметь возможность проанализировать вместе с большинством судей элементы из первой группы.

39. Говоря об этом, я должен выразить свое несогласие с доктринальным утверждением о том, что:

«...интерpellяция представляет собой политическую речь, которая, несомненно, защищается статьей 10 Конвенции» (§ 26 настоящего Постановления).

Разумеется, могут быть сомнения и совершенно правомерные сомнения. Это доктринальное утверждение большинства судей является, мягко выражаясь, необоснованным. Оно является

еще одной ипостасью абсолютистского, некритического подхода к вопросам, касающимся статьи 10 Конвенции, на котором в настолько большой степени основывается настоящее Постановление. Кажется, что большинство не уделило какого-либо внимания тому обстоятельству, что статья 10 Конвенции является своего рода исключением в контексте всего конвенционного права. Это одна из двух статей (второй является статья 5 Протокола № 7 к Конвенции, но немного с другого ракурса), в которой прямо говорится об *ответственности* правообладателей, и единственная статья, в которой упоминаются их *обязанности*.

К большому сожалению, настоящее Постановление не является единственным, при вынесении которого проигнорированы обязанности и ответственность правообладателей, которые должны быть неотделимы от свободы выражения мнения.

40. Я согласен с решением большинства судей, содержащимся в пункте 6 резолютивной части Постановления, согласно которому «факт установления нарушения является сам по себе достаточной справедливой компенсацией причиненного заявителю морального вреда». Однако, по-моему, «нарушением», указанным в пункте 6, является нарушение, установленное в пункте 4 резолютивной части («имело место нарушение статьи 10 Конвенции в связи с отклонением ин-терпелляций заявителя»), но никак не в пункте 3 («имело место нарушение статьи 10 Конвенции в связи с наложением на заявителя штрафа»), с которым я категорически не согласен.

41. Тем не менее я проголосовал против пункта 7 резолютивной части, в котором, *inter alia*, содержится оговорка, обязывающая государство-ответчика выплатить заявителю 450 евро (то есть сумму штрафа, наложенного на заявителя), «а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации материального ущерба в случае, если заявитель уже уплатил штраф».

Сложно постичь смысл как присуждения материального ущерба, так и данной оговорки. Власти Венгрии проинформировали Европейский Суд, и это ясно видно из их замечаний, что заявитель не выплатил штраф, наложенный на него. Кроме того, сумма штрафа не была вычтена из доходов заявителя или стоимости имущества, принадлежащего ему, а также не была списана с его банковского счета. Сам Саньи не предоставил каких-либо документов, демонстрирующих, что ему был причинен «материальный ущерб» вследствие наложения на него штрафа. Более того, сразу после наложения на него штрафа Саньи публично заявил (это заявление также находится в свободном доступе в Интернете¹), что он не собирается выплачивать штраф (и что отсутствовал правовой механизм, позволяющий осуществлять подобные вычеты) и вместо этого «пойдет в Страсбург». Что он и сделал.

Обычно в случаях, когда заявитель не может подтвердить документально причиненный ему, по его словам, материальный ущерб, Европейский Суд не удовлетворяет эти требования. Однако в настоящем деле заявитель не только не доказал, что ему был причинен «материальный ущерб», но и, как можно увидеть из вышеуказанного публичного заявления Саньи (содержание которого власти Венгрии фактически подтвердили в своих замечаниях), он не выплачивал его. Если бы заявитель выплатил штраф после подачи жалобы в Европейский Суд, на нем лежала бесспорная обязанность дополнительно проинформировать Европейский Суд об этом новом обстоятельстве. Он этого не сделал.

В отсутствие каких-либо доказательств выплаты штрафа (или вычета его из заработной платы) Европейский Суд не должен спекулировать на тему того, существовала ли вероятность выплаты заявителем этого штрафа. Подобная непоследовательность, возможно, оставит читателей в раздумьях, почему данному конкретному заявителю был дарован подобный преференциальный режим.

42. Большинство судей допустило, что поведение заявителя являлось неприемлемым. При этом данное допущение (один раз на протяжении всего текста Постановления) сформулировано таким образом, что создается впечатление, что неприемлемость поведения заявителя не вызывает особой озабоченности у Палаты (в отличие от предложения спикера, в котором предположительно не содержится (а в действительности содержится) «ни какого-либо прозрачного

¹ См.: <http://24.hu/belfold/2013/11/18/megbuntettek-de-nem-fizet-szanyi-tibor>

описания поведения, в котором обвинялся заявитель, ни исследования обстоятельств, ни подробной мотивировки решения»). Это допущение звучит следующим образом:

«...Европейский Суд считает, что вмешательство состояло в применении санкции в рамках производства, необеспеченного достаточными процессуальными гарантиями и гарантиями непристрастности, *даже если* невербальное выражение мнения заявителем было чрезвычайно неуместным и вульгарным» (§ 31 настоящего Постановления, курсив автора).

Процессуальный аспект превалирует над материальным. Процедуры имеют большое значение, а существо дела почти ничего не значит.

43. Есть определенная ирония в том, что на следующий день после голосования Палаты по настоящему делу (то есть до опубликования Постановления) президент одного далекого островного государства¹ в Тихом океане в ходе публичного выступления, обращаясь к Европейскому Союзу, продемонстрировал свой средний палец, символично для Европейского союза, и озвучил нецензурное слово в адрес органа Европейского союза, тем самым он «прозрачно» и «надлежащим образом» объяснил, что означал его жест. Эта новость разлетелась по всему миру.

В то же время, поскольку наша гражданская и правовая культура теперь освещена положениями настоящего Постановления, никто в Европе не должен оскорбляться. Европейский Суд считает, что подобный красноречивый жест (и кто знает, сколько еще других «невербальных выражений»?), даже если он показан депутатом в палате национального парламента и попал в камеры парламентского телевидения, подпадает под понятие «свобода выражения мнения» и неизбирательно и без исключений пользуется, как всякая политическая речь, всеми процессуальными гарантиями, предусмотренными статьей 10 Конвенции.

Как далеко мы продвинулись!

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КШИШТОФА ВОЙТЫЧЕКА

1. При всем уважении я не согласен с подходом большинства судей по настоящему делу. По-моему, статья 10 Конвенции неприменима при обстоятельствах настоящего дела, и жалоба должна была быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу. Поскольку статья 10 Конвенции неприменима, отсутствуют основания для установления нарушения этого положения.

2. Современная конституционная демократия основана на недоверии к лицам, осуществляющим государственные полномочия. Как красноречиво объяснил судья Андраш Шайо в своей достойной восхищения работе: «Неважно, насколько дорогим является конституционный порядок и насколько чуждой и отчасти безуспешной является правовая репутация политической сферы, человек *вынужден* с недоверием относиться к государству и тем, кому принадлежит власть» («Самоограничение власти (краткий курс конституционализма)» // Издательство Центрально-Европейского университета (Central European University Press), Нью-Йорк и Будапешт, 1999, с. 11, курсив соответствует оригинальному форматированию). В демократическом государстве, подчиненном принципу верховенства права, главной заботой является эффективное ограничение действий государственных служащих. В этом контексте неудивительно, что европейская конституционная традиция основывается на ряде ясных различий: (i) между физическим лицом и государством, а также (ii) между официальными и частными действиями.

Права человека, или фундаментальные права, защищают физическое лицо от государства. Говоря конкретнее, они защищают физических лиц, когда они действуют в их личном качестве, от неправомерного вмешательства со стороны государства. В этом отношении важно иметь в виду, что государственная власть осуществляется физическими лицами, которые являются работниками государственных органов и которые действуют в официальном качестве. Права человека не защищают наделенных государственной властью лиц в их официальном качестве от действий других наделенных государственной властью лиц (по данному вопросу см., в част-

¹ Имеются в виду Президент Филиппин Родриго Дутерте и его выступление 21 сентября 2016 г. во время встречи с бизнесменами в филиппинском городе Давао (*примеч. переводчика*).

ности: В. Граф Витцхум (*W. Graf Vitzhum*). Действующая сфера применения основных прав (*Der funktionale Anwendungsbereich der Grundrechte*) в: Справочник основных прав в Германии и Европе (*Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa*), т. II «Основные права в Германии» (vol. II. *Grundrechte in Deutschland*). Общее учение (*Allgemeine Lehren*) // Под ред. Д. Мертен (*D. Merten*), Х.Й. Папир (*H.J. Papier*), Гейдельберг (*Heidelberg*), издательство К.Ф. Мюллера (*C.F. Müller Verlag*), 2006).

Действие, совершенное физическим лицом, относится либо к частной, либо к официальной сфере. Действия, относящиеся к частной сфере, могут пользоваться защитой прав человека от деяний, относящихся к официальной сфере. Действия, относящиеся к официальной сфере, не могут пользоваться аналогичной защитой. Физическое лицо не может требовать обеспечения ему защиты прав человека, когда оно действует в официальном качестве, особенно когда оно осуществляет свои обязанности работника государственного органа или государственного служащего. В последнем случае физическое лицо не только не защищается механизмами в области прав человека, но и обязано соблюдать права человека в их вертикальном измерении (то есть в отношениях между физическим лицом и государством). Я подробно излагал мою позицию по этим вопросам в особом мнении, прилагающемся к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии» (*Baka v. Hungary*), жалоба № 20261/12, *ECHR* 2016).

Общепризнанным является принцип, состоящий в том, что законодательство о правах человека защищает физических лиц, действующих в их личном качестве, а не государственных служащих. В то же время граница между частными и официальными действиями не всегда очевидна (см., в частности: Й. Шабе (*J. Schabe*). Защита основных прав наделенных государственной властью лиц (*Grundrechtsschutz hoheitlicher Funktionsträger*) в: государство – суверенитет – Конституция. Юбилейный сборник к семидесятилетию Гельмута Кварича (*Staat-Souveränität-Verfassung. Festschrift für Helmut Quaritsch zum 70. Geburtstag*) // Под ред. Д. Мурсвик (*D. Murswiek*), У. Шторост (*U. Storost*), Г.А. Вольфф (*H.A. Wolff*), Берлин: «Дункер Гумблот» (*Dunkcher Humblot*), 2000). Особенно сложным может стать отграничение действий, совершенных государственными служащими с превышением полномочий, в частности, правоведа могут вести споры относительно границы между неправомерными официальными действиями и неправомерными частными действиями государственных служащих.

3. Специфические правовые проблемы возникают в случае поведения парламентариев. Парламент по определению является местом, в котором его члены могут говорить свободно, и это является необходимым элементом совещательной демократии. Речь в парламенте является индивидуальным выбором депутата. Нельзя признать государство ответственным за речь депутата, и один депутат не может говорить за весь парламент. В конституционной демократии имеет особое значение предоставление оппозиции достаточных гарантий того, что ее голос будет услышан. Вопросам, внесенным в повестку дня парламентского заседания, проще привлечь внимание прессы и граждан, вследствие чего возможность выдвигать вопросы на обсуждение парламента позволяет оппозиции инициировать общественную дискуссию в больших масштабах и заставляет парламентское большинство участвовать в дискуссии и занимать определенную позицию в отношении обсуждаемых вопросов. Кроме того, существует фундаментальное различие между положением судей, свобода слова которых ограничена во многих отношениях и, в частности, обязанностью выступать в защиту независимости судей, и положением депутатов парламентов, которые пользуются гарантиями свободного мандата.

Тем не менее нельзя игнорировать тот факт, что речь в парламенте является частью парламентского мандата. *Свободный мандат* является в первую очередь *мандатом*, предоставленным народом своему представителю, чтобы он осуществлял государственную власть от имени народа. *Свобода* парламентского мандата является существенным элементом правовых рамок, ограничивающих объем полномочий депутата парламента. Мандат, предоставленный депутату народом, имеет обширный характер и включает широкие пределы усмотрения относительно парламентской речи. В то же время речь в парламенте является частью официальных функций депутата. Когда депутат говорит, он принимает участие в осуществлении государственной власти в рамках регулируемого законом процесса принятия решения. Свободная речь в парламенте берет свое начало не в неотчуждаемом человеческом достоинстве депутата парламента, а

в (обширном, но всё же не безграничном) делегировании полномочий со стороны суверенного народа. Она служит скорее для общего блага, нежели для личной самореализации депутата. Другими словами, право на свободную речь в парламенте предоставляется гражданами в интересах граждан, а не в интересах парламентариев. Речь гражданина, осуществляющего свое основополагающее право человека, и речь избранного представителя в рамках процесса принятия решений, которая произносится от имени народа и для народа, это «две большие разницы». Последний вид речи является не правом человека, а элементом надлежащей организации государственных учреждений и процессов принятия решений в представительной демократии.

Карл И. Фридрих (*Carl J. Friedrich*) элегантно изложил суть данного вопроса следующим образом:

«Речь является сутью парламентской деятельности, подлинной кровью политики парламента как корпоративного органа. Но так же как кровь должна течь по хорошо укрепленным сосудам, чтобы выполнять свою благотворную функцию, так и речь должна быть очерченной и регулируемой в парламенте. Не первозданный хаос множества голосов, а сбалансированная и упорядоченная процедура речи и реплики, аргументации и дебатов – вот что такое “речь” в парламенте. Привилегия “свободы слова” является не абсолютной привилегией отдельного депутата, а относительной свободой, совместимой со свободой других лиц. Выражаясь словами маркиза Хартингтона (*Hartington*), произнесенными во время обсуждения прекращения прений в Палате общин в 1882 году: “...привилегия выступления с речью, которую Палата позволяет осуществлять для того, чтобы самой получать консультации, информацию и формировать собственное мнение... не является личной привилегией, осуществляемой независимо от удобства и эффективности Палаты...”» (*К.И. Фридрих. Конституционные правительства и политика: природа и развитие (Constitutional Governments and Politics. Nature and Development)*, Нью-Йорк и Лондон: «Харпер энд Бразерс Паблিশез» (*Harper & Brothers Publishers*), 1937, с. 390).

Много десятилетий минуло с тех пор, как были написаны эти слова, но их актуальность осталась неизменной.

Сравнительно недавно судья Андраш Шайо объяснил, как в настоящее время функционируют парламенты, следующим образом:

«Вопреки мифам XVIII века о народном мандате отдельных представителей в действительности депутаты не могут принимать решения индивидуально. Только фракция, как корпоративное образование, может решать. Причина, по которой депутатам вообще принадлежат права, состоит в том, чтобы позволить законодательному институту продолжать работу... Право выступления в парламенте и выдвижения предложений принадлежит не отдельным физическим лицам, а большинству и оппозиции или фракциям; парламентское благородство направлено на оппозицию» («Самоограничение власти (краткий курс конституционализма)», *op. cit.*¹, с. 131–132).

4. Депутаты могут выступать с речами в различных местах и в самом разнообразном качестве: как граждане, как депутаты парламента, честно выполняющие свои обязанности, иногда как лица, пытающиеся воспрепятствовать деятельности парламента незаконными путями или вследствие превышения объема своих официальных полномочий. Следовательно, решение о признании речи, произнесенной депутатом парламента, в качестве частной или официальной требует тщательного исследования всех имеющих обстоятельство.

Я обращаю внимание на тот факт, что Конституционный суд Венгрии в своем Постановлении от 4 ноября 2013 г. № 3206/2013 АВ признал, что статья IX(1) Основного закона Венгрии в принципе применима к парламентской свободе слова (см. краткое изложение положений указанного Постановления в §§ 32–38 Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (жалоба № 42461/13, *ECHR* 2016 (*извлечения*)). Тем не менее Европейский Суд подчеркнул особенности данной свободы слова. Кроме того, неясен точный характер парламентской речи, на которую распространяет действие пункт 1 статьи IX Основного закона Венгрии. В любом случае имеющее характер толкования постановление Конституционного суда Венгрии, в соответствии с которым пункт 1 статьи IX Основного закона Венгрии применяется к парламентской речи, не изменяет фундаментального различия между этим видом речи и частной речью с точки зрения Конвенции.

¹ *Op. cit.* (лат. сокращение от *opere citato*) – в цитируемом сочинении (*примеч. переводчика*).

Настоящее дело является великолепной иллюстрацией того, что парламентская речь может касаться прав третьих лиц и что имеется настоятельная необходимость в эффективной защите третьих лиц от парламентской речи, произнесенной со злоупотреблениями и нарушающей их права. Факт произнесения подобной речи лицом в его официальном качестве может значительно увеличить вредоносный эффект этой речи для третьих лиц.

5. Интерпелляция является инструментом парламентского контроля за деятельностью правительства. Интерпелляция позволяет депутату парламента получить официальный ответ от члена правительства и запустить в палате процесс голосования по соответствующему вопросу. Если депутат не согласен с ответом, Национальное собрание Венгрии принимает решение о приемлемости ответа. Если парламентская палата отклоняет ответ, она может обратиться в парламентский комитет с поручением разработать предложение о необходимых мерах.

Возможность подачи интерпелляции представляет собой полномочие, предоставленное депутатам парламента для целей обеспечения надлежащего баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти. Это не индивидуальное право человека, вытекающее из достоинства личности и служащее личной самореализации, а элемент организации государства. Кроме того, существуют конституционные демократии, в которых не предусмотрен механизм подачи парламентских интерпелляций по венгерскому образцу.

Не может быть сомнений в том, что подача интерпелляций (письменных или устных) и комментирование официальных ответов на заседании парламентской палаты представляют собой действия, совершаемые в официальном качестве. Обжалуемое вмешательство никоим образом не влияло на возможности заявителя выступить с речью в качестве гражданина. На мой взгляд, выступления с речью, рассматриваемые в настоящем деле, относятся к официальной сфере и не могут пользоваться защитой, предоставляемой Конвенцией. Следовательно, статья 10 Конвенции неприменима к настоящему делу.

6. Мотивировка большинства судей также вызывает возражения иного рода. Большинство полагает, что интерпелляция представляет собой способ осуществления защищаемой законом свободы, и анализирует интерпелляцию заявителя при помощи понятийного аппарата ограничений свободы. С таким подходом сложно согласиться с точки зрения теории права. Интерпелляция является не только каналом для выражения мнений, но и прежде всего способом совершать действия при помощи слов (см. для сравнения: Дж.Л. Остин (J.L. Austin). Как делать вещи при помощи слов (*How To Do Things With Words*). Оксфорд: «Кларендон Пресс» (Clarendon Press), 1963). Способность подавать интерпелляции представляет собой не свободу, а полномочие в понимании Хофельда (см.: У.Н. Хофельд (W.N. Hohfeld). Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации (*Some fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning*) // Йельский юридический журнал (*The Yale Law Journal*), том 23, № 1, ноябрь 1913 года, с. 16–59; и «Основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации» (*Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning*) // Йельский юридический журнал, том 26, № 8, июнь 1917 года, с. 710–770) или же компетенцию в понимании А. Росса (A. Ross) («Теория директив и норм» (*The Theory of Directives and Norms*), Лондон: «Рутледж энд Кигэн» (Routledge and Kegan), 1968, с. 130–133). Понятие полномочия (компетенции) предполагает точное определение уполномоченного лица, процедуры осуществления полномочия, возможного содержания действия, которое должно быть совершено, круга лиц, в отношении которых реализуется полномочие, и правовых последствий. Действие, совершенное уполномоченным лицом, может произвести планируемый эффект только в случае, если оно остается в рамках материальных и формальных пределов полномочия. Даже если предположить, что полномочие депутата подавать интерпелляции является правом человека, защищаемым Конвенцией, невозможно его адекватно оценить, используя понятийный аппарат, предназначенный для оценки ограничений свободы.

7. Ссылаясь на упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», Палата пытается создать впечатление, что аргументация в настоящем деле продолжает аргументацию, изложенную в указанном Постановлении. В действительности такие ссылки распространяют стандарты, сформулированные в упоминав-

шемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», на фактические обстоятельства совершенно иного типа.

Рассматривая дело «Карачонь и другие против Венгрии», Европейский Суд столкнулся с неправомерными действиями, предпринятыми депутатами для того, чтобы сорвать заседание Национального собрания Венгрии. Хотя эти действия были совершены в стенах парламента, они совершенно точно находятся за пределами парламентского мандата. Европейский Суд в данном Постановлении прокомментировал, что оспариваемое поведение не являлось «традиционным способом для депутатов парламента для выражения своего мнения на тему, обсуждаемую в Палате парламента» (§ 149). Вопрос о том, защищалось ли такое поведение статьей 10, открыт для обсуждения, однако я признаю, что имеются серьезные основания рассматривать его в качестве частной речи, представленной, скорее, в частном, чем в официальном качестве, и поэтому защищаемой статьей 10 Конвенции.

В настоящем деле рассматриваемые действия являлись частью процедуры подачи интерпелляции. Заявитель выразил свое мнение либо устно во время рассмотрения интерпелляции Национальным собранием Венгрии (§ 6 настоящего Постановления), либо в виде письменного документа (§§ 9 и 11 настоящего Постановления). Несомненно, заявитель действовал в своем официальном качестве. Оспариваемое поведение относится к официальной речи, представленной в рамках выполнения обязанностей депутата парламента.

Неправомерные действия, направленные на создание препятствий и нарушение порядка при проведении парламентских дебатов, с одной стороны, и речь, изложенная в ходе процедуры интерпелляции, с другой стороны, представляют собой два совершенно разных типа речи, которые не следует путать друг с другом. Поэтому в настоящем деле Постановление не могло быть основано на упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии», и Европейский Суд должен был вынести решение по новым правовым вопросам, касающимся применимости статьи 10 Конвенции к официальной речи депутатов парламента. Эти вопросы не были рассмотрены Европейским Судом.

8. Тот факт, что статья 10 Конвенции неприменима, не означает, что другие права, гарантированные Конвенцией, не могут быть затронуты в настоящем деле. С этой целью необходимо изучить не только характер действий и поведения, в осуществление которых вмешивается государство, но и характер вмешательства, обжалованного заявителем. Вопрос о нарушении Конвенции в случае, когда государство вмешивается в деятельность, не охваченную правами, гарантированными Конвенцией, может возникнуть, если вмешательство по своей природе затрагивает жизнь, здоровье, личную свободу или собственность частного лица.

Я согласен с тем, что, наложив штраф на заявителя, Национальное собрание Венгрии вмешалось в права человека заявителя, защищаемые Конвенцией и Протоколами к ней. Штраф явно является вмешательством в право на беспрепятственное пользование собственностью, защищаемое статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Данную часть жалобы следовало коммуницировать властям Венгрии и рассмотреть на предмет нарушения статьи 1 Протокола № 1, а также статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1.

В то же время я не вижу признаков вмешательства в гарантированные Конвенцией права заявителя при отклонении двух его интерпелляций. Эти меры не затрагивали заявителя лично и не вмешивались в какую-либо деятельность, осуществляемую им в частном качестве. Они не ограничивали личную свободу заявителя и не посягали на его собственность. В частности, заявителю ни в его частном, ни в официальном качестве ничто не мешало выступать с заявлениями по вопросам, которые он хотел поднять. Единственным следствием вмешательства стало то, что лица, которым была адресована интерпелляция, не были обязаны официально отвечать на интерпелляцию, а также что интерпелляция не могла быть рассмотрена на заседании Национального собрания Венгрии. Таким образом, указанная мера оказала влияние на способность заявителя осуществлять свои официальные полномочия в качестве члена законодательного органа. Возможно, это нарушало положения внутригосударственного законодательства, обеспечивающие объективные правовые гарантии парламентской оппозиции, но никак не субъективные права человека, принадлежащие заявителю. Поэтому данная часть жалобы полностью

находится за рамками сферы действия прав, гарантированных Конвенцией, по предмету регулирования и по кругу лиц.

9. В настоящем Постановлении затронуты фундаментальные вопросы, касающиеся понимания прав человека и сферы их применения. Оно основывается на веских косвенных предположениях относительно характера прав человека, которые были приняты Европейским Судом без указания мотивов такого принятия. По-моему, просто невозможно разрешить вопрос о применимости статьи 10 Конвенции к парламентской речи без объяснения характера прав, защищаемых Конвенцией. В частности, следовало дать пояснения относительно того, о каком праве человека идет речь, кого и от кого оно защищает. Общественность рассудит, делает ли мотивировку более убедительной решение большинства судей не рассматривать эти фундаментальные вопросы.

Аргументация в настоящем деле основывается на косвенном предположении о том, что поведение частного лица может быть одновременно и отправлением государственной власти, и осуществлением права человека. Я категорически против такой позиции. Поведение человека относится либо к частной сфере, либо к официальной сфере, но никогда к обеим сферам сразу. Нельзя одновременно требовать и признания атрибутов государственной власти, и защиты прав человека. Иной вывод, противореча европейским конституционным традициям, потребовал бы тщательного и всеобъемлющего обоснования.

Подход большинства приводит к *droit-de-l'hommission*¹ правовых отношений внутри государственного аппарата. Данный подход искусственно трансформирует вопросы сдержек и противовесов в рамках государственного устройства в вопросы защиты прав человека. В соответствии с этим подходом государство при решении подобных вопросов не может ограничиться поиском оптимальных вариантов организации демократических процессов принятия решений и обязано привести убедительные причины, по которым не имплементируются некоторые конституционные решения.

В то же время расширение сферы действия прав человека по кругу лиц влияет на эффективность защиты прав человека. Такое расширение рубит сук, на котором покоится международная система защиты прав человека. Если каждый субъект права, включая наделенных государственной властью лиц, будет иметь право на права человека, то всё закончится ситуацией, когда эффективно защищаемыми правами пользоваться никто не сможет. Распространение защиты прав человека на наделенных государственной властью лиц в моменты, когда они выступают в официальном качестве, подрывает саму идею прав человека.

10. В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» имелись большие проблемы с пониманием принципа соразмерности. В нем говорится следующее:

«...при обстоятельствах дела обжалуемое вмешательство публичных властей в осуществление права заявителей на свободу выражения мнений не было соразмерным преследуемым правомерным целям, поскольку оно не сопровождалось достаточными процессуальными гарантиями» (§ 161).

При таком подходе происходит смешение двух совершенно разных вопросов: вопроса о соразмерности, с одной стороны, и вопроса о гарантиях надлежащего разбирательства, с другой стороны. Вопрос о соразмерности относится к категории материально-правовых, а вопрос о процессуальных гарантиях по определению – к сфере процессуального права. Действительно, материально-правовые и процессуальные нормы могут встретиться вместе в некоторых правовых положениях (например, в положениях, относящихся к неприкосновенности депутатов парламента), которые могут иметь и материально-правовое, и процессуальное измерения. Однако необходимо, насколько это возможно, различать данные две плоскости. Анализ соразмерности не зависит от стандартов надлежащего разбирательства и служит целям оценки меры по существу. Ограничение может быть соразмерно преследуемой цели, хотя оно не сопровождалось

¹ *Droit-de-l'hommission* (фр. окказионализм от *droits de l'homme* (права человека)) – оправочеловечение, перевод на уровень прав человека (примеч. переводчика).

всеми необходимыми процессуальными гарантиями, и, наоборот, ограничение, примененное с соблюдением надлежащих процессуальных норм, может нарушать принцип соразмерности.

Судя по всему, в настоящем Постановлении Европейский Суд пошел тем же путем, хотя использованные им формулировки несколько более расплывчаты:

«По большей части по причинам, которые изложены в §§ 148–162, в частности, в §§ 151, 154, 156 и 158 упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (отсутствие эффективных и достаточных гарантий от злоупотребления дисциплинарными полномочиями, отсутствие надлежащей мотивировки в решениях и отсутствие парламентской процедуры, позволяющей заявителю изложить свою позицию), данное вмешательство нельзя признать «необходимым в демократическом обществе» по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции» (§ 32 настоящего Постановления).

Большинство судей предпочло не упоминать принцип соразмерности, сославшись вместо этого на более общее условие о «необходимости».

Я не уверен, что слово «необходимы», использованное в пункте 2 статьи 10 Конвенции и других похожих ограничивающих статьях, охватывает процессуальные гарантии. Безусловно, при оценке соответствия вмешательства статье 10 Конвенции Европейский Суд некоторое время рассматривал, обеспечены ли достаточные процессуальные гарантии. Однако правовая основа таких гарантий неясна. Иногда они рассматриваются при оценке соразмерности (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» (*Steel and Morris v. United Kingdom*), жалоба № 68416/01, § 95, *ECHR* 2005-II, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Киприану против Кипра» (*Kyprianou v. Cyprus*), жалоба № 73797/01, §§ 171 и 181, *ECHR* 2005-XIII, Постановление Европейского Суда по делу «Кудешкина против Российской Федерации» (*Kudeshkina v. Russia*) от 26 февраля 2009 г., жалоба № 29492/05¹, § 83, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции» (*Morice v. France*), жалоба № 29369/10², § 155, *ECHR* 2015, и Постановление Европейского Суда по делу «Джумхурийет Вакфи и другие против Турции» (*Cumhuriyet Vakfi and Others v. Turkey*) от 8 октября 2013 г., жалоба № 28255/07, § 59), иногда они относятся к требованию законности, согласно которому вмешательство должно быть «предусмотрено законом» (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Компания «Саноме Эйтгеверс Б.В.» против Нидерландов» (*Sanoma Uitgevers B.V. v. Netherlands*) от 31 марта 2009 г., жалоба № 38224/03, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания «Саноме Эйтгеверс Б.В.» против Нидерландов» от 14 сентября 2010 г., § 100), а иногда они применяются без ссылки на какой-либо конкретный принцип или слова, использованные в статье 10 (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Ломбарди Валлаури против Италии» (*Lombardi Vallauri v. Italy*) от 20 октября 2009 г., жалоба № 39128/2005, § 46).

Учитывая характер рассматриваемого невербального выражения, я не считаю, что штраф, наложенный на заявителя, был несоразмерным. В этом отношении я всецело разделяю позицию, озвученную судьей Эгидиусом Курисом в его очень убедительном особом мнении. Явно непарламентское поведение депутатов представляет собой не меньшую угрозу конституционной демократии, ее надлежащему функционированию и легитимности, чем неуместные ограничения средств парламентского контроля, применение которых иницируется преимущественно оппозицией. Санкция, наложенная в настоящем деле, представляется необходимой в демократическом обществе не только для защиты прав других лиц, но и для предотвращения беспорядков в конституционной демократии. Другой вопрос, была ли справедливой процедура наложения этой санкции.

11. Анализ, выполненный большинством, упускает из виду один важный аспект настоящего дела. Вопрос о процессуальных гарантиях в рамках дисциплинарного производства в парламенте следует рассматривать в более широком контексте неприкосновенности и привилегий депутатов в целом. Подпункт (1) пункта 2 статьи 4 Основного закона Венгрии гарантирует не-

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 4 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 10 (примеч. редактора).

прикосновенность депутатов парламента. Эти гарантии также подтверждаются в статье 73 Закона «О Национальном собрании Венгрии»:

«(1) В течение и по истечении срока действия мандата Депутат не подлежит преследованию в суде или ином органе в связи с его позицией на голосовании, фактом или мнением, представленным им при осуществлении мандата и в связи с ним.

(2) Неприкосновенность, описанная в пункте 1, не применяется в случае привлечения депутата к ответственности на основании гражданского законодательства, а равно за совершение следующих преступных деяний:

(a) агитация, направленная против общества, посягательство на национальный символ, публичное отрицание преступлений, совершенных национал-социалистическим и коммунистическим режимами, нарушение режима охраны особо секретной и секретной информации, нарушение режима охраны конфиденциальной информации, нарушение режима охраны данных с ограниченным доступом в соответствии с Законом IV от 1978 года «Об уголовном кодексе Венгрии», действовавшим до 30 июня 2013 г.;

(b) подстрекательство против общества, посягательство на национальный символ, публичное отрицание преступлений, совершенных национал-социалистическим и коммунистическим режимами, нарушение режима охраны секретной информации в соответствии с Законом C от 2012 года «Об уголовном кодексе Венгрии».

(Официальный перевод Закона «О Национальном собрании Венгрии» на английский язык размещен на сайте Национального собрания Венгрии: <http://www.parlament.hu>).

Неприкосновенность является гарантией надлежащего функционирования демократического парламента. Обязательным «дополнением» к неприкосновенности является ограничение депутатской свободы действия в отношении защиты порядка в парламенте, в особенности путем применения парламентом дисциплинарных санкций. Особенности внутренних парламентских процедур тесно связаны с тем обстоятельством, что депутаты парламента (по крайней мере, частично) освобождены от судебного преследования с целью привлечения их к уголовной и гражданской ответственности. При оценке достаточности процессуальных гарантий в парламенте следует учитывать существование процессуальных гарантий, связанных с депутатской неприкосновенностью и применимых за пределами парламента. С точки зрения материального права депутатская неприкосновенность является веским аргументом против применения общих гарантий свободы слова к парламентской речи. Институт неприкосновенности защищает скорее процесс осуществления государственной власти от ненадлежащего вмешательства со стороны других государственных органов, чем осуществление прав человека. Неприкосновенность в случае депутатов предоставляется ввиду отличающегося характера парламентской речи, которая представляет собой форму участия в отправлении государственной власти, в сфере, в которой общая свобода выражения мнения не применяется. С точки зрения процессуального права депутатская неприкосновенность является веским, хотя и не *carte blanche*¹, аргументом в пользу принятия особенностей внутренних парламентских процедур, которые фундаментально отличаются от судопроизводства. Правовые положения ограничивают возможность принуждения депутата к исполнению законодательства в судебном порядке, поскольку существуют иные положения, позволяющие возбудить производство, основанное на иных принципах.

Таким образом, я всецело согласен с мнением о том, что финансовые санкции не должны применяться к депутатам в рамках внутренних парламентских процедур без предоставления заинтересованному лицу достаточных гарантий права быть заслушанным.

12. Большинство судей критикует государство-ответчика за то, что «в предложении спикера, на основании которого к заявителю была применена санкция, не содержится ни какого-либо прозрачного описания поведения, в котором обвинялся заявитель, ни исследования обстоятельств, ни подробной мотивировки решения» (§ 31 настоящего Постановления). Относительно данного утверждения можно сделать несколько ремарок.

Во-первых, хотел бы отметить некоторое противоречие в подходе большинства судей. С одной стороны, описание оспариваемого поведения признано не являющимся прозрачным, а с

¹ *Carte blanche* (фр.) – полная свобода действий (примеч. переводчика).

другой стороны, большинство не сомневается в том, о каком поведении идет речь, и описывает его как чрезвычайно неуместное и вульгарное.

Во-вторых, я не думаю, что описание обжалуемого поведения было недостаточным при обстоятельствах дела. В настоящем Постановлении содержится ссылка на описание поведения, приведенное в протоколе заседания за 18 марта 2013 г. Все понимают выражение, за которое был оштрафован заявитель, и причины, по которым он был оштрафован. Заявитель не только не обжаловал формулировки, при помощи которых было описано его поведение в резолюции Национального собрания Венгрии, но и его замечания демонстрируют, что данное описание было достаточно ясным, учитывая обстоятельства дела.

В-третьих, я вновь хотел бы отметить абсолютную непоследовательность в применении стандартов, касающихся изложения мотивов вынесения решений государственными органами (см. мое особое мнение к Постановлению Европейского Суда по делу «Скипани и другие против Италии» (*Schipani and Others v. Italy*) от 21 июля 2015 г., жалоба № 38369/09). Присяжные, выносящие подсудимому в рамках уголовного судопроизводства обвинительный приговор, не обязаны указывать мотивы, по которым они пришли к данному решению (см. Решение Европейского Суда по делу «Сарик против Дании» (*Saric v. Denmark*) от 2 февраля 1999 г., жалоба № 31913/96, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии» (*Tahquet v. Belgium*), жалоба № 926/05, *ECHR* 2010, и Решение Европейского Суда по делу «Джидж против Соединенного Королевства» (*Judge v. United Kingdom*) от 8 февраля 2011 г., жалоба № 35863/10); достаточно, чтобы подсудимый понимал мотивы его осуждения. В то же время в настоящем Постановлении указано, что парламент, накладывающий на депутата обычный штраф в рамках дисциплинарного производства, обязан изложить *подробную* мотивировку. Какое разумное объяснение можно дать возложению более тяжелого бремени на парламент при проведении дисциплинарного производства, чем на присяжных в уголовном судопроизводстве?

13. Во многих европейских государствах внутренние дела парламента и в особенности споры между депутатами и парламентскими органами считаются не подлежащими рассмотрению в суде, так как они относятся к защищаемой конституцией сфере парламентской автономии. Следует воспринимать всерьез эту традицию исключения из круга подлежащих рассмотрению в суде внутренних дел парламента, поскольку она имеет под собой очень глубокие причины. Демократические правила игры в парламенте либо в достаточной степени интернализированы политическим классом, вследствие чего судебный контроль за внутренними парламентскими делами становится излишним, либо нет, и тогда судебный контроль неэффективен.

Парламентские дела, которые считаются не подлежащими рассмотрению в суде на внутригосударственном уровне, в еще меньшей степени подлежат такому рассмотрению на международном уровне. Умножение международных судебных гарантий не всегда представляет собой наиболее эффективный способ продвижения и защиты конституционной демократии. Международный судебный контроль за внутренними решениями, принимаемыми национальными парламентами, является довольно существенным вмешательством в политический процесс принятия решений на внутригосударственном уровне. В любом случае такой контроль не входит в мандат Европейского Суда в том виде, в котором он сформулирован в статье 19 Конвенции.

Права и ограничение ответственности

Электронное периодическое издание «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 – 58098) является средством массовой информации в соответствии с Законом Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и предназначено для обеспечения доступа к информации о деятельности Европейского Суда по правам человека и Совета Европы.

Исключительные права на литературные произведения и переводы, опубликованные в электронном периодическом издании, принадлежат ООО «Развитие правовых систем».

© ООО «Развитие правовых систем», 2016

Использование материалов электронного периодического издания «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» возможно только с письменного разрешения правообладателя.

Единственно аутентичными текстами постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, опубликованных в издании, являются тексты на французском и английском языках. Переводы на русский язык не носят официального характера и не обязывают Совет Европы и его органы, а равно Европейский Суд по правам человека.

В оформлении издания используется символика Совета Европы и Европейского Суда по правам человека.

© ООО «Развитие правовых систем», 2016
© Совет Европы / Архитектура: Партнерство
Ричарда Роджерса (Richard Rogers Partnership)
(Европейский Суд по правам человека)